

С В Е Ч Н Ы М П О В Е Ч Н О М У

Прогулки с Гоголем по Риму С.86

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

КТО И ЗАЧЕМ РАСКАЛЫВАЕТ ПРАВОСЛАВНЫХ

СВЯЩЕННЫЙ СИНОД РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ принял решение о полном разрыве евхаристического общения с Вселенским (Константинопольским) патриархатом. Это было сделано в ответ на решение патриарха Варфоломея, фактически открывшее дорогу к провозглашению автокефалии Украинской православной церкви. Политические последствия нынешних церковных дразг могут оказаться куда шире и опаснее чисто богословских и монашеских споров.

Нынешний церковный конфликт уходит корнями еще в XVII век, когда Константинополь, уже давно вошедший к тому времени в состав Османской империи, в 1686 году передал Киевскую митрополию в управление русской церкви. Сегодня это часть территорий нынешних Украины, Белоруссии, Литвы и Польши. Тогда эти земли были под властью Речи Посполитой, где за приверженность православию полагалась смертная казнь. Москва взяла верующих под свою защиту, проведя сложные переговоры с поляками. Теперь Вселенский патриарх Варфоломей обосновывает решение константинопольских иерархов поддержать стремление к автокефалии украинской церкви тем, что якобы в XVII веке Москва не получила «право собственности» на эти земли, а лишь некоторые полномочия по управлению церковной жизнью, и то не насовсем. В РПЦ же настаивают, что решение 1686 года было окончательным, и готовы продемонстрировать сотни архивных документов. Только вот кому они нужны, эти документы, когда речь идет о голимой политике. Легко прогнозировать, что в контексте нынешней украинской антироссийской политики претенденты на завладение собственностью РПЦ получают мощную, даже оголтелую поддерж-

ку со стороны многочисленных националистических сил. Сторонники Украинской православной церкви Московского патриархата и так уже не первый год находятся под сильным политическим давлением. Были случаи нападений и даже убийств священников РПЦ и отъема храмов. Теперь количество таких случаев возрастет многократно. Сторонники РПЦ окажутся под мощным давлением. При разделе церковного имущества раскол может пройти через каждый приход и привести к многочисленным конфликтам и даже жертвам.

Украинские власти, инспирируя движение к автокефалии, поощряют едва ли не самый острый раскол в восточном христианстве со времени конфликта между никонианами и старообрядцами в России при царе Алексее Михайловиче во второй половине XVII века. С той существенной разницей, что богословская составляющая в этом конфликте – практически нулевая, он носит исключительно политический, искусственный характер. Что по сути противоречит не только чисто юридическим принципам отделения церкви от государства, но и самому духу христианства, которое призывает людей к миру и единству в служении Богу, а не своим политикам и даже президентам. ●

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Заместитель ректора по международной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Председатель правления Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой – Фонд ВАРП, президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), посол доброй воли ЮНЕСКО

ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.)

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

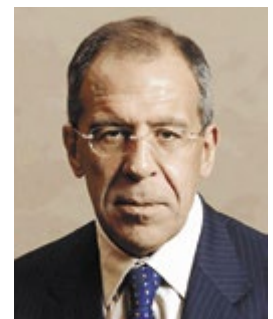
КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Ректор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

КАГАНОВ В.Ш.
Помощник заместителя председателя правительства

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор департамента специальной связи МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

ИТАР-ТАСС

РУССКИЙ МИР

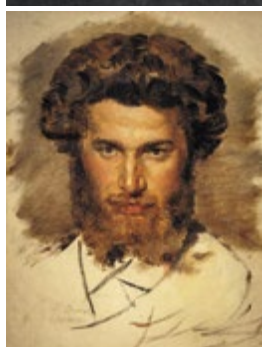
06 «Большая летучка» в Нью-Йорке

ИСТОРИЯ

08 Вторая шашка

НАСЛЕДИЕ

14 И ничего не образовалось

20 Воспевший свет

30 Русский волшебник

ИНТЕРВЬЮ36 «В Спасском
один гений –
Тургенев»**МУЗЕИ**

44 Возвращение фельдмаршала

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

54 Казаки Варненского озера

ГОРОДА РОССИИ

62 Там,
где Волга
молодая

ЭКСПЕДИЦИЯ

72 По следам погибших
туристов

ЗАРИСОВКИ ЖИЗНИ

82 Вольные
хлеба

ПУТЕШЕСТВИЕ

86 Под серебряным небом

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Арина АБРОСИМОВА
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Павел ВАСИЛЬЕВ
Максим ГУСЕВ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Григорий ПЕРНАВСКИЙ
Юлия СЕМЕНОВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке:
коллаж Олега БОРОДИНА

«БОЛЬШАЯ ЛЕТУЧКА» В НЬЮ-ЙОРКЕ

АВТОР

ЮЛИЯ СЕМЕНОВА

ФОТО

ЕЛЕНА ЗАКАРИТЕ

ПОДЗЕМКА В НЬЮ-ЙОРКЕ – ЭТО ВАМ НЕ МОСКОВСКОЕ МЕТРО! НИ ТЕБЕ ВХОДОВ СО СВЕТЯЩЕЙСЯ, ИЗДАЛЕКА ЗАМЕТНОЙ БУКВОЙ «М», НИ ПРОСТОРНЫХ ВЕСТИБЮЛЕЙ СО СКУЛЬПТУРАМИ, НИ ЭСКАЛАТОРОВ. ПОДНИМАЕШЬСЯ НАВЕРХ, КАК ИЗ ПОДВАЛА, А ТУТ – ЗАПАХ РЕКИ, НЕБОСКРЕБЫ, СВЕТЯЩАЯСЯ РЕКЛАМА, ВИТРИНЫ МАГАЗИНОВ, ШУМ АВТОМОБИЛЕЙ, РАЗНОЯЗЫКАЯ ТОЛПА.

УХО УЛАВЛИВАЕТ ЗВУКИ русской речи. Ее здесь много. Это Бруклин – американская Москва, по остроумному выражению Эрика Адамса. Он президент боро (округа) Бруклин, и именно по его приглашению здесь в конце сентября собралось около 200 главных редакторов и ведущих журналистов русскоязычных СМИ из десятков стран на юбилейном, XX конгрессе Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП). На «большой летучке», как назвал форум бессменный председатель ВАРПа, бывший генеральный директор российского информационного агентства ТАСС Виталий Игнатенко.

ГОРОД ДЛЯ ВСЕХ

В Бруклине сегодня живет около 300 тысяч человек, говорящих на русском языке. Всего же в большом Нью-Йорке их свыше 700 тысяч. Именно поэтому, считает Эрик Адамс, Бруклин – самое подходящее место для проведения масштабного форума русскоязычных журналистов из 50 стран. По горячим следам новостные агентства всю цитировали эмоционального президента нью-йоркского округа, сравнившего СМИ на русском языке с двухкилометровым Бруклинским мостом, соединяющим его город с Манхэттеном. Когда в 1883 году был запущен в эксплуатацию самый большой тогда в мире висячий мост, среди жителей Бруклина

Награду правительства России получило информационное агентство «Хабар» (Казахстан)

распространились слухи, что он не выдержит большой нагрузки и ходить по нему опасно. Однако нашлись смельчаки, доказавшие, что это не так. С каждым днем таких людей становилось больше, и берега пролива Ист-Ривер становились ближе. Именно со строительством этого моста Бруклин стал неотъемлемой частью Большого Яблока.

– Не имеет значения, что сегодня происходит в Америке, не имеет значения, кто сегодня президент или сенаторы. Мы должны построить мост для нас, для наших детей, для последующих поколений. Кирпичик за кирпичиком мы построим этот мост, фундаментом которого является самая лучшая нация – нация людей, – заявил Адамс на открытии конгресса.

Потом в кулуарах, обсуждая с коллегами и чернокожего красавца-президента, и его пламенную речь, мы пришли к выводу, что американские партнеры, принявшие участие в организации форума, совершили обычный человеческий подвиг. В то время как русофобия в мире зашкаливает, когда США вводят против России новые санкции, гостеприимно принимать у себя русских журналистов и оказывать им всяческие почести по меньшей мере недальновидно, ведь официальные лица могут потерять в рейтинге.

– Вы хоть понимаете, что совершили акт гражданского мужества? – спрашиваю у Мариэтты Розенталь, которая вообще-то работает в сфере здравоохранения, но на волонтерских началах исполняет обязанности советника по вопросам межэтнических отношений у главы администрации Бруклинского боро. Именно на Мариэтту легла основная часть оргработы, включая размещение, питание, культурную программу. Она пожимает плечами:

– Мне многие об этом говорят. Но не знаю... Не думала.

– А были какие-то препятствия, когда вы все организовывали? Может быть, кто-то не хотел, чтобы сюда приезжали в том числе российские журналисты?

– Что вы! Наоборот, везде принимали очень хорошо. Вы же понимаете, это – Бруклин. В административных органах города работает много русскоговорящих людей. И идея

нашего боро-президента – создать город для всех, единый Бруклин. То есть не важно, откуда ты сюда приехал, на каком языке говоришь. Мы все едины. Так что какого-либо недовольства из-за того, что сюда приедут русские журналисты, мы не почувствовали. Вообще.

КАК ВЫЖИТЬ РУССКОЙ ПРЕССЕ В АМЕРИКЕ

По официальным данным, в США живет около 5 миллионов человек, говорящих по-русски, но сколько СМИ на нем выходит, неизвестно. Много, утверждает главный редактор газеты «Русская Америка» Ольга Тарасова. Правда, печатным СМИ в последние годы стало совсем нелегко. Падают тиражи, растут цены на бумагу, на распространение. Издатели не могут позволить себе содержать большой штат, в редакциях газет и интернет-сайтов работают по два-три человека, и чаще всего удаленно, чтобы сэкономить деньги на аренде офиса. И вот в такой ситуации возникла идея создать Ассоциацию русских журналистов Америки. – Это общественная организация, – говорит Ольга. – Суть в том, что ее члены смогут делиться друг с другом контентом. Маленький штат русских СМИ не позволяет охватить все. А ведь хочется дать читателю наиболее интересную и полную информацию. У нас есть устав, несколько журналистов его подписали. Создадим страничку в соцсетях для привлечения людей в ассоциацию. Будем продвигать идею. Впрочем, обмен контентом – это только одно из направлений работы будущего профессионального объединения американских журна-

листов, говорящих и пишущих по-русски. Одна из их задач – сохранить русский язык. Не секрет, что число людей, считающих его родным, катастрофически сократилось за последние два десятилетия. Сейчас, по разным данным, их число оценивается от 220 до 270 миллионов человек (а было 350 миллионов). Поэтому сохранение русского языка и русской культуры в Америке – одна из важнейших задач нового общественного объединения, убеждена Ольга Тарасова.

Для большинства американских издателей русскоязычные СМИ что-то вроде бизнеса для души. Впрочем, не только для них. Такая же ситуация в других странах. СМИ на русском практически не приносят дохода. И тут выигрывают те издатели, у которых масс-медиа – не единственный бизнес. Финансово поддерживать свои газеты, журналы и интернет-сайты могут в первую очередь те, кто сумел создать параллельный бизнес в сфере недвижимости, туризма, других областях.

Дискуссии начинались в зале заседаний

СОЦСЕТИ КАК КОНКУРЕНТ

ВАРП – площадка для обмена опытом и для дискуссий. Они обычно начинаются в зале заседаний и продолжаются потом за обедом, в курилках, на прогулках. Темы могут повторяться из года в год. Как, например, все, что связано с историей нашего общего Отечества, той страны, где большинство из нас родилось, росло, училось, взрослело. Вот и теперь масла в огонь подлил известный российский журналист Леонид Млечин, заявивший, что историю страны можно и надо переписывать.

– Что значит, не дадим переписывать историю? – возмущается он. – Физику переписывать можно, биологию можно, всякая наука развивается, а история что, не должна развиваться? Понимание того, что было, требует от нас более активной жизненной позиции.

– Ну уж здесь как посмотреть, – не соглашается главный редактор израильского русскоязычного интернет-телевидения ITON Александр Вальдман. – Есть вещи, которые лучше не ворошить, хотя бы потому, что это вызовет серьезные конфликты в обществе. История – очень политизированная наука, нет никакой гарантии, что та или иная сила не воспользуется «переписанной историей» в своих интересах.

Раззадорил народ и Алексей Венедиктов, главный редактор «Эха Москвы», затронув тему соцсетей. О том, что после появления и распространения «Одноклассников», «В контакте», Facebook и т.д. журналисты должны учиться работать в новых условиях, понятно всем. Но как это сделать? И что можно противопоставить оперативности пользователей? И как получилось, что у Венедиктова, например, тысячи подписчиков на странице, а у никому не известного десятиклассника Иванова – десятки тысяч? Что делать и как изменить ситуацию – никто не знает. «У нас нет возможности соревноваться с соцсетями, да и нет смысла с ними соревноваться. Единственное, что мы можем им противопоставить, чтобы нам верили, – это свою репутацию», – считает Венедиктов.

Следующий конгресс Всемирной ассоциации русской прессы состоится через год в Турции.

Президент боро Бруклин Эрик Адамс тоже немножко почувствовал себя журналистом

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ВТОРАЯ ШАШКА

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

11 НОЯБРЯ 1918 ГОДА В КОМПЬЕНСКОМ ЛЕСУ В ЛИЧНОМ ВАГОНЕ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ АНТАНТЫ НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ МАРШАЛА ФЕРДИНАНДА ФОША БЫЛ ПОДПИСАН ДОКУМЕНТ, КОТОРЫЙ ОСТАНОВИЛ ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ.

КАК ВСЯКАЯ БОЛЬШАЯ война – а Первая мировая по масштабам уступает только Второй, – она «вывела в люди» множество тех, кто в иное время прожил бы жизнь, ничем особо не примечательную. Возможно, и в чи-

нах бы поднялся, и до генеральской пенсии дослужился, но так бы и остался известным лишь узкому кругу лиц. Среди прочих «вышедших в люди» – Алексей Максимович Каледин. Сразу же надо сказать, что ударение в фамилии делается на

последний слог. Так в древнем роду донских казаков Калединых изначально принято. Правда, нет ли, но на Дону замену ударения на второй слог приписывают товарищу Льву Bronштейну, более известному миру как Троцкий. Отец советской военной пропаганды вполне мог додуматься и до такого. Ведь не только Каледин превратился в Каледина, но и другой генерал из стана белых был Мамантовым, а стал вдруг Мамонтовым. Одно дело, если фамилия – производная от древнегреческого имени Мамант, в переводе означающего «вскормленный грудью». Иное, если от поросшего густой шерстью слоника.

Жизнь Алексея Каледина с лета 1914 года по начало 1918-го мистическим образом повторяет историю Первой мировой. Невольно возникает ощущение, что Творец на примере одного человека вознамерился показать эпохальное событие, изменившее не только судьбу этого самого человека, но и судьбу всего человечества.

ИЗ ДВОРЯН ВОЙСКА ДОНСКОГО

Донские казаки до 1917 года крепостного права не знали. Тамашнее дворянство на московскую и петербургскую аристократию вовсе не походило. Потому как их генеалогические деревья выросли в донской степи по единственной причине – даровали семья за воинскую доблесть. 22 сентября 1798 года появился Высочайший указ императора Павла I на имя Военной коллегии: «Взирая всегда с удовольствием на ревность и службу войска Донскаго в знак признательности и благоволения Нашего к оному для уравнивания чиновников в войске оном служащих повелеваем признавать их чинами по следующей таблице, сохраняя им по службе прежние их название в войске Донском...» Эта дата и считается днем рождения донского дворянства.

Каледины жили на верхнем Дону, относились к стани-

це Усть-Хопёрская, что разлеглась на берегу Дона в 6 верстах от того места, где в него впадает Хопёр. Места для жилья казаки выбирали с умом. Нет-нет да и приносила нелегкая с юга всяких незваных гостей. Бояться их не боялись, но осторожничали. Потому ставили дома укромно. Остановимся ни минутку-другую на шляхе, ведущем от главной окружной станицы Усть-Медведицкой, переименованной в 1933 году в Серафимович, к трассе Москва-Ростов. Кстати, сам писатель Александр Серафимович Серафимович, урожденный Попов, был этому решению не только рад. Степи тут высокие, разорванные глубокими оврагами и разреженные меловыми курганами, бывает, под 100 метров высотой. Если смотреть на север, где-то рядом несется зеленеватый Дон. Но реку редко когда видно. Крутые берега закрывают. Между степью и водой Усть-Хопёрскую и отстроили. Вместо прежней, стоявшей на северном берегу Дона, постоянно заливаемой весенними паводками.

Станица – это в переводе на административный язык город или поселок городского типа. А вовсе не деревня, как думают многие. А вот поселок или деревня, в свою очередь, на Дону хутором называются. Километрах в 35 южнее Усть-Хопёрской находится хутор Блиновский. До 1933 года назывался «Каледин». Эмигрантский журнал «Казачья жизнь» в 1964 году

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

опубликовал материал, подготовленный уроженцем хутора Каледин, где излагалась версия возникновения этого казачьего поселения: «Хутор, как и сотни других казачьих хуторов, никакими достопримечательностями не отличался. Так же, как и другие хутора, был широко разбросан по берегам степной речки Цуцкану, также густо зарос левадами и садами, среди которых то там, то сям белели казачьи курени. Единственной его достопримечательностью было название – Каледин. Он был основан предками первого вы-

Донские казаки.
1890-е годы

борного войскового атамана генерала от кавалерии Алексея Максимовича Каледина. Еще во времена Екатерины II казак Дмитрий Каледин из станицы Усть-Хопёрской имел зимовник в сорока верстах от станицы, который лежал по над речкой Цуцканом. Кто был родоначальником Калединых неизвестно. Происхождение фамилии Каледин тоже трудно объяснить. Некоторые утверждают, что фамилия Каледин происходит от украинского слова «каледа». Но такого слова в украинском языке нет, а есть слово «калядка». Тогда и фамилия бы звучала не Каледин, а Калядкин. Вернее будет объяснение тех казаков, которые стараются доказать, что фамилия Каледин происходит от турецкого слова «кале», то есть «крепость»...

Здесь-то 24 октября 1861 года на свет появился мальчик, нареченный Алексеем. Всего в семье отставного офицера Максима Каледина, получившего за службу дворянство, родились три сына и две дочери. Их мать Евпраксия Васильевна была казачкой, тоже с Хопра, но по ту, московскую сторону Дона. Алеша был четвертым ребенком, младше только брат Мелентий. В станице у отца было два дома. Там и жили. Казачье детство – это прежде всего труд. Ну и игры, понятное дело, более похожие на тренировки. Каждый паренек знал, что придет его час и отправится он в синих штанах с красными лампасами и в фуражке с красным же околышем служить. «Эти места мне все хорошо знакомы. Каждый кустик, каждый камень знал я. Вот сейчас, переправившись через Дон, въедем в мою родную Усть-Хопёрскую станицу. Вот здесь, под Обрывом, еще детьми мы играли, устраивали кровопролитные войны, нападали и защищались». Так записал по памяти монолог Каледина его адъютант Николай Мельников. В конце лета 1917 года Алексей Михайлович последний раз в жизни приехал на малую родину.

Река Хопёр.
Начало XX века

ОФИЦЕРСКАЯ СТЕЗЯ

О каком-либо выборе будущего для лиц мужеска пола вопрос в дворянских казачьих семьях не стоял. Офицерская стезя – и только. Впрочем, Каледин успел некоторое время отучиться в приходской школе и Усть-Медведицкой гимназии, после чего поступил в воронежскую Михайловскую военную гимназию. Так недолгое время в начале милютинской реформы назывались кадетские корпуса. Кадет в империи учили не только военному делу. Безупречный французский, музицирование на флейте, любовь к книгам – всем этим будущий генерал был обязан годам, проведенным в этой военной гимназии. Далее – по проторенному пути: 2-е Константиновское военное и Михайловское артиллерийское училища в Петербурге. В 20 лет Каледин вышел в офицеры. Редчайший случай, когда офицер мог носить на мундире сразу два «училищных» знака. Таким образом Каледин стремился воспитать в себе офицера-универсала. Пехотное дело, артиллерийское, о навыках конника в отношении казака и говорить нечего.

Как всякий отличник, юнкер мог после производства выбрать себе место службы. Каледин по прозаической причине – недостаток средств – в гвардию не стремился. Служить в ней было накладно. Отправился в далекое Забайкалье – сотником в конноартиллерийскую батарею №2 Забайкальского казачьего войска, дислоцированную в Чите. Строевую лямку сотник тянул четыре года. А в 1886 году сдал вступительные экзамены в Николаевскую академию Генерального штаба. Трехлетняя учеба в АГШ – не фунт изюму. Многие ее выпускники оставили воспоминания о времени, проведенном в ней. И все до одного отмечали высочайшие требования, предъявляемые к учащимся. Будущих штабных офицеров готовили с прицелом на то, что они станут генералами.

Воронеж.
Михайловский
кадетский
корпус. Начало
XX века

А.М. Каледин
и его жена
Мария Петровна

Штабс-капитан Каледин отправился служить в Варшавский военный округ. За исключением периода, когда он по правилам своего времени должен был пройти цензовое командование строевой частью, служил при штабах. А с этой цензовой обязателькой ему повезло. Был командиром эскадрона в знаменитом 17-м драгунском Волынском полку. Спроси кого, чем он был так знаменит, если никто особо о полку не слыхивал. Вся штука в том, что драгунским Волынским он был недолго. В 1882 году прошла реформа кавалерии. Что взбрело на ум едва вступившему на престол императору Александру III – неизвестно. Вероятно, возобладали привычка к ясности и экономии. Росчерком государева пера гусары и уланы превратились в драгун. Соответ-

ственно, изменилась и полковая нумерация. Причем в пользу вчерашних «легких» кавалеристов. Первые номера получили гусары, затем уланы и лишь в последнюю очередь драгуны, которые драгунами и остались. Номер 17 достался волыньским уланам. А прославленным нижегородским драгунам, которые доселе имели 17-й номер, – 44-й. Попасть на службу к нижегородцам – особая честь. Справедливо считается, что этот полк был лучшим в армейской кавалерии. Александр II заметил как-то: «Нижегородцев я считаю своим первым кавалерийским полком». В знак особого благоволения еще Николаем I был подписан указ, согласно которому нижегородцы носили уникальную форму с газырями и лампасами на шароварах. Личное холодное оружие – шашка, в то время как все остальные регулярные кавалерийские полки имели сабли. В нижегородцах служил на Кавказе Михаил Лермонтов. Это к тому, что, когда некоторые статские лермонтоведы с грустинкой говорят о заштатном полку, в который поэт угодил в первую ссылку, – не верьте. Чехарда с наименованиями и номерами закончилась уже при Николае II, в 1907 году. В 1895-м Каледин вернулся на Дон, в Новочеркасск. Занял неприметную должность при штабе войска Донского. Вернулся не один – с женой. Марией-Луизой, в девичестве Ионер, в первом замужестве – Оллендорф. Уроженкой Швейцарии. Скромный, замкнутый, мрачноватый Каледин – и на тебе! Как говорится, есть мнение, что «ссылка» в Новочеркасск связана именно с женьтибой. Большие начальники

в избалованной Варшаве могли не одобрить выбор офицера. Иностранка, не православная, да еще разведенная... Более приземленной выглядит другая гипотеза. Жизнь в польской столице молодым была не по карману. Просить за себя, интриговать, пресмыкаться Каледин не умел и учиться этому искусству, обязательному для карьериста, не собирался. Значит, и перспектив по службе особо никаких. В штабе Варшавского военного округа хватало пришельцев из Петербурга, приехавших за густыми эполетами.

О Марии-Елизавете Петровне Калединой оставила воспоминания Елизавета Богаевская, вдова расстрелянного в 1918 году премьера Донского правительства Митрофана Богаевского: «Познакомилась я с ней с того момента, как был избран Атаман. Несмотря на большую разницу в возрасте, хорошо было с ней, приятно. Чуткая, добрая, деликатная, доступная. Иногда попадали к ней на прием казаки, так выходя, говорили: «Вот это настоящая атаманша». О прошлом ее мы не говорили: было тяжелое настоящее и жуткое будущее. Встречаясь каждый день, говорили о текущих событиях и о том, что надо сделать. О ее прошлом знала только, что она вторым браком за А.М.К. Остальные все сведения получала из 3-х рук, но это меня очень мало интересовало. Алек. Макс. ее видно очень любил и она его. Пережила атамана только на один год. Похоронена в одной могиле с мужем. Теперь, конечно, уже никаких следов могилы, как и других не найти: нет больше кладбища; есть футбольное поле и топчут его и скачут и прыгают по костям бедных наших покойников».

В 1899 году Каледин – полковник. Первый в роду. Отец добрался только до чина войскового старшины (казачий чин, равный армейскому майору, с 1885-го – подполковнику). И вскоре отправился служить в дагестанскую столицу Темир-Хан-Шуру. В этот же пери-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

А.М. Каледин.
Ноябрь 1915 года

од проходил в Одессе 6-месячное командование полком. На сей раз – славным 23-м драгунским Вознесенским. То бишь – 8-м уланским. Невольно вспоминается момент из известной кинокомедии «День радио», в котором дядя-генерал говорит племяннику про эсминец Тихоокеанского флота: «Почему Дмитрий? У нас его знают как «Юрий Шостакович».

В 1903 году Каледин вновь на Дону. Принял новое назначение – начальником Новочеркасского казачьего юнкерского училища. За три года он успел превратить его в первоклассное учебное заведение. Полковник добился значительного увеличения бюджета, что успешно сказалось на репутации училища и, соответственно, вступительном конкурсе. Также увеличилось количество мест. Училище получило знамя и право носить форму

Юнкера
Новочеркасского
казачьего
юнкерского
училища

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

войска Донского с шифром «Н.У.» на погонах. В армии к регалиям относятся с особым пиететом.

Через три года Алексей Михайлович производится в генерал-майоры и только в 1910-м получает под начало строевую часть – 2-ю бригаду 11-й кавалерийской дивизии, дислоцированную в Луцке. Любителям всяческой «чертовщинки» это стоит запомнить. Через шесть лет Луцк принесет Каледину всемирную славу. Если продолжить о символах, то следующее назначение тоже интересно. В 1912 году Каледин принимает 12-ю кавалерийскую дивизию. Случилось это 12-го числа 12-го месяца. Среди прочих в дивизию входил и 12-й гусарский Ахтырский полк, славный памятью Дениса Давыдова.

ВОЙНА. ПЕРВАЯ, И ПОСЛЕДНЯЯ

С 12-й дивизией генерал-лейтенант Каледин вышел на Первую мировую. На последнюю русско-турецкую войну Алексей Максимович не попал по возрасту, парочки лет не хватило. Боксерское восстание в Китае и русско-японская прошли мимо, не отправили. И вот оно: «Весело и страшно!»

Первой в бои с германцами и австрийцами вступила русская кавалерия. Ее полки не случайно были разбросаны вдоль западной границы, дабы в случае чего поставить противнику заслоны и дать время для мобилизации всей армии. 12-я кавалерийская дивизия стояла в районе города Проскурова, ныне украинский Хмельницкий. До границы – 50 верст. Что для боевого коня 50 верст? Точнее, для 5 тысяч боевых коней. Столько всадников имелось в составе четырех полков армейской кавалерийской дивизии. Военный историк-любитель Антон Керсновский писал: «В превосходной 12-й кавалерийской дивизии генерала Каледина первым блестящим делом была знаменитая атака 2-го эскадрона ахтырцев Бориса Панаева 13 (26) августа у Демни на австрийскую

драгунскую бригаду. Четыре дня спустя дивизия выручила 8-ю армию комбинированным боем у Руды». 8-й армией командовал Алексей Брусилов. Сейчас уже не узнать, когда у него вырос зуб на Каледина, еще в мирное время или уже на войне. А зуб был не зуб даже. Клык! Брусилов распорядился так: «12-й кавалерийской дивизии – умереть. Умирать не сразу, а до вечера!» Генерал Каледин и действовал в духе этого приказа, затянув бой до вечера, чего можно было добиться только пешим строем. Чем и вызвал нарекания со стороны начальника. Почему-то штатный кавалерист Брусилов считал, что кавалерийская дивизия способна вести бой в течение целого дня в конном строю. Каледин же отдавал себе отчет в том, что, выведи он все четыре полка верхом на пулеметы, и дивизия не то что до вечера, до полудня не доживет.

Бои и победы Каледина – заслуженные. Но порой кажется, что Господь возвращал Алексею Максимовичу все недоданное за три десятка лет рутинной службы. Драгуны Стародубовского полка, входившего в 12-ю дивизию, первыми вступили во Львов в 1914 году. Чуть позже вошли в историю офицеры-ахтырцы братья Борис, Гурий и Лев Панаевы. В течение первого полугодия войны все трое погибли в боях. И все трое – герои. И все трое были посмертно награждены орденом Святого Георгия 4-й степени. В октябре под городом Самбор кавалеристы Каледина спасли от гибели стрелков «Железной бригады», которой командовал Антон Деникин. В начале 1915 года генерал был ранен. По словам осмотревшего его доктора, ногу спасло чудо. Шрапнель прошила карман генеральской шинели и потеряла скорость, пробиваясь дальше сквозь толстую пачку... туалетной бумаги. Пробыться-то – пробилась. И бедро повредила. Но кости раздробить у нее уже не вышло. Каледин лечился четыре месяца и вернулся на фронт.

Главкомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал от кавалерии А.А. Брусилов и командующий 8-й армией генерал от кавалерии А.М. Каледин опрашивают нижних чинов в период боев на реке Стырь. Август 1916 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛТАРЕВЫМ

Первый год войны принес ему самые дорогие боевые награды. Георгиевское оружие за бои подо Львовом, орден Святого Георгия 4-й степени за бой на реке Гнилая Липа в августе–сентябре 1914 года, орден Святого Георгия 3-й степени за прорыв обороны противника у местечка Лутовиско под Ужгородом в середине февраля 1915 года. Для справки: ордена Святого Георгия 3-й степени за всю Первую мировую было удостоено немногим более 60 человек. Трудно поверить, но за Луцкий прорыв, более известный как Брусиловский, генерал награжден не был. Вся армия была уверена, что Каледина ждет «второй Георгий», но этого не случилось. Главкомандующий Юго-Западным фронтом Брусилов представил на награждение командующего 8-й армией

Каледина не подписал. Правда, государь по собственному усмотрению произвел командарма в полные генералы. Тут уж от Брусилова ничего не зависело.

О самом Луцком прорыве журнал «Русский мир.ru» писал довольно подробно в 2016 году, когда последнему большому успеху Русской армии в Первой мировой войне исполнилось 100 лет. Если совсем коротко, то на острие наступления оказалась 8-я армия, которой к тому времени командовал Каледин. В считанные дни калединцы разметали 4-ю австрийскую армию и взяли Луцк, продвинувшись вглубь обороны противника на 70 километров. Другое дело, что Ставка и Брусилов общими усилиями превратили возможный стратегический успех в тактическую победу. И все же армия воспряла духом после неудач 1915 года. А войска Австро-Венгрии были морально раздавлены и до конца войны уже не оправались.

Военный историк и профессор Николай Головин писал, что Брусилов сделал все, чтобы наступление русских войск захлебнулось. По мнению Головина, стратегическая ошибка Брусилова заключалась в том, что он не отправил в 8-ю армию резервов, что позволило бы расчленив австро-венгерский фронт и в итоге вывести Вену из войны. Головину вторил преподаватель военной академии РККА Петр Черкасов в монументальном труде

А.М. Каледин среди членов войскового круга. 1917 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Поздравление атамана А.М. Каледина с принятием присяги на верность Дону. Делегация от Новочеркаска. 18 июня 1917 года

«Луцкий прорыв. Труды и материалы к операции Юго-Западного фронта в мае–июне 1916 года». Заметьте, 1924 год. А прорыв никакой еще не Брусиловский. Нелестно о роли Брусилова в тех событиях высказывался их участник Антон Деникин. Белые и красные редко когда находили общий язык. А тут нашли. После Февральского переворота прошел месяц, и Каледина из армии убрали. Керенскому и компании не было дела до того, что Алексей Максимович носил неофициальный титул «Вторая пашка империи». Уступал только командиру 3-го кавалерийского корпуса графу Федору Келлеру. Для осевших в Зимнем дворце революционных министров куда существеннее было то, что Каледина, как, кстати, и Келлер, являлся убежденным монархистом. А еще – глубоко порядочным, храбрым и принципиальным человеком. Такого не купишь. И не напугаешь. Точку в собственной военной карьере поставил сам Каледина, выступив на Московском государственном совещании в августе 1917 года. Он, по сути, озвучил программу действий, которые могли бы спасти Россию от очередного переворота и последующих за ней миллионов смертей. Но генерал выступил не от собственного имени, а от имени всего донского казачества. Еще в июне Каледина вручили грамоту, которая гласила: «по праву древней обык-

новенности... избрали мы тебя нашим войсковым Атаманом». Первым после многих десятилетий, когда донской атаман назначался в столице. Автор книги «А.М. Каледина: герой Луцкого прорыва и Донской Атаман» Николай Мельников свидетельствовал: «Рано утром 29 января 1918 года меня разбудили – пришел из Атаманского дворца вестовой: Войсковой Атаман приглашает членов Правительства во дворец на экстренное заседание. Собрались. <...> Ген. Назаров нарисовал совершенно безнадежную картину: противник в нескольких верстах от Новочеркаска; казаки драться не желают; молодежь изнемогает; Донское войско защищают немного больше 150 человек и две роты Добровольческой Армии (прим: Две офицерские роты, прикрывавшие по просьбе атамана Каледина столицу края от большевиков, наступавших с севера). Алексей Максимович дополнил

Генералы и офицеры штаба Юго-Западного фронта с военным министром А.И. Гучковым (в центре). Справа от Гучкова А.А. Брусилов и А.М. Каледина. 1917 год

Похороны атамана Каледина. Новочеркасск. Февраль 1918 года

и в заключение прочитал полученную ночью от ген. Корнилова телеграмму, в которой сообщалось, что Добровольческая Армия решила в виду безнадежности положения на Дону уходить на Кубань. <...> Я уходил из кабинета одним из последних, и, прощаясь с Атаманом, сказал, что ему необходимо теперь же уехать из Новочеркаска. Атаман безнадежно махнул рукой. Я сказал что-то в этом смысле, что все еще впереди, что силы его еще понадобятся родине, на что он ответил: «Оставьте это мне», и быстро протянул мне руку, чтобы прекратить этот разговор. Около двух часов дня мы шли от Атамана, а через 1/2 часа его уже не стало...»

В жизни Каледина улыбался нечасто. Сентиментальничал еще реже. Но случалось. Если забиралась в душу тоска, отсиживался молча в стороне. Последнее свидание с отчим домом в Усть-Хопёрской в августе 1917-го – несколько секунд, глубокий взгляд и ни одного слова. Что до веселья, то вот что вспоминал Деникин: «Около Мокржан 12 кав. дивизия встретила части Павлова, отходившие на Селец. Казаки везли на седлах значительное количество всякой добычи. Трое из них надели на плечи в виде бурок зеленые портьеры с розовыми попугаями. Каледина, всегда хмурый, не удержался от добродушной улыбки, сказав: «Ну и сукины сыны!»»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

И НИЧЕГО НЕ ОБРАЗОВАЛОСЬ

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

ЕДИНСТВЕННЫЙ ДЕНДИ РЕСПУБЛИКИ, КАК СКАЗАЛ МЕЙЕРХОЛЬД. БОЛЬНОЙ МАЛЬЧИК, КАК СКАЗАЛ ЛЕНИН. АВТОР ЛУЧШЕГО РУССКОГО РОМАНА, КАК СКАЗАЛ БРОДСКИЙ. МАРИЕНГОФ, КАЗАЛОСЬ БЫ, НЕ РАЗ ВЫТЕСНЕННЫЙ ИСТОРИЕЙ В НИШУ ВТОРОСТЕПЕННОГО ПОЭТА, ДРАМАТУРГА РАДИ КУСКА ХЛЕБА, ТОЛЬКО СВИДЕТЕЛЯ, ТОЛЬКО МЕМУАРИСТА, В КОНЦЕ КОНЦОВ УВЕРЕННО ВЕРНУЛСЯ В ЛИТЕРАТУРУ, И УЖЕ, МОЖНО НАДЕЯТЬСЯ, НАСОВСЕМ.

Анатолий
Мариенгоф.
1910-е годы

И АНАТОЛИЙ МАРИЕНГОФ, и его мать считали очень важным обстоятельством то, что мальчик родился в ночь на Ивана Купалу. Дважды в своих воспоминаниях он упоминал, что роды у матери в Нижнем Новгороде принимала сумасшедшая акушерка, которая пыталась отстричь ему голову ножницами и которую прямо от роженицы увезли в лечебницу.

Отец поэта, Борис Мариенгоф, жил в Митаве (сейчас это латвийский город Елгава) Курляндской губернии. Он занимался коммерцией и числился по мещанскому сословию. В конце XIX века он перебрался в Нижегородскую губернию, перешел в купеческое сословие, в 1894 году крестился в православие и женился на Александре Хлоповой, девушке из разорившейся дворянской семьи. Отец и мать вместе играли в любительском театре; оба увлекались музыкой и литературой.

Детство у Анатолия было благополучным: хороший мальчик из интеллигентной семьи. Он много читал, в подростковом возрасте увлекся символистами. Отец, которому мальчик показывал свои стихи, относился к ним вполне безжалостно, но всегда был для Анатолия не только авторитетом, но и другом, наставником, этическим и эстетическим ориентиром.

О маме в воспоминаниях Мариенгофа мало что можно узнать, только обрывки воспоминаний: мамин смех, привычка запоминать смешные словечки сына и делиться ими с окружающими... Мама умерла от рака желудка, очень страдала, перед смертью сказала: «Что же с вами всеми будет?» – и стала то-

ропливо рассказывать отцу, где чьи вещи лежат. Толя учился во втором классе гимназии, сестра Руфина была совсем малышкой. В 1913 году отец получил место представителя английской компании «Граммофон» в Пензе, и семья переехала туда.

Учился Анатолий сначала в частном пансионе, потом в Нижегородском дворянском институте императора Александра II. Учился не особенно хорошо, точные науки ему не давались. Зато уже в третьем классе он вместе с друзьями выпустил рукописный журнал «Сфинкс», где поместил свое стихотворение. Однако особой славы автору стихи не принесли – наоборот, одноклассники стали его дразнить «поэтом» и «Пушкиным», он полез в драку и попал в карцер. Со временем он вовсе запустил учебу: в классе читал стихи под партой, дома писал стихи – и от второгодничества его спас только переезд в Пензу. Там он поступил в Третью частную гимназию Пономарева. Мариенгоф и тут издавал журнал. Он назывался «Мираж» и на добрую половину состоял из текстов издателя и редактора.

ВОЙНА

Летом 1914 года 17-летний Анатолий совершил морской поход на шхуне «Утро». В воспоминаниях он писал: «В качестве юнги я хожу на трехмачтовой учебной шхуне по Балтийскому морю. Иностранные порты. Стокгольм, Мальме, Копенгаген...»

Гимназист
Анатолий
Мариенгоф

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Шхуна шла к полуострову Ханко (Гангут) на торжества в честь 200-летия Гангутской победы. Юнга Мариенгоф очень гордился своим участием в походе – он даже получил свидетельство матроса. Однако началась Первая мировая война, торжества отменили, шхуну командование велело затопить, а экипажу вернуться на родину железной дорогой.

Вернувшись, он хотел уйти добровольцем на фронт, но отец велел сначала окончить гимназию. В 1916 году Анатолий получил аттестат со сплошными тройками – и почти сразу был призван в армию. В воспоминаниях писал: «Западный фронт. Наша инженерно-строительная дружина сооружала траншеи третьей линии, прокладывала дороги и перекидывала бревенчатые мосты через мутные несудоходные речки. Шла позиционная война – ни вперед, ни

назад. Офицеры напивались медицинским спиртом, играли в карты и волочились за сестрами милосердия из ближайших полевых госпиталей. Солдаты били вшей и скучали». Чтобы развлечься, затеяли спектакль: Мариенгоф написал двухактную комедию «Жмурки Пьеретты», ее поставили ко всеобщему удовольствию. «Так провоевал я Первую мировую войну», – подытоживал он в воспоминаниях, где весь его военный опыт уложился в полстраницы. И задавался вопросом: «Почему же я воевал так противно?» – ведь кажется, не труслив был, любил даже пофорсить своей храбростью. А кажется, все дело в его отношении к войне как к бессмысленной, «кретинской человеческой бойне».

Октябрьская революция грянула, когда Мариенгоф ехал с фронта домой в отпуск. О своем отношении к революции он говорил не так уж много. В одном из его стихотворений 1918 года есть строки: «Верьте, я только счастливый безумец, // Поставивший все на Октябрь». Возвращаться на фронт было бессмысленно, воевать дальше он не собирался – намеревался заняться литературой. Он собрал литературный кружок, куда позвал нескольких друзей, издал революционный альманах «Исход» и книгу стихов «Витрина сердца».

*Ночь, как слеза, вытекла
из огромного глаза
И на крыши сползла по ресницам.
Встала печаль, как Лазарь,
И побежала на улицы
рыдать и виниться.
Кидалась на шею –
и все шарахались
И кричали: безумная!
И в барабанные перепонки
воплями страха
Били, как в звенящие бубны.*

Видно, что молодой Мариенгоф много читал и прекрасно усвоил уроки футуризма: хорошо прочитанный Маяковский слышится и в этих «звенящих бубнах», и в «эй, купола, снимайте же шапки», и в «пожалуйста, покороче: любовь и губы»...

Нижегородский
дворянский
институт
императора
Александра II.
Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Молодой поэт уже в начале своего творческого пути отказался от рифмы и метра, однозначно предпочитая верлибр. Его первые опыты в русле традиционной поэзии не особенно удачны:

*Из Москвы, в Берлин,
в Будапешт, в Рим
Мясорубку.
В Африке крылья зари,
В Америке пламени юбка,
Азия, как жонглер шариками,
огнем...*

*С каждым днем
Все железней, все тверже
Горбылевые наши выи,
Революция огненный стержень
На котором и я и вы.*

«Мясорубка» так часто встречалась в его стихах, что друзья его так и прозвали. Уже в первых его сборниках, в ранних стихах и поэмах появляется характерное для Мариенгофа сочетание высокого, книжного с низким, даже грубым (то, что он в сборнике теоретических статей «Буян-остров» называет «совокуплением соловья и лягушки»): «Прими меня, почившего в бозе, // Дай – мир Твой хваленый... // Я – как капусты кочан, // Оставивший вдруг огород, // На котором возрос»...

У его стихов сложная архитектура, его верлибры виртуозно выстроены – но стихи производят впечатление скорее головных, сконструированных, декларативных, нежели рожденных вдохновением и согретых хоть каким-то душевным чувством. Интересно, кстати, что в «Декларации», которую имажинисты опубликовали в 1919 году, необходимость «головной» поэзии специально обосновывается.

Валентин Бобрецов, автор статьи о Мариенгофе в биографическом справочнике «Русская литература XX века», обращает внимание на пессимизм, присущий творчеству поэта, и выстраивает названия его сборников в смысловый ряд: «Хотя «Стихами чванствую» и «Развратничаю с вдохновением», но наступает «Разочарование» и впоору сделать «Руки галстуком».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Чехословацкие
легионеры
в Пензе.
29 мая 1918 года,
на второй день
боев, белочехи
установили
контроль
над городом

ЗАНОЗА ОБРАЗА

В конце мая 1918 года началось восстание чехословацкого корпуса: чехи массово сдавались в плен на германском фронте, но, недовольные тем, как решается их судьба после смены власти в России, решили уходить из страны через Владивосток. Белочехи, как их тогда называли, осаждали Пензу, затем заняли ее, на улицах началась стрельба. Мариенгоф отправился смотреть, как творится история. В двух разных текстах он по-разному рассказывает, что было дальше, но в обоих случаях оказывается виноват в происшедшем. Обе версии сходятся на том, что отец вышел за ним, чтобы потребовать вернуться домой – и был ранен шальной пулей. Пуля задела бедренную артерию. Борис Михайлович умер от потери крови раньше, чем его успели доставить к врачу. «Я подошел к дивану, тихо лег рядом с папой, обнял его, и так вместе мы пролежали конец этого дня, ночь и все утро», – писал Мариенгоф.

Вскоре после смерти отца он уехал из Пензы в Москву. остано-

вился у кузена. Напечатался впервые в альманахе «Явь» – вместе с Пастернаком, Есениным, Андреем Белым. «Правда» откликнулась фельетоном «Оглушительное тьякканье».

У кузена он неожиданно встретил Бухарина, показал тому свои стихи. Бухарин сказал, что в жизни не читал такой замечательной ерунды, но предложил ее автору место ответственного литературного секретаря издательства ВЦИК. Именно там, в издательстве, как сказано в «Романе без вранья», Мариенгоф и встретил Сергея Есенина. И Вадима Шершеневича.

«Орден имажинистов» появился уже в 1918 году, а в начале 20-х стал самой шумной и самой организованной среди всех поэтических групп. Имажинизм вырос из футуризма, но стал подростковым бунтом против него. В своей декларации имажинисты заявляли, что футуризм умер, называли его надсоновщиной, которая замаскирована современностью, и упрекали в том, что футуристы сделали ставку на содержание вместо формы. Упреки эти, кажется, были справедливы только в отношении стихов Давида Бурлюка. Имажинисты обещали очистить форму от пыли содержания и провозглашали: «единственным законом искусства, единственным и несравненным методом является выявление жизни через образ и ритмику образов».

В сборнике теоретических статей об имажинизме Мариенгоф писал: «Одна из целей поэта вызвать у читателя максимум внутренне-го напряжения, как можно глубже вонзить в ладони читательского восприятия занозу образа». Первичен образ. Вокруг него завихряются хаотические ассоциации, построенные на телесном восприятии мира: красках, звуках, запахах, осязании; метафора заставляет по-новому смотреть на знакомое, воспринимать мир как новый, яркий, цельный.

Имажинисты были шумны, скандальны и предприимчивы. Они много печатались: их не раз брали за то, что они во время бумажного голода тратят драго-

Обложка книги
А. Мариенгофа
«Разочарование».
Художник
Г. Ечеистов
(изд-во «Имажинисты», 1922)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ценную бумагу на свои опусы. Мариенгофу особенно доставалось: публикует по шесть строк на целой странице! Они эпатировали публику, устраивали громкие акции: то переименовали улицы столицы, дав им свои имена (улицей Мариенгофа стала Петровка), то написали на стене Страстного монастыря четверостишие:

*Вот они, толстые ляжки
Этой похабной стены.
Здесь по ночам монашки
Снимают с Христа штаны.*

Есенин позднее объяснял эту акцию тем, что в монастырях гнездилась контрреволюция, а после выходки имажинистов «Страстной притих».

БЕЗ ВРАНЬЯ

Есенин и Мариенгоф скоро поселились вместе, в одной квартире. В любой биографии того и другого упоминается этот голодный и холодный быт: спали в одной кровати – потому что в одну ночь можно было замерзнуть, вели теоретические споры о поэзии, влюблялись. В есенинских послереволюционных стихах, в «Инонии» и «Сорокоусте» много созвучного поэтике Мариенгофа. Кончилась эта совместная жизнь, когда Мариенгоф полюбил молодую актрису Анну Никритину, женился на ней и стал семьянином, вынужденным думать о прокорме семьи. Злые языки поговаривали, что имажинизмом управляет теща Мариенгофа, поскольку семейный бюджет требовал, чтобы коммерческие предприятия имажинистов приносили прибыль. Коммерческих предприятий, появившихся на волне нэпа, было несколько, в их числе поэтическое кафе «Стойло Пегаса» и книжные лавки. Теща Мариенгофа, кстати, судя по «Роману без вранья», была тишайшим существом – однако не позволила Есенину «крестить» новорожденного сына Мариенгофов Кирилла в шампанском.

«Роман без вранья», воспоминания о Есенине, Мариенгоф написал и издал после смерти друга, когда горе еще не утихло. Есенин в них – совсем не хрестоматийный. Очень сложный, часто

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Стоят:
Ф. Шерешевская,
А. Мариенгоф,
И. Грузинов.
Сидят:
С. Есенин,
В. Шершеневич.
1920 год

неправый, влюбленный в славу человек с нелегким характером. Безмерно одаренный, очень дорогой, причинивший много боли. Критики немедленно назвали «Роман без вранья» «враньем без романа», увидели в нем недоброжелательность Мариенгофа к Есенину и зависть менее талантливого поэта к более талантливому. Но не увидели того, чего невозможно не увидеть: любви, тревоги и огромного горя. Поклонники Есенина и сейчас считают роман клеветническим, принижающим и очерняющим образ поэта.

Как прозаик Мариенгоф на голову выше Мариенгофа-поэта. В прозе совершенно уместен хо-

лодный наблюдатель, циник, скептик, сохраняющий трезвую голову в любой ситуации. Но, как ни странно, именно в прозе Мариенгоф удивительно лиричен и пристрастен.

О «Циниках» Мариенгофа, романе о голодной и холодной послереволюционной жизни, Иосиф Бродский отозвался так: «Одно из самых новаторских произведений в русской литературе века как по своему стилю, так и по структуре». «Циники» – история об историке Владимире и его жене Ольге, выживающих в промерзлом и голодном городе. Прототипом Ольги считается актриса Юлия Дижур, возлюбленная Вадима Шершеневича, которая застрелилась после размолвки с ним. Роман – история любви, измены, горечи. Цинизм – броня, которая только и позволяет выжить, заморозив сердце, в нечеловеческих обстоятельствах. Роман фрагментарен, распадается на куски, как распадается жизнь; повествование от лица Владимира перебивается газетными известиями – поражения на фронте, голод, разруха, каннибализм, наконец. Любовь зацветает неожиданно, как слишком ранний первоцвет, она изначально обречена – и когда герой особенно счастлив, еще даже не в середине романа, становится ясно, что финальная трагедия неизбежна. Может, потому еще «Циники» понравились Бродскому, что в них нашупана наконец та скупая, холодная интонация, с которой только и можно говорить о запрещенном опыте – интонация, которой не нашел поэт Мариенгоф, но нашел прозаик.

Кстати, стихи Мариенгоф почти перестал писать в конце 20-х. Позднее он писал немного, часть из написанного он приводит в своих мемуарах. Поздние стихи опубликованы, но прежний Мариенгоф в них неузнаваем, да и сами стихи – уже не стихи, а экспромты и эпиграммы. Как справедливо заметил Бобрецов, собранные воедино, они «производят удручающее впечатление». Опубликовать «Циников» в СССР было невозможно, роман вышел

Обложка книги
А. Мариенгофа
«Роман
без вранья»
[Л., изд-во
«Прибой», 1927]

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

в берлинском издательстве «Петрополис». Мариенгоф подвергся газетной травле – как Пильняк, Замятин, Булгаков и многие другие. К концу 1929 года, когда всех мало-мальски несоветских писателей вынуждали каяться в ошибках, ему пришлось направить в правление Московского отделения Всероссийского союза писателей заявление с признанием, что считает недопустимой публикацию за границей романа, не разрешенного в СССР. Тем не менее уже в 1930 году в том же «Петрополисе» вышел его «Бритый человек». Считается, что его сюжет – человек с правом ношения оружия убивает из зависти поэта и выдает его убийство за самоубийство – мог породить распространенную версию об убийстве Есенина.

И после этого Мариенгоф замолчал на десять лет. И до, и после этого времени основные заработки ему давала драматургия: еще в 1925 году он написал для Камерного театра, где играла его жена, пьесу «Вавилонский адвокат» – с главной ролью для нее. По его сценариям было снято несколько фильмов – «Дом на Трубной», «Проданный аппетит» и др. В эти десять лет Мариенгоф писал пьесы на исторические темы. «Многие тогда уходили в историю», – замечал он. О себе сказал: «Моя биография – это мои пьесы».

В 1925 году он успел попутешествовать: был в Германии и Франции, виделся в Париже с имажинистом Сандро Кусиковым, уехавшим в эмиграцию.

В 1928 году Анна Никритина ушла от Таирова и поступила в БДТ в Ленинграде – с тех пор семья Мариенгоф жила в Северной столице. Мариенгоф занимался историческими штудиями, много времени проводил с сыном Кириллом – как когда-то отец с ним самим. Кирилл много читал, любил историю и хорошо ее знал. Окружающую действительность ясно понимал и давал ей такие характеристики, что мать его всерьез боялась, что мальчик посадят.

С А. Никритиной и Д. Шостаковичем. Конец 1930-х годов

В 1940 году 17-летний Кирилл повесился на двери, когда родители вышли из дома на прогулку. «Много гибелей шло к поэту – глупый мальчик, он выбрал эту», – сказала Ахматова о другом самоубийце; в самом деле – по статистике, от поколения 1923 года рождения после Второй мировой уцелело 3 процента.

Родители были уничтожены горем. Никто не понимал, и сейчас трудно понять, что заставило любимого и любящего юношу – умного, талантливого, сильного – свести счеты с жизнью. Мариенгоф цитирует в воспоминаниях его записи, в которых очевиден мужающий талант, замечательная наблюдательность, острая мысль. И – боязнь не состояться, оказаться пустышкой. И обещание покончить с собой, если поймет, что это так – «но это такая литературщина», возражал он сам себе. И ненависть к войне, сводящей мир с ума. И любовь к девушке – с ней он долго гулял тем вечером и сказал на прощание, что собирается сделать. А она отпустила его – только позвонила их общему другу. Но тот опоздал.

С участниками спектакля Московского драматического театра «Золотой обруч» по пьесе А. Мариенгофа и М. Козакова. 1946 год

Эта необъяснимая смерть, сама по себе страшная, еще и ударила по старому больному месту: так же умер Есенин, «несостоявшийся крестный» Кирилла.

Мариенгоф, вспоминая сына, написал страстную апологию «святого шпионства»: долой ложную деликатность, читайте дневники своих детей, вы хотя бы будете знать, что у них в голове, и хотя бы успеете их спасти. Его стихи, написанные после смерти сына, озаглавлены «После этого»:

*Там место не открытое,
Над белой вазой клен.*

*Душа моя зарыта там,
Где сын мой погребен.*

В 40-е годы он написал стихотворение «Там» – о том, что здесь – только приятели, а все любимые друзья – там: Есенин, Шершеневич, Жорж Якулов... И –

*Там и мой Кируха.
Мой Кируха с вами.*

*Но об этом глухо:
Это страшный камень.*

Жена увезла его на гастроли по Украине и Белоруссии; в отъезде он работал над пьесой «Шут Балакирев», которую посвятил памяти сына. Пьеса была опубликована и поставлена в 1940 году. Шут Балакирев – русская родня шекспировских шутов, герой обаятельный и сильный, очень полюбился публике, и успех был громкий.

После этого было еще много разных пьес, в разной степени удачных или неудачных; среди них были и отчетливо конъюнктурные, и написанные ради заработка. «Катюшу Маслову», оперное либретто по толстовскому «Воскресению», написанное для Шостаковича, запретил Главрепертком: мол, автор свел весь роман к «узколичной истории» Катюши, и весь обличительный смысл романа исчез. Не увидела сцены написанная в военное время пьеса «Мамонтов» – о профессоре-историке, ставшем предателем: отрицательные герои были не нужны. Не была поставлена написанная в 1944 году пьеса «Актер со шпайгой» – об основателе русского театра Федоре Волкове.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ДРАМА

Когда началась Великая Отечественная, Мариенгоф выступал на радио с чтением стихотворных очерков. Затем вместе с женой уехал в Киров, куда эвакуировался БДТ.

Олег Демидов, исследователь творчества Мариенгофа, кратко подводит творческие итоги эвакуации так: «Это плодотворное время: Мариенгоф выпускает две поэтические книги – «Пять баллад» и «Поэмы войны»; пишет наперегонки, как некогда с Сергеем Есениным – стихи, пьесы на военную тематику – с Евгением Шварцем; наездами бывает в Москве – то на Всесоюзном совещании «дерматургов», то в гостях у Лили и Осипа Бриков».

После войны он писал в соавторстве с Михаилом Козаковым. Их пьесы «Золотой обруч» и «Преступление на улице Марата» критика трепала свирепо, но без особых оргвыводов в отношении авторов. В 1951 году, на волне борьбы с космополитизмом, Козаков и Мариенгоф, решив обезопасить себя и свои семьи, написали соцреалистическую пьесу. Актер Михаил Козаков, сын писателя, заметил в воспоминаниях о Мариенгофе, что это была «попытка лизнуть» власть – и процитировал Галича: «Не шейте вы ливреи, евреи». Но оказалось, что написать искренне плохую, безусловно соцреалистическую пьесу хорошие писатели органически неспособны. Газеты обозвали «Остров великих надежд» пьесой «ошибочной» и «порочной», Мариенгоф опять оказался отлучен от театра и зрителя.

«Оттепель» вернула ему надежды. Он начал писать воспоминания. «Это вам, потомки!» – не столько воспоминания даже, сколько россыпь размышлений, дневниковых записей, афоризмов, острот – к старости у него появилась склонность, как это иногда бывает у остроумцев, записывать свои удачные шутки. В этой россыпи есть печальная запись: «Гуляли по Московскому зоологическому саду. К железным клеткам, в которых помещались не слишком благородные животные, ино-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

гда были прикреплены металлические дощечки с надписью: «Хорошо переносят неволю».

К сожалению, на мою клетку нельзя повесить дощечку с такой утешительной надписью».

И совсем другое, но не менее печальное: «Сегодня, то есть 9 февраля 1957 года, ВСЕ мои пьесы запрещены. <...> Больших девять. Юношеские не в счет, очень плохие – тоже. Одни запрещали накануне первой репетиции, другие накануне премьеры, третьи – после нее, четвертые – после сотого спектакля («Люди и свиньи»), пятые – после двухсотого («Золотой обруч»).

Он не пытался создавать что-то принципиально новое – как будто не хватало дыхания; шел привычными дорогами – не гениально, но прокормит. Пьесы кормили, если шли в театрах.

Запрет, опять-таки, не продлился долго: после этого были и творческие вечера, и издания. Окружающим они с женой казались веселой и легкой парой. Театральный критик Лидия Жукова вспоминала: «Главным были в нем все-таки его беспечность и веселость. Он напоминал большого, резвого пса, бьющего хвостом от довольства жизнью и собой, одет с иголочки, физиономия натянута на манер Форсайтов из английского телефильма... Они были вдвоем сама гармония, а я их прозвала «путаниками». Потому что в моих глазах они путали привычное

С сыном
Кириллом.
Коктебель.
1930 год

представление о семейной жизни, как источнике вечных треволнений, проблем и сложностей, – они не знали, что такое семейные проблемы». Окружающим казалось, что они упустили сына, потому что были вечно заняты собой. И никто уже не помнил, глядя на них, что у этой счастливой пары вообще могло быть какое-то горе. А Мариенгоф записывал, слушая детские голоса за окном, что так же «звенел, прыгая по лужам» он сам, а потом сын – «А вот внучат у меня нет. Это ужасно».

Олег Демидов пишет: «В 1960-е годы посыпались зарубежные издания стихов, прозы, мемуаров. Забытые и запрещенные романы 1920–1930-х годов снова увидели свет в Америке, Англии, Италии, Германии, Польше и Сербии. Театральные постановки Мариенгофа идут и сегодня. «Шут Балакирев» в 2000-е годы был замечен в Казахстане. Главную одноактную пьесу «Наша девушка» не только ставят в любительских театрах, но и экранизируют. «Циников» в 1990-е годы вытаскивали на подмостки, и теперь их оттуда не стонись». Казалось бы, счастливая жизнь. А записи – горькие: «Есенин говорил:

– Ничего, Толя, все образуется. Прошла жизнь, и ничего не образовалось».

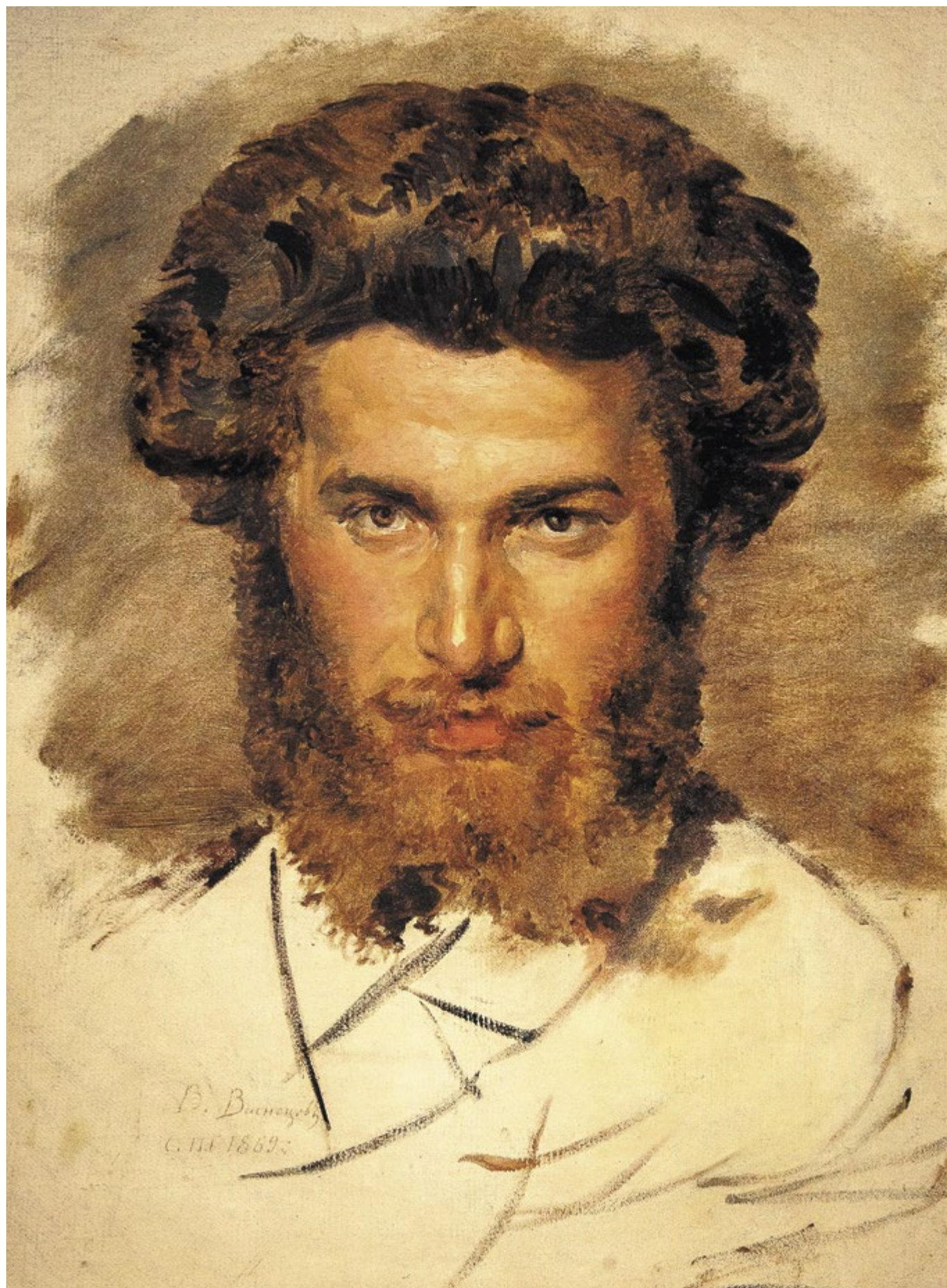
Умер Мариенгоф в 1962 году, не дожив до 65-летия нескольких дней. Свою предполагаемую смерть в книге «Это вам, потомки!» он описал так: «Вот я и доигрываю свою последнюю сцену. Если бы в наши дни вдруг люди стали говорить таким же высоким слогом, как Шекспир, то через несколько реплик, как мне думается, должен прозвучать следующий диалог:

Гораций. Покойной ночи, милый друг. Пусть ангелы баюкают твой сон.

Мариенгоф. Ха-ха – ангелы! (Умирает.)

После этого с барабанным боем входит Фортинбрас (то есть секретарь по административной части Союза советских писателей). Потом – траурный марш и... труп уносят.

Очень смешно. Правда?» ❀

ВОСПЕВШИЙ СВЕТ

АВТОР

АРИНА АБРОСИМОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ТОТ, КОГО СВОИМ ВЕЛИКИМ УЧИТЕЛЕМ КОЛОРИТА НАЗЫВАЛ ВРУБЕЛЬ, ТОТ, КОГО РЕПИН ВЕЛИЧАЛ «ХУДОЖНИКОМ БЕСПРИМЕРНОЙ САМОБЫТНОСТИ», ДАЖЕ НЕ ОКОНЧИЛ АКАДЕМИЮ ХУДОЖЕСТВ. «ГЛЯДЯ НА ТАКИЕ КАРТИНЫ, Я МОГУ СДЕЛАТЬСЯ ЛУЧШЕ, ДОБРЕЕ, ЗДОРОВЕЕ», – ПИСАЛ О ЕГО ПОЛОТНАХ КРАМСКОЙ. БЕНУА СЧИТАЛ ЕГО «РУССКИМ МОНЕ», ПОКАЗАВШИМ «ПРЕЛЕСТЬ САМОЙ КРАСКИ, ОТКРЫВШИМ ЗАКОНЫ ЕЕ ВИБРИРОВАНИЯ, ЕЕ ЗВОНА». А ПРЕДМЕТ ИХ ВОСХИЩЕНИЯ ОТБИВАЛСЯ ОТ ОБВИНЕНИЙ КРИТИКОВ В МАНИПУЛЯЦИИ С КРАСКАМИ И ХИМИКАТАМИ, ПОМОГАЛ НИЦИМ СТУДЕНТАМ И ЖИВОПИСЦАМ, ОБОЖАЛ ПТИЦ И ПОД КОНЕЦ ЖИЗНИ СДЕЛАЛСЯ ОТШЕЛЬНИКОМ.

ЭТО И ВПРЯМЬ УДИВИТЕЛЬНО! Архип Иванович Куинджи не получил систематического профессионального образования. Но мощь его таланта была столь велика, что написанные им полотна и сегодня вызывают восторг и трепет. Убедиться в этом несложно: достаточно побывать на выставке Архипа Куинджи, открывшейся в октябре в Третьяковской галерее. Художник оставил большое творческое наследие – более 500 живописных и около 400 графических и этюдных работ. Его ученики – куинджисты, в числе которых были Николай Рерих, Виктор Зарубин, Аркадий Рылов, – души не чаяли в своем учителе. И после смерти мэтра отстаивали его имя и его вклад в историю русской живописи... Почти декоративные панно – фосфоресцирующие, с иллюзорной глубиной пространства, завораживающие тайной... Эти пейзажи вызывали у публики изумление, а критики всё пытались разоблачить дерзкие визуальные аферы: ведь то, как светит луна, каким божественным светом сияет река в ночной до-

лине, полыхает огнем зарница, рождается из водной пыли двойная радуга – нарисовать невозможно! Но Архип Куинджи нашел нужный тон и пропорцию, намешал краски, определил контрасты, расположил композицию – и запечатлел гармонию мироздания...

ВНУК ЮВЕЛИРА

Точно неизвестно, когда появился на свет Архип Куинджи: исследователи говорят о периоде с 1840 по 1843 год. Известно лишь, что произошло это в бедном предместье Мариуполя – Карасу, прозванном Карасевкой. Здесь на высоком живописном обрыве над Азовским морем и долиной реки Калки белели небогатые хаты. Мальчик родился в крошечном домике грека-сапожника Ивана Христофоровича Куюмджи. С урумского, то есть греко-татарского, фамилия эта переводится как «золотых дел мастер»: дед будущего художника был ювелиром, переселившимся из Греции в Крым. На чужбине дела у ювелира не пошли, семья обеднела, сын занялся иным ремеслом. Но в южных землях и у сапожника работы не так уж много, так что

семья с четырьмя детьми – старшая, Екатерина, и сыновья Спиридон, Елевферий и Архип – еле сводила концы с концами.

В 5 лет Архип остался круглым сиротой. Жил он то у старшего брата, Спиридона, то у своей тети – сестры отца. С малых лет работал: пас гусей, собирал кизяк. Светлая и тихая радость детских лет – дружба с девочкой Настей Дико. Ее он запомнил навсегда и даже в своем завещании отписал своей единственной подруге детства 500 рублей. Со сверстниками он больше дрался, особенно с теми, кто мучил животных. «С детства привык, что я сильнее и помогать должен», – вспоминал позже художник.

С образованием ему не повезло. Вся его школа – греческая грамматика, вбитая учителем-греком, домашние занятия и два класса городского училища. Учился он неважно, зато все свободное время рисовал – где угодно и чем угодно. В 11 лет мальчика отправили работать: ему поручили вести учет кирпича на строительстве церкви. Тогда же состоялась первая «персональная выставка» Куинджи: на кухне работодателя беленые стены были расписаны углем, и хозяева приглашали соседей посмотреть на эти «фрески» – самым популярным у зрителей оказался портрет церковного старосты. В 15 лет Архип устроился помощником к зажиточному хлеботорговцу Аморети. Тот подивился рисункам прислулки и показал их соотечественнику и коллеге Дуранте – уж итальянцы знают толк в искусстве! А Дуранте был знаком с Айвазовским, в ученики к которому он отрекомендовал Архипа летом 1855 года.

В Феодосии Архип появился в соломенной шляпе, рубахе, жилете и коротких клетчатых панталонах. Великий маринист усмехнулся и поселил юношу на лето во дворе – под навесом. В мастерскую его не пускали, зато

Архип научился растирать краски и красить заборы. Но легенда о том, что учителем Куинджи был Айвазовский, живет до сих пор, несмотря на то, что сам Архип Иванович не раз ее опровергал. На деле он брал уроки живописи у мариниста Адольфа Фесслера, гостившего тогда у Айвазовского и делавшего копии с его картин. После короткого ученичества Архип вернулся в Мариуполь, через несколько месяцев уехал в Одессу, затем – в Таганрог. Везде работал ретушером в фотоателье. Братья дали ему денег на открытие собственной фотостудии, но дело не пошло.

В 1865 году Куинджи приехал в Петербург с намерением поступить в Императорскую Академию художеств, но для начала устроился на работу – опять-таки к фотографу. Он дважды штурмовал академию – и дважды проваливал экзамены. А дальше – происходит нечто странное. В сентябре 1868 года Куинджи выставляет на академической выставке картину «Татарская деревня при лунном освещении на Южном берегу Крыма», за которую Совет академии присваивает ему звание неклассного художника! Архип тут же пишет прошение, в котором предлагает руководству академии обмен: заберите звание и примите в ученики. И добивается своего! Куинджи становится вольнослушателем Академии художеств.

Это было непростое время для академии, которую все еще сотрясали последствия «Бунта четырнадцати» (в 1863 году 14 лучших выпускников, возглавляемых Иваном Крамским, отказались участвовать в конкурсе на Большую золотую медаль, протестуя против навязывания академизма и объявив себя приверженцами реализма. – Прим. ред.). Восставшие самоорганизовались в «Санкт-Петербургскую артель художников» – первое в России независимое объединение живописцев. В 1870-м появилось Товарищество передвижных художественных выставок (ТПХВ), и 30-летний Куинджи сближается с передвижниками, особенно

Волга и Днепр – эти просторы художник воспевал снова и снова...

с Иваном Крамским и Ильей Репиным. «И появления его вначале никто не заметил, – вспоминал о Куинджи Илья Репин. – Он был с большими недочетами в образовании, односторонен, резок и варварски не признавал никаких традиций, – что называется, ломил всю и даже оскорблял иногда традиционные святыни художественного культа, считая все это устаревшим». Но опыт собственной непростой жизни Куинджи совпал с теми гуманистическими идеями и новыми социальными задачами искусства, которые проповедовали передвижники...

НЕИСТОВЫЙ АРХИП

Вскоре Куинджи стало тесно в стенах академии, он забросил занятия и перестал посещать лекции. Архип бедствует, перебиваясь с хлеба на квас, его единственный заработок – ретушерство в фотоателье. Но, по словам Репина, ни разу в самые тяжкие дни нужды никто из товарищей не слышит от Куинджи ни одной жалобы. Он – «великолепный товарищ с душой нараспашку», «запевала» на дружеских пирушках. Однажды за его этюд заплатили 400 рублей, и эта удача возбудила такую ревность товари-

Волны. Этюд. 1860-е годы

Вид на Кремль со стороны Замоскворечья. 1880 год

щей, что Куинджи отменил сделку, изрезав этюд ножом... На академической выставке 1869 года пресса отметила три картины, в числе которых был искусно написанный Куинджи городской пейзаж «Исаакиевский собор при луне»: погруженное в контровой свет спрятанной в облаках луны творение Монферрана, отражаясь в зеркальных водах, возвышается над Невой, как волшебный корабль... С этой работы начинается эстетский «ночной» Куинджи.

«Коренастая, крепкая фигура, развалистая походка, грудь вперед, голова Зевса Олимпийского: длинные, слегка вьющиеся волосы и пышная борода, орлиный нос, уверенность и твердость во взоре. Много национального, греческого, – вспоминал передвижник Яков Минченков. – Я любовался его могучей фигурой, его мощным духом, его гордостью». А что до характера, то за необузданный темперамент его называли «не-

истовый Архип». Передвижники ценили Архипа за ум, называли «наш мудрый грек», но больших надежд на него не возлагали.

И зря. Серия работ, сделанная Куинджи на Валааме, где он провел лето 1870 года, выдвинула его в первые ряды талантливых новичков. А картина

Березовая роща. Пятна солнечного света. 1890–1895 годы. «Краски сочные, душистые, точно пропитаны березовым соком...» (А. Рылов)

«Ладожское озеро», на которой изображен каменистый берег, потрясла ценителей и знатоков живописи: художнику удалось на удивление реалистично написать камни под водой. Кстати, как раз из-за этого полотно разгорелся первый публичный скандал, связанный с Куинджи. В то время, когда он писал «Ладожское озеро», в одной квартире с ним жил маринист Руфин Судковский, который впоследствии, в 1884 году, в картине «Мертвый штиль» повторил, как считал Архип Иванович, его прием изображения камней под водой. И все бы ничего, да только критики одной из крупных газет восхитились именно этой деталью на полотне Судковского. Куинджи обвинил коллегу в плагиате и потребовал опровержения в прессе. Архипа Ивановича поддержали Крамской, Репин и еще несколько художников, подтвердивших, что Судковский «заимствовал» картину у Куинджи. Позже ис-

кусствоведы признали, что в «Ладожском озере» Куинджи впервые в живописи блестяще решил сложнейшую задачу, названную впоследствии художественным авторским открытием. Речь все о тех же камнях, видных сквозь толщу прозрачной воды...

В 1872 году после многочисленных прошений Куинджи, давно не посещавший академию, все-таки получил звание классного художника 3-й степени. Немало тому поспособствовал высокий художественный уровень его работ. Через два года на Международной выставке в Лондоне Куинджи получил бронзовую медаль за картину «Снег». На выставку в Вену академия отправила «На острове Валааме». Этот пейзаж и «Степь в цвету» купил для своей галереи Павел Третьяков. Для художника это был прорыв.

В 1876 году на 5-й выставке ТПХВ в Петербурге и Москве Куинджи представил картину «Украинская ночь», которую критик «Пчелы» назвал «самой яркой звездой всей выставки». Авторитетный критик Стасов уточнял, что молодой художник «пошел по своей собственной, крайне оригинальной дороге».

Через два года картины Куинджи «На острове Валааме», «Степь в цвету», «Чумацкий тракт в Мариуполе», «Украинская ночь» отправились на Всемирную выставку в Париж.

Буквально каждая его новая работа – восхождение. Куинджи все больше удивлял и привлекал к себе внимание. Наконец академия присвоила ему звание классного художника 1-й степени. В 1892 году он получил звание профессора, стал членом Совета Академии художеств, в 1909-м – действительным статским советником. Он активно участвовал в реформировании академии и возглавил собственную мастерскую с 20 учениками, куда престарелый Айвазовский лично привел своего внука...

Север.
1879 год

ЗВЕЗДА, ПОРОЖДАВШАЯ НЕДРУГОВ

В выставках передвижников Куинджи участвовал с 1874 года, а полноправным членом Товарищества он стал в 1877-м. Однако первый биограф художника, Михаил Неведомский, справедливо подчеркивает чуждость Архипа Ивановича передвижничеству: Куинджи был далек от политики и социальных проблем. Смыслом жизни для него всегда было только искусство.

В ТПХВ Куинджи пробыл пять лет, но «руководящим курсом» Товарищества, видимо, стал тяготиться довольно быстро. По-

сле очередной выставки передвижников критика его работы отметила особо. Одна из газет писала: «Пейзаж Куинджи... совершенно убивает собой все другие находящиеся на выставке пейзажи, несмотря на то, что между ними находятся очень недурные вещи известных наших пейзажистов Клодта и Шишкина». Признанные мастера и 33-летний провинциал! Если Шишкин искренне ценил дарование Куинджи и дружески относился к нему, то Клодт затаил обиду. Но чем же отличались куинджиевские пейзажи? Более свободным, субъективным взглядом на природу, импрессионистическим восприятием – это было новшеством в русском искусстве. В 1874 году Крамской иронизировал: «Куинджи интересен, нов, оригинален, до того оригинален, что пейзажисты не понимают, но публика зато отметила...» А в 1879-м в «Новом времени» Стасов писал: «Куинджи – звезда, недавно поднявшаяся, имеет привилегию постоянно привлекать к себе много друзей, но порождать и недругов, и, что всего прискорбнее, последние чаще всего принадлежат к числу товарищей по художеству, своих братьев-пейзажистов. Многие из них относятся к Куинджи чуть не с ненавистью, уличают его в полном невежестве, в полном незнании техники дела и т.д.»

И вот – 7-я выставка передвижников, в которой Куинджи

Дубы. Этюды.
1900-е годы

впервые участвовал как «полноправный товарищ» ТПХВ, стала последней передвижной выставкой с его участием. В апреле 1879-го газета «Молва» публикует статью, подписанную «Любителем», в которой резко критикуется творчество Куинджи – однообразие, злоупотребление особым освещением, стремление к чрезмерной эффектности – и все Товарищество передвижников.

Выяснилось, что за псевдонимом скрывался передвижник Михаил Клодт. Куинджи пришел в ярость и потребовал исключить «Любителя» из состава объединения, но Клодт был профессором Академии художеств, и «товарищи» не решились. В январе 1880 года на правлении ТПХВ Куинджи объявил о своем выходе из объединения. Дружеские отношения со многими передвижни-

Лунная ночь на Днепре. 1880-е годы. Авторские повторения

Эльбрус. Снежные вершины. 1890–1895 годы

ками он сохранил, бывал на собраниях, участвовал в делах общества, но на выставках передвижников больше не выставлялся.

Пожалуй, самая неприятная история случилась с Архипом Ивановичем в 1897 году. Както в канцелярии академии один из студентов не поклонился новому ректору, Антонию Томишко, просто потому, что не знал его в лицо. По требованию ректора, сторожа выставили молодого человека из канцелярии взашей. Тут уж возмутилось все студенчество и объявило забастовку. На Совете академии Куинджи предложил себя в качестве парламентаря, но его предложение не приняли. Архип Иванович все равно отправился к студентам и пытался уговорить их вернуться в аудиторию. Безрезультатно. В итоге часть студентов была исключена, а Куинджи в ультимативной форме предложили написать заявление об отставке. Прочитав эту бумагу, Куинджи потерял сознание и упал. Заметим, что в знак протеста против увольнения Куинджи академию оставили несколько его талантливых студентов.

ЛУННАЯ НОЧЬ

Самой известной картиной Куинджи стала написанная в 1880 году «Лунная ночь на Днепре». Еще не завершённую работу автор показывал в своей мастерской. В числе приглашённых были Менделеев, Полонский, Тургенев, Крамской... На званом вечере в присутствии великого князя Константина Константиновича Тургенев так восторгался полотном, что представитель правящей фамилии не преминул лично посетить художника. Увидев пейзаж, он немедленно выкупил картину за колоссальную сумму в 5 тысяч рублей. Но желающих иметь авторские копии «Лунной ночи» было столько, что Куинджи принимал заказы на повторения пейзажа.

Осенью 1880-го в здании «Общества поощрения художеств» выстроилась очередь на всю Морскую улицу – до самого Невского проспекта! Небывалый ажиотаж вызвала выставка одной картины из собрания великого князя – «Лунной ночи на Днепре». Успех был ошеломляющим. Некоторые зрители через лупу рассматривали светящиеся фрагменты и пытались разгадать тайну картины: или позади холста находится тайный источник света, или автор использует специальную «лунную краску»? Вообще, Архипа Ивановича постоянно подозревали в каких-то фокусах, обманах, химических опытах – ведь он дружил с самим Менделеевым! Поговаривали, что он пишет на перламутре, использует золотую пыль или золотую доску. И все эти загадки разгадали накануне масштабной выставки Куинджи специалисты Третьяковки. Выяснилось, что в составе красок на полотнах мастера нет никаких элементов, дополнительно привнесённых и отличных от состава любых красок! Так в чем же секрет? «В большом физическом кабинете на университетском дворе мы, художники-передвижники, собирались в обществе Д.И. Менделеева и Ф.Ф. Петрушевского для изучения под их руководством свойств разных красок, – вспоминал Репин. –

Дом 1/10 в Биржевом переулке Санкт-Петербурга, которым владел купец Григорий Елисеев. В 1887-м архитектором Г.В. Барановским специально для Куинджи возведен пятый этаж – мастерская художника

Есть прибор – измеритель чувствительности глаза к тонким нюансам тонов; Куинджи побивал рекорд в чувствительности до идеальных точностей, а у некоторых товарищей до смеху была груба эта чувствительность». И он же отмечал: «Иллюзия света была его богом, и не было художника, равного ему в достижении этого чуда живописи. Куинджи – художник света». Архип Иванович увлекался опытами с красящим пигментом и контрастом, что помогало ему создавать своеобразие «куинджиевских эффектов». Как утверждал Неведомский, в беседах с учениками художник часто «пускался в подробный анализ, приводил данные из физики, проверял световые эффекты, делал справки с законами отражения».

САМ-ОДИН

Работы Куинджи можно рассматривать вне его исторической эпохи и даже во вневременном пространстве искусства – они опередили время не только новаторством технических разработок, но и открытием новой, и по сей день непостижимой визуальности. Придя в искусство в эпоху реализма, он делает «исторически» два шага назад – к реализму романтическому – волнующему, таинственному, лермонтовскому. Если посмотреть на горные пейзажи поэта 1830-х и на куинджиевские горы, покажется, что ничего за полвека не изменилось. В природе – да, но не в искусстве! Незыблемость природы вдохновляла художника ее постигать, находя в ней лишь мимолетные, большинству людей не-

Рабочий стол, за которым художник проводил научные опыты

заметные перемены. «В картине должно быть внутреннее!» – говорил Архип Иванович своим ученикам, поправляя их пейзажные этюды. Заметим: не жанровые сцены в духе передвижников о тяжелой жизни русского народа, а виды природы – в ней необходимо было увидеть и запечатлеть «внутреннее»...

Художника не на шутку утомила шумиха вокруг его персоны. И он самоустранился. Точнее, занимался

преподаванием, общался с небольшим кругом друзей, каждое лето ездил в Крым, где приобрел участок земли и построил скромное жилище, но «с середины 1880-х в его квартире водворяется тишина». Картин Куинджи никто не видит двадцать лет! Причины «молчания» до сих пор неясны, а слухи ходили разные: исписался, иссякли идеи, боится провала, ибо прошлого успеха повторить невозможно... Неведомский

Палитра и кисти
Архипа Куинджи

Мастерская
с окном во всю
стену – вид
на стрелку
Васильевского
острова и Петро-
градскую сторону

полагает, что художник пережил слишком много разочарований, связанных не только с людьми. Но и с «новой эпохой с новыми, резко отличными от прежних, исходными точками и задачами», которыми «он был застигнут в момент расцвета его творчества». В те годы он в полной мере воплотил в жизнь свою присказку: «Сам-один». Но писать «неистовый служитель бога искусства» не переставал, считая, что «таланти синоним труда, не трудиться – значит губить свои способности». Последние тринадцать лет художник прожил в Биржевом переулке, в доме с мансардой, где была устроена мастерская с огромным оконным проемом и видом на стрелку Васильевского острова. В 1989 году, к 150-летию мастера, здесь был основан Мемориальный музей-квартира А.И. Куинджи. Обстановка свидетельствует об очень скромном быте этой семьи. «Будущую жену Архип Иванович встретил еще в юности в родном Мариуполе, – рассказывает заведующая музеем Елена

Прасолова. – Она была из семьи преуспевающего купца Шаповалова-Кетчерджи, который не отдавал свою дочь за нищего художника. Упрямый Куинджи пошел на риск, одолжив для покупки недвижимости большую сумму под проценты. Он выкупил три доходных дома на Васильевском острове и к 40 годам стал обеспеченным человеком. Интересно, что сами Куинджи жили на съемных квартирах. Архип Иванович много денег отдавал на благотворительность, поддерживал и бедных художников, и студентов академии, и просто нуждающихся людей – к нему постоянно обращались с прошениями». Свое отшельничество Куинджи ненадолго нарушил в 1901 году, устроив для друзей камерную выставку, на которой показал «Вечер в Малороссии», «Христа в Гефсиманском саду», «Днепр», «Березовую рощу». И снова стал затворником. В конце 1908 года он пожертвовал в фонд созданного им «Общества художников имени

Скромная меблировка дома, где Куинджи жил вдвоем с Верой. Даже прислуги у них не было, хозяйством занималась жена художника...

Куинджи» землю в Крыму (225 десятин) и 150 тысяч рублей, на процент с которых студентам выдавались премии. В феврале 1910-го в присутствии президента Академии художеств, великой княгини Марии Павловны, состоялось торжественное открытие «Общества». А в марте, пишет Неведомский, «Архип Иванович составил завещание, по которому передавал «Обществу» все, что у него останется по день

смерти: все находившиеся в его мастерской картины и все свои средства (из коих «Общество» обязано выплачивать ежегодно его вдове Вере Леонтьевне определенную сумму)...». Много лет он страдал от болезни сердца, но всегда курил. Летом 1910 года в Крыму Куинджи заболел воспалением легких. Жена с разрешения врачей перевезла его в Петербург. Художник становилось все хуже. В 68 лет

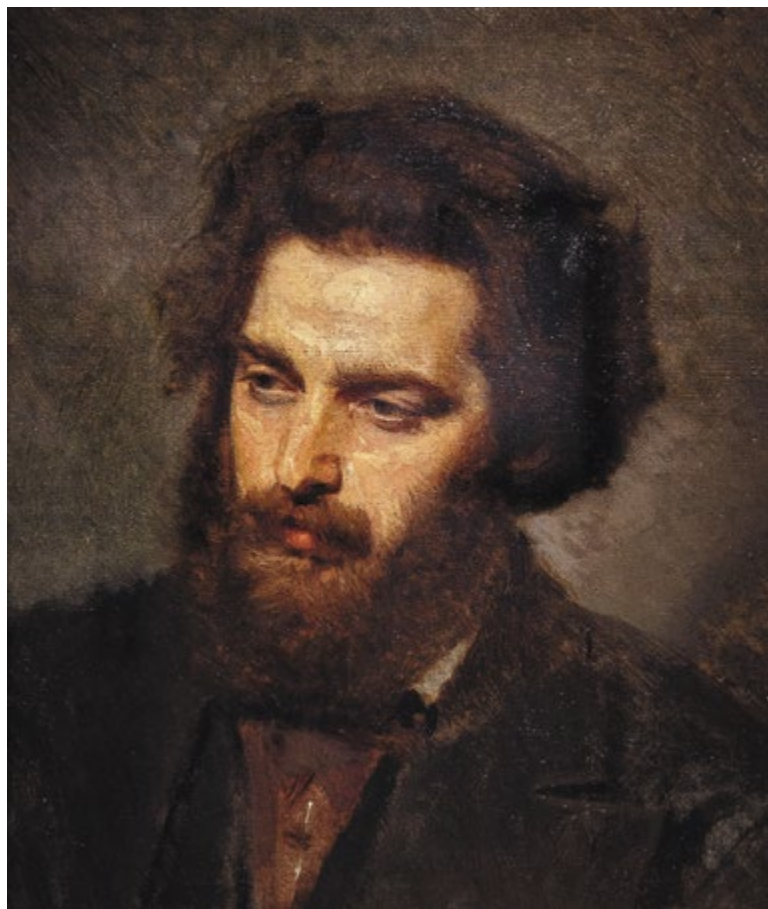
Гостиная в доме Куинджи с портретом хозяина дома работы Ивана Крамского

он умирал мучительно, просил врачей дать ему яду, несколько раз пытался покончить с собой. «Вот вы ученый человек, – говорил Архип Иванович, – и перед вами лежит Куинджи: смотрите, он весь здоров! Вот мои мускулы, – он показывал свою голую руку и заставлял играть мышцы... – И только здесь что-то, только в груди... В природе должны быть средства для борьбы с этим, не верю, чтобы не было... Но вы не умеете найти». Выдвинул свое «почти гегелевское – определение: художник есть тот, кто умеет уловить и воссоздать внутреннее, единое, – ту жизнь и тот смысл жизни, которые как бы рассыпаны в частностях, раздроблены в них... Почему не умеют это делать врачи? И они должны уметь...». Когда пришел священник причащать его, он отказался, хотя атеистом не был.

Врач Гурвич оставил записи своих бесед с художником: «пессимизм сказывался и в оценке морального прогресса человечества; такой прогресс – самообман: человечество ни пяди не завоевало в области морали за все время своего исторического существования. Ни Моисей, ни Магомет, ни Будда, ни даже Христос ничего в этой области не сделали: не они переделали людей, а люди переделали их на свой лад, применительно к своим удобствам и потребностям; рабство всегда существовало и существует до сих пор; произошла только перемена названия: прежние рабы сначала превратились в рабов феодальных, а теперь их сменили рабы социальные. Он не видел выхода из современного царства собственности и собственников; «социализм может устранить много преступлений, много зла, может развить солидарность и любовь, проповедуемую христианством, но лично ему чувствовалась какая-то фальшь и здесь, что-то мертвящее, способное остановить жизнь. Жизнь представлялась ему, как сплошное единоборство двух начал – добра и зла. Борьба со злом необходима, но зло сильнее добра, и пото-

И.Н. Крамской.
Портрет
А.И. Куинджи.
1872 год

му толстовское учение о непротывлении нежизненно... Не будь борьбы, зло одолело бы. И при борьбе-то, в лучшем случае, получается лишь равновесие. Он горько иронизировал над попытками соединить капитализм и его порядки с Евангелием и христианством: «Евангельская любовь – ерунда при наличности капиталистического строя! Вот почему духовенство – безразлично, к какому толку христиан-

ства оно ни принадлежит – играет фатально фальшивую роль. Это – «лавочка совести», он говорил о разлитом во всем мире первоисточнике всего сущего»... В последний день Архип Иванович поднялся, в одном белье вышел на площадку лестницы и навалился всем телом на перила... Фельдшер, с трудом поддерживая грузного художника, повел его обратно в квартиру... Утром, в четверть восьмого, 11 июля 1910 года, на пороге квартиры мучения Архипа Ивановича прекратились...

В течение года «Общество имени Куинджи» разбирало в его доме творческое наследие. Главная интрига: покинула ли его муза, насколько бездарны его последние работы, созданные за двадцать лет уединения – не зря же он их прятал? Осталось 20 картин и многочисленные эскизы и этюды – превосходные, особенные произведения! Все сомнения в профессиональной состоятельности художника Куинджи были развеяны... ❀

Надгробный памятник на могиле А.И. Куинджи. 14 июля 1910 года художник был погребен на Смоленском кладбище, но в 1952-м его прах перенесли в некрополь мастеров искусств Александровской лавры

ЧИНОВНИК С КИНОАППАРАТОМ

Владислав Старевич родился в Москве в 1882 году. Принято считать, что он появился в семье литовских поляков; в конце XIX века это понятие относилось вовсе не к современной Литве, которой в те годы и в планах не было, а к Великому княжеству Литовскому, почти полностью вошедшему в состав Российской империи. Отец Владислава боролся за независимость Польши, мать умерла, когда он был еще совсем маленьким, и мальчика отправили в Ковно (ныне – Каунас) к ее родителям. Там он рос и учился. Ребенком Старевич был трудным и весьма своенравным, однажды его даже исключили из гимназии за неважную учебу. Впрочем, он не был хулиганом и даже принимал активное участие в самодеятельности. Судя по всему, родители матери Владислава и его тетья, к которой он позднее переехал, были людьми зажиточными, поскольку, когда ребенок увлекся фотографией, смогли купить ему фотоаппарат. Помимо фотографирования мальчика захватила энтомология, причем до такой степени, что он начал делать макеты тех насекомых, которых не было в его коллекции – по-настоящему ювелирная работа. К моменту окончания гимназии Старевич уже был отличным фотографом, рисовальщиком и мастером на все руки. Завершив образование, он нанялся смотрителем в местный музей, которому преподнес в дар альбом своих фотографий Ковно. Директор музея восхитился качеством снимков и предложил Старевичу поэкспериментировать с кинокамерой. Совершенно непонятно, как она могла оказаться в провинциальном музее в то время, когда во всей России вряд ли нашелся бы десяток киноаппаратов. Кстати, Александр Ханжонков в своих воспоминаниях утверждает, что на момент знакомства – в конце

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

РУССКИЙ ВОЛШЕБНИК

АВТОР

ГРИГОРИЙ ПЕРНАВСКИЙ

ЭПОХА ПИОНЕРОВ КИНО – ЭТО ВРЕМЯ ГЕНИЕВ И ПОДВИЖНИКОВ. КТО-ТО ИЗ НИХ ЗАКРЕПИЛСЯ В ПАМЯТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: БРАТЯ ЛЮМЬЕР – ИЗОБРЕТАТЕЛИ КИНЕМАТОГРАФА, ЖОРЖ МЕЛЬЕС – ОТЕЦ КОМБИНИРОВАННЫХ СЪЕМОК И МАССЫ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ТРЮКОВ, ДЭВИД ГРИФФИТ – ИЗОБРЕТАТЕЛЬ МОНТАЖА КАК ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЕТОДА. А КТО-ТО ИЗ ПЕРВОПРОХОДЦЕВ БЫЛ ЗАБЫТ ЕЩЕ ПРИ ЖИЗНИ.

РОССИЙСКИЕ ПИОНЕРЫ кино шли по проторенной дорожке. Александр Ханжонков и Александр Дранков, по сути, повторяли путь западных кинематографистов. Они были

прилежными и внимательными учениками, но лишь учениками. Однако дореволюционная Россия получила и своего гения, оставившего след в кинематографическом искусстве.

1911 года – Старевич не имел никакого отношения к кинематографу. Как бы то ни было, первым фильмом Владислава Старевича считается лента «Над Неманом», которую он снял по заданию музея. Этот фильм произвел на работников музея очень сильное впечатление, как и следующие работы Старевича, который, используя свой богатый фотографический опыт, начал снимать насекомых.

В конце концов Владислав ушел из музея и устроился чиновником в местное казначейство. Мало того что работа плохо оплачивалась, она к тому же не приносила никакого удовольствия. Старевич компенсировал это своим хобби, а помимо этого подрабатывал карикатуристом в местной прессе и участвовал в ежегодных конкурсах маскарадных костюмов. За Владиславом к этому моменту закрепилась репутация человека, который может сделать все, что угодно, из чего угодно. И тут снова начинаются разночтения в его биографии. Согласно одной из версий, директор музея убедил Старевича поехать со своими фильмами в Москву и показать их кому-нибудь из кинопродюсеров.

Авторская
карикатура
В. Старевича.
1913 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

МИССИЯ В МОСКВУ

Если верить воспоминаниям Ханжонкова, информацию о невероятном костюмере он узнал из тематических подборок газетных вырезок, которые составлял для него специальный сотрудник. В одной из статей

Ковно. Начало
XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

говорилось, что в Ковно живет удивительный мастер, который делает маскарадные костюмы из рогожи, пробок и ржаных колосьев. Ханжонков списался с ним и пригласил в Москву. Обе версии этой истории завершаются одинаково: Ханжонков предложил Старевичу переехать с семьей (Владислав Александрович к тому времени женился, и у него родилась первая дочь) во вторую столицу империи, дал работу и даже нанял жилье. Старевич согласился не раздумывая. Так началась его кинематографическая карьера.

Владислав Старевич был абсолютным новатором. Ханжонков понимал это и предоставил в полное распоряжение новичка старый киноаппарат: «Познакомился Старевич с киноаппаратом... под водой. Около села Крылатского, где я жил на даче, он обратил внимание на небольшой прудик, обиталище сотен лягушек. У Старевича возникла интересная идея: показать в кино все стадии развития молодых головастиков. По его указанию немедленно был изготовлен специальный водонепроницаемый ящик без верхней крышки и с оконцем для объектива съемочного аппарата. В ящик наложили камней для балласта и затопили среди водорослей в пруду, но так, что объектив киноаппарата находился приблизительно на полметра ниже уровня воды. Каждый день Старевич по длинной доске перебирался с киноаппаратом в свой ящик и там, в ожидании случайных головастиков, просиживал часами, сжигаемый немилосердным солнцем. Из его эксперимента тогда ничего путного не получилось. Но по той настойчивости и тщательности, с которой проводил В. Старевич свои первые кино съемки, я понял, что в кино пришел интересный, самобытный режиссер».

Здесь нужно вернуться к противоречию, о котором говорилось выше. Старевич приехал

в Москву, уже имея на руках несколько фильмов, причем два из них – о жизни насекомых. Более того, удачный или неудачный, но фильм «Развитие головастика» был снят и даже числится в фильмографии режиссера. Вероятно, Старевич в какой-то момент осознал, что насекомые в кадре делают исключительно то, что хотят, и, кроме как на видовые фильмы, ни на что не годятся. А поскольку он хотел снимать сюжетные картины, то проще все сделать самому. Учитывая, что Владислав Александрович был виртуозом в изготовлении макетов всяких жучков и паучков в натуральную величину, сделать большие куклы для кино съемок не представляло для него никакого труда. Куклы эти, сделанные из гуттаперчевой массы, были непростыми. Все лапки, крылышки и сочленения насекомых делались на шарнирах, что позволяло быстро менять их позы и жесты в любой проекции. Конструкция мордочек позволяла изменять их мимику. Наконец, Старевич изобрел сам способ съемки – снимался короткий кадр со статичной фигурой, затем кукле придавалось новое, немного измененное положение и снимался очередной кадр. Подобную процедуру приходилось повторять тысячи раз. Старевича спасал характер. Он был очень спокойным, малообщительным человеком. При этом обладал великолепным чувством юмора. А скрупулезная и однообразная работа приносила ему удовольствие прежде всего потому, что он ясно представлял себе результат. Коллег Старевича поражало то, что он, работая в полном одиночестве, держит в памяти линии поведения всех персонажей и ничего никогда не забывает. По окончании длительных съемок пленка шла на монтажный стол, где убиралось все лишнее и выстраивался нормальный темп. Именно так создавался первый фильм, ко-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Во время работы над фильмом «Прекрасная Люканида, или Война усачей с рогачами»

Кадр из фильма В. Старевича «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях». 1913 год

торый Старевич сделал для Ханжонкова. 26 апреля 1912 года на экраны России вышла картина «Прекрасная Люканида, или Война усачей с рогачами». Это был первый в истории объемный анимационный фильм или кукольный мультфильм, как называли подобного рода картины еще лет двадцать назад. Успех ленты был потрясающим. Картины Старевича вообще пользовались огромной популярностью у зрителей, хорошо продавались в Европе и США. Многие люди, впервые видевшие объемную анимацию, отказывались верить, что видят на экране кукол. Старевича постоянно допрашивали вопросами, как это

он так научился дрессировать насекомых. Кстати, сама по себе анимация была знакома зрителю, но анимация плоскостная. В движущихся картинках к 1912 году не было уже ничего необычного, и, хотя полноценный рисованный мультфильм был создан через два года после триумфа картин Старевича, такого фурора он не произвел. Впрочем, и на этом поле Старевич умудрился «отметиться» раньше. «Другую картину, также для домашнего пользования, Старевич сделал из последовательно снятой на пленку серии своих рисунков, – вспоминал Ханжонков. – Темой своего фильма он избрал злободневную тогда в кинематографических кругах борьбу двух конкурирующих между собой кинофирм: «Братьев Пате» и акционерного общества «А. Ханжонков и Ко». Фабричной маркой французской фирмы было изображение горланящего петуха, а второй – Пегас. И вот Старевич в карикатуре показывает, как кляча с крыльями пытается проглотить довольно помятого петуха. Этот киношарж и был первой картиной неведомой еще тогда плоскостной мультипликации».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Режиссер
В.А. Старевич
за работой
«Прекрасная
Люканида».
Автор –
Михаил Лазарев
из Ефремовской
детской художественной школы

ПРОСТО ГЕНИЙ

Старевичу на студии Ханжонкова не стали выделять отдельное помещение. Все съемки он проводил у себя на квартире (весьма просторной, впрочем) в миниатюрном павильоне. Интересно, что при всей трудоемкости Ханжонкову кукольные фильмы обходились дешево: их делал один человек, которому он платил как за съемку обычного фильма. Но если фильмы с людьми снимались за два-три дня, то работа Старевича продолжалась намного дольше и выматывала его. При этом Владислав Александрович работал и на обычных постановках – как кинооператор, постановщик спецэффектов и как режиссер. Неудивительно, что в России он успел снять всего десяток мультипликационных фильмов, которые принесли ему славу, но не деньги. Впрочем, в обычном кино Старевич также преуспел. Фактически именно он начал первым в русском кинематографе использовать методы комбинированной съемки, двойную и многократную экспозицию, «черный кабинет» и выдумывать разнообразные трюки. Например, в своем самом последнем фильме, снятом в России (и самом последнем не анимационном фильме), «Звезда Моря», Владислав Александрович задумал сцену, в которой на фоне ниспадающих облаков вращался живой венец из человеческих тел. Саму идею

он подсмотрел в дорожном итальянском «боевике» «Кабирия», но применил блестящее техническое решение. Если в «Кабирии» для съемки этого спецэффекта построили специальную и дорогую вращающуюся платформу, то Старевич вращал кинокамеру, сделав съемку абсолютно бесплатной. Отличился Владислав Александрович и тем, что смог показать на экране уменьшение объектов и даже персонажей. В тот момент такого рода технологии были недоступны практически для всех кинематографистов мира. Разумеется, дарования Старевича использовались и в программе научно-популярных фильмов, которые производила компания Ханжонкова. Например, в фильме «Пьянство и его последствия», который, кстати, имел в России огромную популярность, в пустой бутылке на глазах упившегося до белой горячки персона-

В период работы над фильмом «Стрекоза и муравей»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

жа Ивана Можухина появлялся черт. Сейчас такие спецэффекты могут показаться наивными, но на публику начала XX века они производили неизгладимое впечатление...

Несмотря на замкнутость, Старевич знал толк в хорошей шутке и изредка устраивал довольно жесткие розыгрыши. Снова дадим слово Ханжонкову: «Однажды, при встрече нового, 1913 года, когда собравшимся сотрудникам нашего акционерного общества и их родственникам демонстрировались лучшие эпизоды из еще не выпущенных картин, Старевич попросил разрешения показать и его ролик. Картина началась кадрами традиционного рождественского деда. Дед Мороз на экране вдруг замер. Проекционный аппарат привычно потрескивал, но поза Деда Мороза не менялась. Это вызвало у зрителей подозрение, что пленка остановилась под горячим лучом дуговой лампы. Искушенные в киноделе зрители знали, что так обычно начинаются пожары в кинотеатрах.

Зрители тревожно, как по команде, привстали на своих местах и ждали, устремив взгляды на экран: оживет ли кадр... И вдруг в центре экрана появилось злое, темнеющее пятно, быстро воспламенившееся и покрывшее экран огненными языками. Паника охватила присутствовавших в зале. Одни бросились, опрокидывая стулья, к выходу, другие устремились к проекционной будке. Неожиданно дверь кинобудки открылась, и вместо ожидаемых облаков дыма и пламени показалось бледное от пережитого испуга лицо нашего опытного киномеханика. Потрясая руками, он кричал:

– Ну и жулик же наш Старевич! У меня здесь все в порядке, а пожар на экране дело его рук!

Хохоту и шуткам сразу успокоившихся гостей не было конца. Все смеялись новогодней шутке Старевича. Потом оказалось, что все эти «пожарные эффекты» были нарисованы, а частью выцарапаны и раскрашены на самой пленке».

**НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫЕ
ПЕРЕМНЫ**

Когда началась Первая мировая война, Старевича, который к тому моменту ушел от Ханжонкова из-за финансовых разногласий, призвали в так называемый Скобелевский комитет, который занимался организацией производства и прокатом пропагандистских кинофильмов в помощь инвалидам войны. Потом грянула революция, и Старевич с семьей оказался в бедственной ситуации. Работы не было. Бумажные деньги обесценились, и никто не хотел их принимать. В какой-то момент Старевич получил от Ханжонкова приглашение работать в Ялте, куда последний перевел часть производства. Выбора не было, и Владислав Александрович с семьей направился в Крым.

Крымский период, как известно, постепенно превратился в агонию русского кинематографа. Не хватало денег, электричества, пленки. Старевич работал над игровыми фильмами. Именно в Крыму он с невероятными трудностями снял «Звезду Моря», обогатив, кстати, кинематограф приемами масштабной съемки, для которой Старевич сделал макет сказочного дворца и сотни крошечных человеческих фигурок. И сам режиссер, и все, кто видел эту картину, считали, что она является вершиной его творчества. Как уже говорилось выше, «Звезда Моря» – это последний фильм Старевича, снятый в России, и последний его игровой проект. Осознав, что ситуация ухудшается, Владислав Александрович с семьей эмигрировал в Италию, а оттуда – во Францию. Многие историки кино считают, что именно отъезд Старевича стал важным фактором, добившим контору Ханжонкова. По легенде, Ханжонков вывез с собой в эмиграцию не значительную часть своей фильмотеки, а только копию «Звезды Моря». Продав фильм (увы, до наших дней не сохранившийся) западным дистрибьюторам, Александр Алексеевич обеспечил себе несколько лет безбедной жизни.

С дочерью Ириной на съемочной площадке фильма «Рейнеке-лис». 1920-е годы. Франция

ТИХИЕ ДНИ В ФОНТЕНЕ

В отличие от большинства русских киноэмигрантов, Старевича за границей знали и ждали. Во Франции представитель фирмы «Меркурий» предложил режиссеру работу на тех условиях, которые тот имел в России. Старевич согласился, поселился в Фонтене-су-Буа – в тот момент пригороде Парижа, – и закипела работа. Конкурентов у режиссера так и не появилось, а изобретательности его могли позавидовать целые кинофабрики. Старевич жил в небольшом, но уютном особняке, практически не появлялся на публике. Его съемочной командой стала семья – жена помогала делать костюмы и декорации, старшая дочь, Ирина, была ассистентом и сценаристом, а младшая дочь, Нина,

оказалась единственным живым существом, появившимся на экране. Говорили, что у нее выдающиеся актерские способности. Описание «студии» Старевича оставил Александр Куприн, которому посчастливилось побывать в гостях у режиссера: «Вот что удивительно в его демонстрациях: всех его героев и героинь можно видеть до волшебного превращения собственными глазами. Они валяются на столике, некоторые, составившие себе почетную, славную репутацию, мирно отдыхают в стеклянных витринах. На вид это причудливые куколки в вершок и менее ростом и притом совершенно, окончательно неодушевленные. Есть там лягушки, аисты, мухи, стрекозы, птицы, муравьи, феи, сильфи-

Владислав Старевич и его куклы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ды, гномы, эльфы; водяные пучеглазые человечки, рыцари в шлемах и латах и страшные боевые кони; и еще великое множество сказочных персонажей. В.А. Старевич терпеливо работает с ними в своей студии, с кадрика на кадр видоизменяя их положение. Когда же – через много месяцев – пьеса готова и ее показывают на экране, то с удивлением видишь, как разрешилось вдруг колдовство, тяготевшее над уснувшими героями г. Старевича, и как они, внезапно пробудившись, зажили той таинственной чудной сказочной жизнью, которую мы в раннем детском возрасте так близко, так ярко знали, чувствовали у Перро и Андерсена и у Мамина-Сибиряка. Старевич полностью отдался творчеству. Он продолжал изо-

бретать новые трюки и технологии. Экспериментировал с цветом, раскрашивая каждый кадр. За свои фильмы он получил две медали Розенфельда – это популярная кинематографическая премия 1920–1930-х годов. Мастерство Владислава Александровича росло, он получил прозвище Волшебник из Фонтене. К этому времени с объемной анимацией экспериментировали уже многие, но сравниться со Старевичем не мог никто. «Этот человек обогнал всех аниматоров мира на несколько десятилетий», – писал о нем Уолт Дисней. Считается, что вершиной творчества режиссера стал полнометражный фильм «Рейнекелис», снятый по мотивам французской средневековой сатиры, над которым Старевич работал

В студии с дочерью Ириной и персонажами своих мультфильмов

в общей сложности десять лет. Критики особо отмечали, что звери, которых создавал Старевич, не антропоморфны, как, например, у Диснея, они не пародируют мимику и движения людей. Зато сам режиссер издевался над окружающей его действительностью как только мог. Практически каждый его фильм пародировал и привычки людей, и политические реалии. При этом Старевич совершенно не интересовался политикой.

ЗАКАТ

В годы Второй мировой он прекратил работу над фильмами, а после войны перебрался в тихое местечко под Парижем. К этому времени мир изменился. Кукольные мультфильмы потеряли популярность. Экран завоевала рисованная продукция. А Старевич продолжал работать по старинке. Он считал, что его методы исключают возможность привлечения сторонних помощников, и по-прежнему рассчитывал только на свою семью. Но его старые картины потеряли популярность, а новые фильмы не вызывали интереса у зрителей. Через какое-то время Старевич остался без заказов от прокатных фирм. Он зарабатывал изготовлением рекламных роликов, а когда становилось совсем туго, особенно когда пришлось лечить старшую дочь, которая теряла зрение, продавал своих великокопных кукол.

Владислав Старевич прожил долгую жизнь. Умер он в 1965 году в возрасте 82 лет. К этому моменту имя его было увековечено в учебниках и книгах по истории кинематографии. Кроме того, он и сам оставил после себя большое теоретическое наследие. В СССР Старевича не забыли благодаря воспоминаниям Александра Ханжонкова, а в 1980–1990-е годы все сохранившиеся фильмы его «русского» периода были выявлены в Госфильмофонде и отреставрированы. ❷

Фонтене-су-Буа.
Улица Гюго.
1950-е годы

«В СПАСКОМ ОДИН ГЕНИЙ — ТУРГЕНЕВ»

БЕСЕДОВАЛА

АРИНА АБРОСИМОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ГОД 200-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ ИВАНА СЕРГЕЕВИЧА ТУРГЕНЕВА НЕ ТОЛЬКО ПОВОД ВСПОМНИТЬ О НЕМ, НО И ВОЗМОЖНОСТЬ ПЕРЕЧИТАТЬ, ОСМЫСЛИТЬ, ПОНЯТЬ... МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «СПАСКОЕ-ЛУТОВИНОВО» – МЕСТО, ГДЕ И СЕЙЧАС СОХРАНЯЕТСЯ АТМОСФЕРА ДВОРЯНСКОГО ГНЕЗДА, КОГДА-ТО ГЛУБОКО ЛЮБИМОГО ПИСАТЕЛЕМ И РАЗОРЕННОГО БЕСПОЩАДНЫМ ВРЕМЕНЕМ. ЗДЕСЬ СОЗДАНЫ САМЫЕ ГЛАВНЫЕ ТУРГЕНЕВСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ – «ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО», «НАКАНУНЕ», «РУДИН», «ОТЦЫ И ДЕТИ». ДИРЕКТОР МУЗЕЯ ЕЛЕНА ЛЕВИНА – ЧЕЛОВЕК, НА ПЛЕЧИ КОТОРОГО ЛЕГЛИ ВСЕ ЗАБОТЫ О ДОСТОЙНОМ ПРОВЕДЕНИИ ЮБИЛЕЯ ТУРГЕНЕВА. ДЛЯ СЛУЖИТЕЛЕЙ УСАДЬБЫ ЭТОТ ПРАЗДНИК НЕ ПРОСТО РАБОТА, А ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ.

— **Е** ЛЕНА НИКОЛАЕВНА, В СПАСКОМ-ЛУТОВИНОВЕ СРАВНИТЕЛЬНО НЕДАВНО, В 2009 ГОДУ, ПРАЗДНОВАЛОСЬ 200-ЛЕТИЕ САМОЙ УСАДЬБЫ.

Тот опыт помогает вам сегодня?

– 200-летие усадьбы – юбилей, скорее, символический. Конечно, Спасская усадьба значительно старше – отсчет можно вести, например, с 1572 года, когда Иван Грозный пожаловал основателю рода Лутовиновых, Ивану Ивановичу, в Мценском уезде 200 четвертей земли. А это

ведь около 110 гектаров! К сожалению, мы можем только предполагать, где находилась изначальная Лутовиновская усадьба или усадьбы. Дело в том, что следы первой усадьбы, построенной прапрадедом Тургенева, Андреем Ивановичем Лутовиновым, до нас не дошли. Его сын, Иван Андреевич, заново обустраивал поместье в середине XVIII века. Но и от этой, второй усадьбы ничего не сохранилось. Строительство уникального архитектурного и садово-паркового комплекса в Спасском-Лутовинове велось на

Директор Государственного мемориального и природного музея-заповедника И.С. Тургенева «Спасское-Лутовиновое», кандидат филологических наук Елена Николаевна Левина

рубеже XVIII–XIX веков двоюродным дедом писателя. Вот какая долгая история! А датой основания Спасской усадьбы принято считать день освящения нового храма Спаса Преображения – 26 июня 1809 года по старому стилю.

Что же касается 200-летия великого писателя, то это событие европейского масштаба. Тургенев – один из крупнейших европейских писателей XIX века. Его место и роль в истории русской и мировой культуры нам еще предстоит осмыслить.

– Все точки не поставлены...

– Нет, конечно! Даже среди замечательной плеяды русских писателей золотого века русской литературы Тургенева отличает необыкновенный универсализм творческих интересов и их проявлений! Романист, непревзойденный мастер пейзажа, поэт, беллетрист, философ, гуманист, драматург, классик, еще при жизни заслуживший признание не только в России, но и за рубежом. В 1860 году ему присвоено звание члена-корреспондента Императорской Академии наук по разряду русского языка и словесности, а в 1879-м он – почетный доктор гражданского права Оксфордского университета. Судьба «поделила» Тургенева между Россией и Европой. С одной стороны, это подлинный европеец по культуре,

с другой – он был первым открытым Европой великим русским писателем. И это он познакомил европейских читателей с Пушкиным, Гоголем, Толстым, а в России благодаря Тургеневу стали читать Золя, Мопассана, Флобера.

– Есть известное выражение – *genius loci* – «гений места». У столь легендарного Спасского есть дух-покровитель – «Ибо нет места без духа»?

– В Спасском один гений – Тургенев.

– В своем родовом поместье Тургенев прожил без малого семнадцать лет. Первые десять лет его жизни, когда формируется личность человека, прошли здесь. И детство Ивана Сергеевича нельзя назвать счастливым, были унижения, побои. Но вырос он человеком легким, общительным, романтическим. И Спасское любил...

– Не могу согласиться. Представление о несчастливом детстве Тургенева какое-то очень литературное, что ли... Все было очень сложно. Отношения писателя с матерью можно определить как отношения «любви-ненависти», «влияния-противостояния». Очевидно, что это во многом определило характер писателя, отношения с женщинами. И образ Варвары Петровны, ее нравственное влияние находили в произведениях Тургенева отражение и своеобразное творческое преломление. Постоянные противоречия между ними не смягчались, но вместе с тем ее очень яркая, самобытная натура, ее трагическая судьба пробуждали в Тургеневе желание вновь и вновь воскрешать в памяти особенности ее характера, поведения, взаимоотношений с окружающими, наконец, ее внешность. И он наделял этими чертами своих литературных героинь.

– Героинь? Почти всем известна только злая барыня из «Муму».

– Старая барыня в повести «Муму» – это 1852 год. Но уже на следующий год появляется роман «Два поколения» с жестокой и деспотичной помещицей Глафирой Ивановной Гагиной, отдельные черты характера Варвары Петровны угадываются в облике властолюбивой и суровой тетки Лаврецкой Глафиры и у Варвары Лаврецкой в романе «Дворянское гнездо», у госпожи Зверковой в «Малиновой воде», у матери главного героя в рассказе «Гамлет Щигровского уезда», у барыни Лосняковой из рассказа «Контора»... Да это целый ряд персонажей! Через творчество Тургенев как будто освобождается от гнетущего образа матери. Сам собой напрашивается вывод о том, что одним из главных мифотворцев оказался сам Тургенев, буквально «сражающийся» с матерью на страницах своих произведений.

– Жесткий характер Варвары Петровны – притча во языцех. Но здесь, в Спасском, ее любят и жалеют. Почему?

– Современники полагали, что Иван Сергеевич был очень похож на мать – и не только внешне,

Вид усадебного дома в Спасском-Лутовинове. Художник Голиков. 1893 год

он перенял ее оригинальный, независимый взгляд на мир. Николай Лесков, например, по мемуарным отзывам, отмечал у Тургенева «просвещенный и благоустроенный ум», воспитанный «заботами умной и образованной матери». Эта характеристика о многом говорит.

Дошедший до нас эпистолярный архив Варвары Петровны – всего сохранилось 125 полных писем и фрагментов писем к сыну Ивану за 1838–1844 годы – позволяет сделать вывод: мать писателя по одаренности и масштабу личности превосходила многих современниц. Она была от природы умна и для своего времени хорошо образованна. Ее письма к сыну – замечательный документ поместно-дворянской культуры первой половины XIX века. Интерес к этим письмам возник более ста лет назад – в 1915 году в Тургеневских сборниках, издаваемых известным литературоведом Пиксановым, были впервые опубликованы отрывки. Но прошло еще сто лет, и увидела свет книга «Твой друг и мать Варвара Тургенева». Это первое комментированное издание писем матери писателя к сыну. Оно стало самым крупным издательским проектом нашего музея последнего времени и было удостоено национальной премии «Лучшие книги 2012 года» и премии имени И.Е. Забелина в области научных исследований.

– Вы назвали целую вереницу персонажей, на образ которых повлияла Варвара Петровна. А «тургеневские девушки» тоже родом отсюда, из Спасского?

– Из Спасского родом, пожалуй, только одна тургеневская героиня – Ася, одним из прообра-

Хозяйственные постройки

зов которой могла стать незаконнорожденная дочь дяди писателя, Анна. Есть реальный прототип героини «Первой любви»: как известно из источников, это княжна Екатерина Шаховская. Некоторые черты графини Марии Николаевны Толстой могли найти отражение в образе Веры Ельцовой в повести «Фауст». Но чаще всего тургеневские образы – собирательные, это не портреты знакомых. Вот, например, прообразом Лизы Калитиной в «Дворянском гнезде» называли одновременно поэтессу Елизавету Шахову, графиню Елизавету Ламберт, «узнавали» в Лизе и Наталью Александровну Герцен, и ту же Марию Николаевну Толстую, и Веру Сергеевну Аксакову, и Татьяну Бакунину, а в Орле называли еще несколько имен. И все это – одна Лиза! То есть

Боковое крыльцо барского дома

Вид на главные ворота и храм Спаса Преображения в стиле классицизм

Внутреннее убранство храма, построенного в 1809 году. Здесь 16 января 1816 года венчались родители будущего писателя – Варвара Петровна Лутовинова и Сергей Николаевич Тургенев

какие-то черты разных реальных женщин переплетались и становились литературной героиней. А современники искали сходство, гадали, предполагали...

– *Иван Сергеевич имел внебрачную дочь, которую по предложению Виардо отправил к ней в Париж на воспитание. Каким он был отцом, что случилось с его единственным ребенком?*

– О существовании дочери писатель узнал, когда Пелагее было 8 лет – в июле 1850 года. Он поспешил поделиться этим известием с Полиной и Луи Виардо, написал им из Спасского: «Скажу вам, что я нашел здесь – догадитесь что? – свою дочку, 8 лет, разительно на меня похожую».

Тургенев с радостью взял на себя заботу о маленькой дочери, она воспитывалась вначале в семье Виардо, затем в пансионах. Он был внимателен и заботлив по отношению к Полине, давал советы и наставления, участвовал в ее судьбе. Тургенев одобрил выбор дочери, когда она решила выйти замуж за преуспевающего молодого человека – Гастона Бюэра. Писатель очень радовался появлению внуков – Жанны и Жоржа Альбера. Но семейная жизнь не принесла Полине счастья, она ушла от разорившегося и промотавшего не только свое состояние, но и ее приданое мужа. Тургенев посоветовал дочери уехать в Швейцарию, о ее местонахождении знали только самые близкие люди. Он помогал ей до конца своей жизни, но все же настоящей духовной близости между отцом и дочерью так и не возникло. Знаете, как говорят – не совпало. Тургенева огорчало то, что Полина не любит ни музыки, ни поэзии, ни природы – всего того, что так любил он. Осложняло их отношения, конечно, и откровенное неприятие дочерью Полины Виардо. А мы знаем, что эта женщина стала главной любовью его жизни... Так что причин отдаления у них было несколько. И очень жаль, что потомков Тургенева сейчас уже не осталось.

– *Елена Николаевна, ваша работа директора музея не сводится ведь только к администрированию и хозяйственной деятельности? Вы – литературовед, проводите научные конференции, исследовательскую работу...*

– Ну, в этом как раз ничего необычного нет. Музейщик – профессия синтетическая. Каждый из нас и экскурсовод, и фондовик, и экспозиционер, и издатель, и садовник – если нужно!

– У вас проходят ежегодные Тургеневские чтения, в Спасское приезжают тургенеvedы не только из России, но и из-за рубежа. И каждый год они приносят сюда открытия, сенсации?

– Сенсации часто не случаются. Самое главное, что дают Тургеневские чтения и конференции, – это неспешное, шаг за шагом, изучение творческого наследия писателя, узнавание Тургенева. Как всякий большой художник, он – очень сложный, многоплановый, в чем-то неузнанный... Каждое его произведение содержит столько слоев и смыслов! И, несмотря на усилия нескольких поколений тургенеvedов, Тургенев остается одним из самых... непрочитанных писателей. Ни один тургенеved не сможет сказать: вот и все, Тургенев изучен и понят, пора перевернуть страницу. Нет, остаются лакуны, он чем-то интригует, не открывается до конца, ведет нас дальше и дальше...

– Есть несколько мемориальных мест, связанных с Тургеневым, – в Москве, во Франции, в Тульской области... Это – «конкурирующие стороны» или «сообщающиеся сосуды»?

– У каждого из этих музеев – своя ниша. Но Спасское-Лутовиново – единственный мемориальный музей великого писателя. Мы поддерживаем очень хорошие отношения с Государственным музеем А.С. Пушкина, филиалом которого является Музей Тургенева на Остоженке, происходит постоянный обмен выставками. Совсем недавно рядом со Спасским появился музей-заповедник «Бежин луг», который пока еще находится в стадии становления. Мы постоянно общаемся с коллегами, обмениваемся опытом. Поэтому вопрос конкуренции изначально был бы в таком контексте мелким и незначительным.

– Не могу не спросить о масштабной реконструкции дома-музея, которую вы проводили несколько лет. Сложное, нервное предприятие, как любой ремонт?

– Начинали мы с противоаварийных работ – подводки фундаментов, переборки сруба, усиления конструкций... Была заменена крыша, восстановлен ее исторический вид, в большей степени теперь интерьеры приближены к историческим, о которых остались записи...

Вместе с тем дом-музей необходимо было приспособить к современному использованию. И это не только «ответ на современные запросы», что, безусловно, нужно учитывать любому музею сегодня. Вот здесь, кстати, вопросы конкуренции могут проявляться. Посетителю важно понимать, что музей готов его принять и показать экспозицию максимально – в удобном режиме, с заботой и участием. В исторических местах это представ-

Гостиная

В библиотеке музея хранится множество книг из личного собрания писателя

Петровая шляпа
и шелковое
кашне Тургенева

ляет определенные сложности, и нам необходимо было эти сложности решать.

И помимо глобальных работ по реставрации дома-музея у нас постоянно продолжается реставрация музейных вещей. В этом году в мастерских побывало в общей сложности более 50 предметов, включая портреты Сергея Николаевича и Николая Сергеевича Тургеневых, а также предметы обстановки дома-музея.

Даже после закрытия дома-музея на реставрацию мы ни на один день не прекращали принимать посетителей. За последние два года в Спасском-Лутовинове открылись две новые экспозиции – литературная и этнографическая. Мы разработали ряд интерактивных программ:

квестов, мастер-классов. Таким образом, в музее постоянно открыты четыре экспозиции – всегда есть на что посмотреть!

– А почему уже в 1921 году советская власть решила, что здесь должен быть музей?

– Иван Сергеевич Тургенев умер 3 сентября 1883 года по старому стилю недалеко от Парижа, в Буживале. Его тело перевезли в Петербург – согласно пожеланию Тургенева, он хотел быть похороненным на Волковском кладбище. И он покоится недалеко от могилы Белинского. Владелицей Спасского-Лутовинова стала Ольга Васильевна Галахова. И с самого начала судьба этого места складывалась драматически. Усадьба и прилегающие к ней земли были сданы в аренду. Не ремонтировался и не отапливался опустевший тургеневский дом, разрушались хозяйственные постройки, книги, портреты, рукописи, семейные ценности и памятные реликвии разошлись по наследникам. Много так и исчезло безвозвратно. В январе 1906-го дом Тургенева был уничтожен пожаром. Получилось так, что благодаря предусмотрительности Галаховых заблаговременно вывезенные старинная библиотека и мемориальные вещи были в основном сохранены.

В 1918 году постановлением Орловского губисполкома Спасская усадьба была объявлена национальным достоянием и перешла в ведение и управление губернского земельного отдела. Потом – Гражданская война, смута, и усадьба оказалась бесхозной, очень плохо охранялась, подвергалась расхищению. Со временем оставшиеся помещения ветшали, а некоторые строе-

Голубая гостиная

ния были просто разобраны. Заросли некогда прекрасные пруды, да и весь пейзаж менялся в худшую сторону.

А в 1921-м музейный отдел Главнауки признал парк при родовом имении Тургенева «неприкосновенным памятником природы, садов и парков».

Вот так 26 октября 1921 года был создан музей-усадьба Ивана Сергеевича Тургенева «Спасское-Лутовиново» – в соответствии с постановлением отдела музеев и охраны памятников искусства и старины Народного комиссариата просвещения и законодательным актом 1921 года об охране исторических усадеб, памятников природы, парков и садов.

– Но по Спасскому-Лутовинову прошли не только революция, но и война с оккупацией, и перестройка... Этот пласт проблем копился много лет, и разбирать его пришлось тоже вам – к юбилею? Или все уже давно было решено и никак не влияло на «текущий фронт работ»?

– Ну, всего не решить и не переделать никогда... В усадьбе всегда есть помимо текущей, каждодневной работы и какие-то глобальные проблемы. Сейчас в реставрации нуждаются и церковь Спаса Преображения, и хозяйственные постройки, большого внимания требует одна из самых подлинных экспозиций музея – усадебный парк. Работы еще очень много...

– Спасское при Тургеневе, как известно, было весьма гостеприимным местом – приглашенные гостили по несколько дней, наслаждаясь здешней жизнью, в бильярд играли, гуляли по парку и купались в пруду. Вели философские беседы, спорили, шутили...

– Да, Тургенев был очень общительным человеком. Один из его ближайших знакомых, литературный критик Павел Анненков, вспоминал, что после 1850 года в его гостиной собирались люди из всех классов общества: и герои светских салонов, и корифеи литературы, и знаменитые артисты, и ученые. И среди его гостей можно было найти людей без имени, никому не известных и отличавшихся своей сдержанностью. Как писал Анненков, «Тургенев дорожил ими столько же, по крайней мере, сколько и теми, которые носили громкие имена в литературе и обществе».

– Вы цитируете по памяти? Что значит – литературовед!

– Это, скорее, опыт экскурсовода. Знаете, свидетелей и оставленных ими свидетельств предостаточно – я многое помню наизусть и могу о Тургеневе говорить часами. Удивительный человек... Везде, где бы он ни бывал, заводилось «множество новых знакомств». В Москве, Петербурге, Париже, Баден-Бадене. «Настоящие и лучшие качества его души обнаруживались у него с наибольшей силой в деревне и в семье, – писал все тот же Анненков. –

В деревне Тургенев успокаивался; там не надо было блистать и изобретать сцены». Понимаете, он здесь был сам собой, естественным и простым. И к нему в разное время приезжали Толстой, Некрасов, Фет, актер Щепкин, Полонский, Григорович, Савина, Успенский, Гаршин...

– У вас в экспозиции есть шахматный столик, за которым когда-то склонялись хозяин дома и его именитые гости...

– Шахматы – да, это очень важный предмет в доме! Тургенев был заядлым шахматистом, являлся членом Петербургского шахматного клуба, организованного Янишем, Шумовым – видными русскими шахматистами. Членами клуба были также Толстой, Полонский, Панаев и многие другие писатели. В спасской библиотеке были руководства по игре в шахматы и журналы на разных языках, которые хозяин выписывал из-за грани-

Долгими вечерами здесь слушали фортепьянную музыку и романсы в исполнении гостей дома

Шахматный столик – одно из любимых мест хозяина дома

Аллеи парка с вековыми деревьями и скамейками пересекаются друг с другом, образуя римскую цифру XIX...

Елена Николаевна Левина

цы. Он просматривал опубликованные партии, делая на полях пометки.

Партнерами Тургенева за этой самой шахматной доской были соседи – Толстые, Борисов, Полонский. В 1853 году Иван Сергеевич писал Аксакову: «Знаете ли, в чем состоит главное мое занятие. Играю в шахматы с соседями или даже один, разбираю шахматные игры по книгам. От упражнения я достиг некоторой силы». «Шахматы и вечерняя беседа» и, конечно, музыка. Это фортепьяно помнит его пальцы...

– За долгие годы, проведенные за границей, Тургенев скучал по родовому гнезду, тянуло его сюда?

– Конечно, Спасское стало настоящим пристанищем Тургенева. Сюда он возвращался из своих

путешествий, здесь был дом, родина, «на тысячу верст кругом Россия, родной край». Здесь воплотилась какая-то цельность в его представления о России. «Только думаю весной о возвращении в возлюбленный Мценский уезд! Егорьев день, солнышко, солнышко и лужи по дорогам – вот чего жаждет моя душа». Можно сказать, что с этими местами Тургенев был связан генетически.

– Мне очень нравится стихотворение Бальмонта «Памяти Тургенева»: оно объясняет людям, какой огромный вклад внес писатель не столько в литературу, сколько в само общество, как изменил реальность... Вы согласны с Бальмонтом? Мы сейчас действительно другие и обязаны этой метаморфозой в том числе и Тургеневу?

– Русская классическая литература – одна из основ нашей национальной идентичности. Именно она воспитывала, закладывала идеалы и традиции. Тургенев – неотъемлемая ее часть. А сейчас обычный читатель все чаще сталкивается с тем, что едва ли не все в произведениях прошлого вызывает непонимание: идеалы и традиции, лежащие в основе классической культуры, к сожалению, постепенно становятся чужды нашим современникам. Теряя живую связь с культурой, с ее классической основой, мы одновременно рискуем утратить и важнейшие национальные ценности. Ведь именно литература всегда формировала традиционно русское представление о патриотизме, чести, гуманизме... А что еще так воздействовало на умы? Именно литература. И когда мы говорим о таком писателе, как Тургенев, то особенно остро понимаем эти идеалы, их истинную суть. Особенно остро понимаем, как страшно их потерять... ❀

ВОЗВРАЩЕНИЕ ФЕЛЬДМАРШАЛА

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

СРЕДИ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ, РОДИВШИХСЯ ИЛИ ЖИВШИХ НА ТВЕРСКОЙ ЗЕМЛЕ, – ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛ ИОСИФ ГУРКО. В 1894 ГОДУ ИОСИФ ВЛАДИМИРОВИЧ СТАЛ ПРЕДПОСЛЕДНИМ РУССКИМ ВОЕНАЧАЛЬНИКОМ, УДОСТОЕННЫМ ЭТОГО ЧИНА, 53-М ПО СЧЕТУ. В 1879-М БЫЛ НАГРАЖДЕН ОРДЕНОМ СВЯТОГО ГЕОРГИЯ 2-Й СТЕПЕНИ. ТАКОВЫХ В ОРДЕНСКОЙ ИСТОРИИ ЗАПИСАНО 125 ЧЕЛОВЕК. ГУРКО ПОЛУЧИЛ ОРДЕН ЗА НОМЕРОМ 118.

«**Ч**ТОБЫ УВЕКОВЕЧИТЬ память этого фельдмаршала, и была построена в имении «домашняя церковь», а под нею 11 склепов, куда перенесли прах папаша и мамаша, умершей в Париже, и привезенный в Тверскую губ., как в то время подобало генеральской жене... В имении Сахаро-

во сейчас расположен образцовый лагерь Н-ской дивизии. В домашней церкви устроена читальня для красноармейцев и крестьян... Генеральские останки – душителей рабочих и крестьян – убраны. На этом месте теперь цветут цветы пролетарской культуры и знаний». Выписано из газеты «Тверская правда» за 28 мая 1925 года.

Подпись под сделанной вручную выпиской говорящая – «Очевидец».

«Папаша и мамаша» – это как раз об Иосифе Гурко и его супруге, урожденной графине Марии Салиас-де-Турнемир, так как последним владельцем имения Сахарово был их сын Владимир. Забегая вперед, замечу, что у фельдмаршала и Марии Андреевны было еще пятеро сыновей. Их судьбы таковы, что впору роман писать. Не «Карамазовы», конечно, но Федору Михайловичу материал понравился бы. В 1977 году та же газета, переименованная в «Калининскую правду», тон поменяла. Отмечалось 100-летие последней русско-турецкой войны, в результате которой болгары получили свободу, а сербы и черногорцы утвердились на международной арене в качестве хозяев независимых государств. В 1901-м, ког-

Церковь Святого Иосифа Волоцкого в Сахарово – бывший павильон, построенный в 1897 году под родовой музей

да фельдмаршал покинул этот мир, у гроба помимо родственников, высоких чинов из Петербурга и офицеров Тверского гарнизона стояли члены болгарской делегации. В 1977 и 1978 годах болгар тоже ждали в Советском Союзе, но вряд ли планировалось везти дорогих гостей в Сахарово. Из читальни домовая церковь превратилась в тренировочный зал спортобщества «Урожай» и по совместительству – в мебельный склад. Склонить головы у саркофага Иосифа Владимировича не получилось бы. На исконное место останки возвращать никто не собирался. Как бросили их в землю в парке в 60 шагах от памятника советским воинам, умершим от ран в местном госпитале во время Великой Отечественной войны, так там и оставили. Хорошо, подумались зарубки на ближних деревьях оставить. Видать, кто-то из добровольцев-могильщиков, сжимая рукоять лопаты, вспомнил Бога.

Внутреннее убранство церкви Святого Иосифа Волоцкого

Родовой герб Ромейко-Гурко в картуше над входом в храм

ГЕНЕРАЛ «ВПЕРЕД»

Что ни говори, коллективная память – это капризный инструмент истории. Как так получилось, что Петр Великий и великий Александр Суворов, военачальники Отечественной войны 1812 года во главе с Михаилом Кутузовым и в некоторой степени Михаил Скобелев с Алексеем Брусиловым зат-

мили собой остальных замечательных полководцев, приносивших славу Российской империи на протяжении трех веков? К ним можно добавить «хозяев морей» – Федора Ушакова и Павла Нахимова. Идут перечисленные военные таланты по магистральному пути русской военной истории, а параллельно проселочными дорога-

ми пробираются их достойные конкуренты и товарищи по победам и поражениям, известные по большей части специалистам и ценителям военного искусства.

Проверить себя нетрудно. Создатель русского флота, первый президент Адмиралтейств-коллегии Федор Апраксин, защитивший строившийся Петер-

бург от шведов. Генерал-фельдмаршал Михаил Голицын, один из лучших полководцев Северной войны, победитель Гренгама. За титул лучшего с ним могли поспорить Никита Репнин и Шереметев. Еще один фельдмаршал – Христофор Миних, доказавший, что доминирование Османской империи на Черном море не вечно. Адмирал Григо-

Мраморный саркофаг, в котором покоится прах генерал-фельдмаршала Гурко и его супруги

рий Спиридов, бывший турок там же. Учитель Суворова граф Петр Румянцев-Задунайский, не только блистательный практик, но и глубокий теоретик военного дела. Это – век XVIII. А век XIX вывел на скрижалях фамилии генералов Ивана Дибича, Ивана Паскевича, Константина Кауфмана, Михаила Лорис-Меликова, Федора Радецкого, флотоводцев Михаила Лазарева, Степана Макарова. Век XX – Романа Кондратенко, Николая Юденича, Николая Эссена.

В этом не самом полном списке одно из достойнейших мест – у Иосифа Гурко. Будущий победитель в последней русско-турецкой войне – а именно Гурко многие военные специалисты и историки считали и считают таковым – родился в 1828 году в дворянской семье, корни которой находились в Белоруссии. Малая родина – родовое село Александровка Оршанского уезда Могилевской губернии. Отец – боевой офицер, участник

Памятные таблички над саркофагом

Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов 1813–1814 годов, орден Святого Георгия и генеральское звание получил в год рождения сына, когда в составе войск Паскевича взял Эривань. За Польский поход 1830–1831 годов был удостоен ордена Святого Георгия 3-й степени. В 1851 году стал полным генералом.

Неудивительно, что Иосиф с детства мечтал быть военным. Но первые годы учебы прошли в иезуитском коллегиуме – вероятно, Оршанском. Он до сих пор стоит в центре Орши в 300 шагах от Днепра – отреставрированный музей и картинная галерея. В 40-х годах XIX столетия коллегиум был превращен в городскую тюрьму, но Гурко этого уже застать не мог. После смерти матери в 1840-м его отправили учиться в Петербург, в Пажеский корпус.

Иосиф вышел из корпуса корнетом в лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк. Служить в царскосельских гусарах и не быть отменным кавалеристом невозможно. И Гурко им был. Спустя пятнадцать лет после прихода в полк Гурко из корнета превратился в полковника, то есть преодолел четыре ступени гвардейской иерархической лестницы. Для гвардейской кавалерии середины XIX века случай довольно редкий. Ведь гвардия не воевала толком после наполеоновского периода. А за полковничьи эполеты маячили генеральские. Всего в лейб-гусарах Гурко прослужил шестнадцать лет. За исключением короткого периода. Лучший эскадронный командир полка рвался на Восточную войну в Крым, в Севастополь. Ради этого поступился гвардейским чином ротмистра и превратился в скромного армейского майора, батальонного командира в Черниговском пехотном полку. Осталась крылатая фраза, брошенная Гурко после перевода: «Жить с кавалерией, умирать с пехотой». Но «умереть» с черниговцами ему не пришлось.

Майор оказался на Бельбекских высотах под Севастополем тогда, когда город-порт уже был сдан противнику.

По возвращении в родной полк Гурко довольно скоро был откомандирован в свиту Его Величества, где занимался реализацией проекта военной реформы в провинции. Судя по скупым откликам о его дея-

тельности в Самарской, Вятской и Калужской губерниях, полковник и флигель-адъютант свиты отличался редким для чиновничества качеством – чувством справедливости. Хотя по необходимости был строг до чрезвычайности. Особенно к нерадивым коллегам. Волею неволей Гурко принял на местах участие в проведении не-

Музейный манекен в летней форме нижнего чина времен Русско-турецкой войны 1877–1878 годов

Общий вид музейного зала

только военной, но и крестьянской реформы 1861 года. Казалось бы, кадровый столичный офицер должен быть лишен малейших признаков гуманного отношения к недовольным крестьянам. Но, в отличие от местных помещиков, жаждавших крови, Гурко настаивал, говоря современным языком, на политическом диалоге и выступал категорически против смертной казни. В строй Гурко вернулся в 1866 году – командиром 4-го гусарского Мариупольского полка. Вроде как понижение. На деле – практика для полкового командира. Через три года Иосиф Владимирович – генерал-майор, под рукой которого лейб-гвардии Конногренадерский полк! Шесть лет он командовал «мрачными» (прозвище гвардейских конногренадер. – Прим. авт.), превратив полк в элиту русской кавалерии. Затем получил 2-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию.

КОГДА МЫ БЫЛИ НА ВОЙНЕ

Едва в 1877 году началась русско-турецкая война, Гурко стал проситься в действующую армию. Он знал, что Гвардейский корпус беспокоить не будут, а генерал-лейтенанту очень хотелось в реальном деле доказать, что тридцать лет отдачи военной стезе не напрасно. Трудно сказать, отпустил бы

его на Дунай император Александр II из Петергофа, где стояли конногренадеры, но заступился великий князь Николай Николаевич – старший. Главнокомандующий Дунайской армией и брат царя служил ранее генерал-инспектором кавалерии и был убежден, что лучшего начальника для передового сводного конного отряда не найти. Вскоре новоиспеченный командующий передовым (он же – Южный) отрядом в 15 тысяч человек прибыл в северную Болгарию, принял его от прежнего начальника и направил на город Тырново. Что тянуть, решил генерал, понимая, что противник стремительного удара не ждет. И бросил кавалерию на город. От прибытия Гурко на фронт до взятия древней болгарской столицы минули сутки! В чем была особенность последней русско-турецкой войны? Помимо вражеской армии нашим войскам противостояла сама природа. Сначала сплош-

Фрагмент музейной экспозиции

Икона и колокол
церкви Святого
Иосифа
Волоцкого

ной линией фронта с запада на восток вытянулся широкий Дунай с четырьмя крепостями по южному берегу. За ним, также с запада на восток, – Балканы с четырьмя горными перевалами, через которые только и можно было прорваться в центральную и южную Болгарию. А там, глядишь – широкой долиной между Балканами и Родопами к Константинополю. В русской Ставке это прекрасно понимали. Турки – тоже. Форсирование Дуная прошло успешно. Предстояло взять под контроль горные дороги. Отряду Гурко достался самый трудный перевал – Хаинкиойский. Правда, и куда слабее укрепленный, чем, например, Шипкинский. Понадобилось несколько дней боев, и перевал оказался в руках русских, что позволило выйти в тыл турецкой шипкинской группировке. Протяжные бои на Шипке в июле 1877 года слышаны в России многие. Знаменитый памятник, олицетворяющий российско-бол-

гарскую дружбу, наряду со стоящим на другой горе советским солдатом Алешей. Художественный фильм. Песни. Когда-то весьма плохонькие дешевые сигареты без фильтра... Но куда меньшему числу людей известно, что взятие Шипки – это во многом заслуга генерала Гурко. После неудач под Плевной, где между Дунаем и Балканами разыгралось главное сражение войны, было принято решение усилить Русскую армию силами Гвардейского корпуса. Гурко принял 2-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию, которая вскоре благодаря резервам превратилась в Особую сводную армейскую группу до 70 тысяч штыков и сабель. С левого фланга Гурко перебрался на правый и, миновав перевал Араб-Конак, двинул на Софию. Но по дороге к перевалу предстояло провести несколько кровопролитных боев, которые вошли в учебники военного искусства: Дальний Дубняк, Телиш, Горный Дубняк, Орхание... А за перева-

лом – Ташкисен. Главные задачи возлагались на гвардейскую пехоту. Вот слова из напутствия солдатам генерала «Вперед», как называли Гурко в войсках: «Гвардейцы, о вас заботятся больше, чем об остальной армии... и вот вам пора доказать, что вы этих забот достойны». В высоких штабах генерала за глаза именовали иначе – «Колючка». Гурко утверждал: «При правильном обучении бой не представляет собой ничего особенного – то же учение только с боевыми патронами, требующее еще большего порядка, еще большего спокойствия». Но помимо правильного обучения генерал не манкировал экспериментами, основанными на расчете, внезапности и разумном риске. В бою у Горного Дубняка он использовал новейшую тактику пехотной атаки. Его стрелки передвигались не привычными коробками, а перебежками. Им позволялось атаковать по-пластунски, что уменьшало потери и давало нужный

После годовичного отпуска, проведенного с семьей в Сахарово, Гурко занимал разные посты. Временно губернаторствовал в Петербурге и Одессе. Постоянно – в Варшаве, возглавляя при этом соответствующие военные округа. В польской столице он задержался на двенадцать лет, что позволило реализовать план по созданию нового укрепленного района на так называемом «польском балконе» – территориальном выступе, фланги которого упирались в германскую и австро-венгерскую границы. В отставку Иосиф Владимирович вышел в 1894 году, в 1896-м был награжден высшим императорским орденом – Святого Андрея Первозванного.

Последние годы жизни провел в Сахарово, где и скончался в 1901-м. Последним владельцем усадьбы был старший сын фельдмаршала, Владимир. В отличие от отца он выбрал гражданскую стезю, достиг высоких чинов, во время Первой мировой войны был предводителем дворянства Тверской губернии. Умер в эмиграции в 1927 году. Вторым сыном, Василий, – офицер до мозга костей. Прошел три войны – от англо-бурской до Первой мировой, в которой достиг должности и.о. начальника штаба Верховного главнокомандующего Николая II и командующего Западным фронтом при Временном правительстве. Кавалер орденов Святого Георгия 3-й и 4-й степени, генерал от кавалерии Василий Гурко ушел из жизни в 1937 году в Риме. Еще один, Евгений, погиб на дуэли 25 лет от роду. Дмитрий – кадровый офицер, паж, лейбулан Его Величества, участник двух войн и, кроме того, военный разведчик. Георгиевский кавалер. Простился с миром в 1945-м в Париже. Николай покончил жизнь самоубийством после 1901 года, так как крупно проигрался в карты, пытался найти деньги уголовным способом – через ограбление. Попал под суд, но дожидаться его не стал. Самый младший, Алексей, умер 8-летним.

эффект. Селение Телиш было отменно укреплено турками. И Гурко, бережно относившийся к солдатским жизням, отдал приказ подавить врага массированным артиллерийским огнем. Противник не выдержал и сдался. У города Орхание генерал нанес удар на опережение по 25-тысячной группировке противника, сконцентрировавшего силы для контрнаступления на Плевну. Чем полностью разрушил его планы. При переходе через горы на жалобы офицеров о невозможности втащить на перевал артиллерию даже на руках, прозвучало легендарное: «Тогда втаскиваем зубами!» После некоторой паузы группа Гурко в тяжелейших зимних условиях спустилась с Балкан, вышла на Софийскую равнину и взяла будущую болгарскую столицу. Дальше настала участь Филиппополя, нынешнего Пловдива. Следом – Адрианополя, читай, Эдирне. Это и сейчас – европейская часть Турции. А 140 лет на-

зад, наряду с Константинополем, город был сердцевиной турецкой Европы. Далее к турецкой столице двигался только авангард Михаила Скобелева. После этой наступательной операции на шее генерала на георгиевской ленте и появился большой эмалевый крест ордена Святого Георгия 2-й степени.

Настоятель храма Святого Иосифа Волоцкого протоиерей Геннадий (Ульянич)

Фото инокини Марии, внучки генерал-фельдмаршала Гурко

В ХРАМЕ И ВОКРУГ

Для всех членов большой семьи Сахарово было любимым местом отдыха. У сыновей фельдмаршала был даже специальный конный плац, на котором они учились джигитовке и кавалерийской рубке.

Теперь поселок Сахарово входит в городскую черту Твери, от центра – 11 километров. Оно и правда, так как мы с бессменным товарищем по путешествиям фотографом Александром Бурым добирались туда от городского вокзала менее получаса. Наш временный начальник транспортного цеха Михаил в Твери живет года три. И никогда в Сахарово прежде не бывал. Так что мы чуть заплутали на въезде в поселок. Помог внушительный щит с портретом Гурко в парадном мундире при всех орденах. Щит ясно давал понять, где наша цель и где нас ждет человек, которому во многом обязан возрождением храм Святого Иосифа Волоцкого и музей фельдмаршала на территории бывшей усадьбы.

Протоиерей Геннадий (Ульянич) задался этой целью, едва принял приход – примерно десять лет назад. Мы опередили батюшку на несколько минут и с удивлением глазели на розовую, с огромными окнами и плоской крышей постройку барочного типа, которая и оказалась бывшей домовою церковью, а ныне – действующим храмом Святого Иосифа Волоцкого. Видеть церкви со срезанными барабанами и куполами доводилось в России. Но чтоб изначально здание ничем не походило на православное культовое сооружение...

Ларчик просто открывался. Отец Геннадий первым делом объяснил, что еще при жизни фельдмаршала на окраине усадебного парка решено было построить одноэтажный кирпичный павильон в стиле тех построек, которыми так богаты царские резиденции под Петербургом. Строили с конкретной целью – разместить там музей, связанный с родом Гурко и прежде всего многолетними ратными трудами Иосифа Владимировича. Есть

Фото генерал-фельдмаршала Гурко после окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 годов

Реплики наград генерал-фельдмаршала Гурко в экспозиции музея

версия, что павильон возводили по проекту знаменитого архитектора Леонтия Бенуа. Стройку завершили в 1897 году. Но после смерти фельдмаршала вдова желала испросить благословение иерархов РПЦ на открытие в павильоне храма-усыпальницы Святого Иосифа Волоцкого. Отказать ей в просьбе никому в голову не пришло. Тогда-то и перенесли в храм-музей прах фельдмаршала и его младшего сына. В 1906 году здесь, как думалось навечно, легла сама Мария Андреевна.

Отец Геннадий рассказал, что церковь вернули верующим еще в 1997 году, освятили годом позже. Но в то время было крайне нелегко найти возможности привести ее в порядок. Тем более что сам поселок Сахарово местом компактного проживания воцерковленных людей и сегодня называть затруднительно.

Однако шаг за шагом восстановление идет. Еще недавно выбеленные ветрами стены приобрели изначальный розовый цвет. В картуш над единственным входом вернулся родовой герб Ромейко-Гурко. Но главное – внутри. В мраморном саркофаге у левой стены обрели, надеюсь, вечный покой прах фельдмаршала и его супруги. Несколько лет, по словам батюшки, искали в парке их останки. И нашли! Рядом на плите зеленого камня – послужной список Гурко чуть ли не до потолка.

В соседней зале – восстановленный музей. Сюда экспонаты собирают по крупицам. Что-то – подлинное. Как остатки проржавевшего в земле оружия. Что-то – реплики, как ордена Гурко и военная форма его времени. Но воссозданы точно. Много книг, картин и рисунков, топографических карт. А еще есть удивительное фото инокини Марии – внучки фельдмаршала. Главное здание усадьбы не сохранилось. Одноэтажный дом с мезонином сгорел в 1964 году. На его месте построили образец советской поселковой архитектуры, покрытый то ли серой краской, то ли штукатуркой. Хотя надо отдать должное его проектировщикам: есть в фасаде здания Дома культуры что-то неуловимое от русских дворянских усадеб.

Семейство Гурко приобрело скромное хозяйство на берегу Андреевского ручья не позднее 1829 года. Вероятно, у прежнего владельца, Ивана Вердеревского, или его наследников. Сельцо дохода не приносило, но отец фельдмаршала взялся за дело споро. Сначала занялись парком. Высаживали сотни деревьев, обихаживали цветники и клумбы. Получилось на загляденье. Возвели

новый барский дом, хозяйственные постройки. Через девяносто лет после приобретения Сахарово превратилось в прекрасное хозяйство, от которого сегодня помимо церковного павильона сохранился только деревянный двухэтажный флигель в русском узорчатом стиле. Состояние, мягко говоря, удручает. Но, как говорится, не только Москва не сразу строилась. В парке живут-поживают могучие деревья, видевшие, как по аллеям мимо них пронесли слуги в деревянной «долбленке» самого фельдмаршала Гурко. Он служил бы еще, но к 1894 году болезни обострились и отказали ноги.

Отец Геннадий убежденно говорит, что два самых ярких военачальника войны 1877–1878 годов, обеспечившие победу русскому оружию и свободу болгарскому народу, – это генералы Иосиф Гурко и Михаил Скобелев. Именно на их счету самые важные победы. Именно их солдаты ближе других подошли к Константинополю. И до чего ж

Беседка на территории церкви Святого Иосифа Волоцкого, в которой должен быть установлен бюст Гурко

похожа, будто под кальку, судьба их родовых гнезд и могил. Скобелевское Спасское-Заборово в свое время разорили так же, как гурковское Сахарово. Так же надругались над прахом. Так же в разных инстанциях тянули с решением о генеральских мемориалах. Но спустя многие десятиле-

тия и в Рязанской, и в Тверской земле нашлись люди, которые взялись вернуть народу память о героях.

...На лестнице у входа в храм пара ведер с чем-то строительным. Двое рабочих не спеша колдуют с раствором. Еще есть время. Да и отец Геннадий – не прораб, а священник. В церкви умеют поспешать, не торопясь. Объясняет, показывая на стоящую в церковном дворике металлическую круглую беседку, что 31 октября, в день обретения мощей святого Иосифа Волоцкого, небесного покровителя фельдмаршала, в ней будет торжественно открыт бюст Иосифа Владимировича. Год выбран не случайно. 140 лет победе в русско-турецкой войне и 190 лет со дня рождения Гурко. Первый в России ему памятник. К слову, выкуплен у скульптора на средства, собранные народом. ❀

Бюст полководца Иосифа Гурко

(Номер журнала «Русский мир.ru» ушел в печать до 31 октября сего года.)

КАЗАКИ ВАРНЕНСКОГО ОЗЕРА

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

ЕСЛИ ЛЕТЕТЬ В ВАРНУ ИЗ МОСКВЫ, ТО САМОЛЕТ ЗАХОДИТ НА ПОСАДКУ НАД СЕВЕРНЫМ БЕРЕГОМ ВАРНЕНСКОГО ОЗЕРА. СНИЖАЕТСЯ НАД НЕБОЛЬШИМ СЕЛОМ, НА КОТОРОЕ ПАССАЖИРЫ НЕ ОБРАЩАЮТ НИКАКОГО ВНИМАНИЯ. ВРЯД ЛИ КТО-ТО ЗНАЕТ, ЧТО ПОД ЭТИМИ ЧЕРЕПИЧНЫМИ КРЫШАМИ УЖЕ БОЛЕЕ СТА ЛЕТ ЖИВУТ РУССКИЕ КАЗАКИ.

ПЕРВЫЕ КАЗАКИ ОБлюбовали берег озера в 1905 году. Матвей Русов с женой и тремя детьми ушел из поселения липован (дунаки, филипповцы; старообрядцы, бежавшие в XVIII веке в Молдавское княжество на Дунай. – Прим. авт.) в Румынии, чтобы избежать воин-

ПРЕДОСТАВЛЕНО ГЕРГАНОЙ ПЕТКОВОЙ

Родовое древо
потомков
основателя села
Матвея Русова.
Составлено
кметом села
Герганой
Петковой

Русский
казацкий
«остров»
в 8 километрах
от Варны

шийся к русским, позволил переселенцам занять берег озера. Вскоре к Русовым присоединились другие казацкие семьи из Румынии. В 1908 году поселение было официально признано и получило название «Казашка-махала», то есть «Казацкая местность». Казаки занимались рыболовством, село росло, в новое поселение перебрались некоторые некрасовцы из Турции. Хаты ставили на берегу. Но затем из-за построенного канала, соединившего Варненское озеро с Черным морем, село стало затоплять. Поселенцам пришлось оставить свои дома и перебраться выше по берегу. Долгое время казаки жили довольно обособленной жизнью: инородцев и иноверцев в селе не было, смешанные браки не допускались, главой общины был атаман. После окончания Второй мировой войны население села составляло около 600 человек. Годом позже число казаков сократилось вдвое – примерно половина общины по приглашению советских властей переехала в СССР. Опустевшие дома заняли болгары, появились смешанные браки, началась естественная ассимиляция. В 1952 году село официально получило название «Казашко», то есть «Казацкое».

ской повинности. Направлялась семья Русовых в село казаков-некрасовцев на озере Майнос в Турции, на родину Татьяны – жены Матвея. И тут казаку приглянулось богатое рыбой Варненское озеро. Семья решила остановиться здесь. Болгарский царь Фердинанд I, благосклонно относив-

КОНИ И БОКЛУЦИ

Первые казаки ходили в Варну морем. Потом долгие годы основным транспортом стал поезд: железная дорога проходит прямо по северной границе Казашко. Старые бело-красные вагоны и теперь изредка проносятся мимо села, но местных жителей в них уже не встретишь – все пользуются машинами или автобусом.

Железнодорожный переезд – словно ворота в Казашко. Здесь же установлен плакат с информацией об истории села и деревянный православный крест со стихами о старой вере, «уходе за кордон», тоске по родине...

За переездом на первый взгляд обычное тихое болгарское село: добротные современные дома, чистые улицы, ровный асфальт, цветы, виноградники, высокие поленницы дров. Изредка попадаются маленькие покосившиеся хаты под старой черепицей с навесами – явно из южнорусского быта. А еще на воротах и столбах встречаются некрологи – памятные листы с фотографией недавно умерших жителей – или «Вспоминания» по случаю годовщины смерти. Такие листы в Болгарии принято расклеивать всюду в деревнях и городах. Здесь бросалось в глаза, что почти все имена и фамилии в некрологах русские...

Среди болгар Варненское озеро – популярное место отдыха и рыбалки

На пути к берегу озера заметили табличку, на которой было выведено белой краской: «Не пипай конете!» Кажется, и без перевода понятно – что-то подсказывало, что «пипать» значит «щупать», «трогать». Никаких коней, правда, видно не было, зато неподалеку обнаружилась еще одна рукописная табличка: «Не хвърляй боклуци по земята!» Тоже понять можно, особенно если знать, что «боклуци» в болгарском языке – это всякая дребедень, мелкий мусор. Объявление соседствовало не с боклуцами, а с идеально ровным кругом, выгоптаным в траве. Подумалось: какая-то связь с конями тут есть...

Крест на месте старого села, оставленного казаками в 1930-е годы

На берегу озера возвышался большой металлический крест. Надпись под ним сообщала, что это «дарение» от Владимира Корнеева, установленное в честь 100-летия основания села в 2005 году. Здесь когда-то стояли старые хаты казаков и церковь. Теперь – только рыбацкие уголья: лодки, причалы, деревянные пирсы, сетки на земле и в воде у берега.

Несколько рыбаков, расположившихся на берегу, не обращали на нас никакого внимания. Похоже, это были не местные жители, а приезжие, решившие отдохнуть на озере. Судя по пустым садкам, рыба не шла. Седовласый рыбак нервно курил сигарету и... боклуци не боклуци, но окурки бросал на землю. В былые времена в Казашко царили иные порядки. По преданию, летом 1935 года к казакам пожаловал болгарский царь Борис III, который любил посмотреть на жизнь своих подданных в глубинке. Атаман села Илья Русов пригласил царя в дом, но потребовал, чтобы тот погасил трубку. Сопровождавшие Бориса объяснили атаману, что это – царь Болгарии. На что Илья Русов ответил: у нас здесь свой закон и всякий должен его соблюдать. Царь не только послушался атамана, но и за смелость казаков повелел построить в село дорогу.

Наталья Ивлиева была в России в 2007 году – ездила на Всемирный съезд старообрядцев

ЧИТАЛИЩЕ НАРОДНОЕ

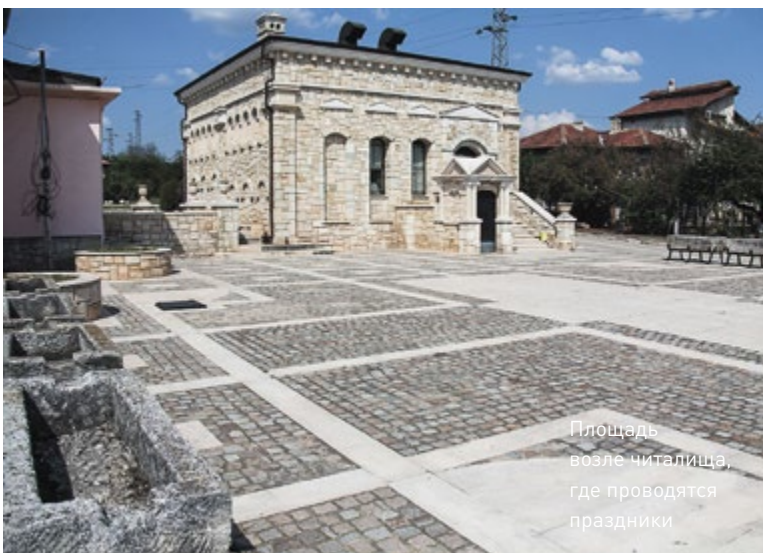
По улице Казашка, то есть Казацкой, мы дошли до центра села. Здесь – сосредоточение общественной жизни: церковь, кметство (или «мэрия», как переводят местные на русский язык), «Народно Читалище» (само собой, библиотека), почтовый ящик для писем, спортивные и детские площадки. Удивительный объект находится рядом с кметством – своеобразная читальня-беседка, где имеется шкаф с книгами. Круглые сутки читай в свое удовольствие на свежем воздухе. Книги в основном на болгарском языке, но и русскоязычные издания присутствуют.

Новое здание в античном стиле мы сначала приняли за музей: во дворе стояло множество экспонатов, похожих на каменные гробницы. Однако, как объяснила сотрудница кметства Наталья Ивлиева, это не гробы, а старые поилки для скота.

Наталья – чистокровная казачка, таких в селе осталось около 50 человек. Еще около сотни жителей – потомки смешанных браков казаков с болгарами. Родилась Наталья в 1955 году. Ее дед, Герасим Ивлиев, был одним из первых поселенцев Казашко, куда он перебрался из Румынии. Наталья говорит, что о старом мире казаков мало что знает, она выросла среди болгар,

Обстановка народного читалища. В последние годы казаки пели песни под аккордеон

в школу болгарскую ходила, потом работать в город уехала. Книг в читалище оказалось немного. Большая часть здания отведена под зрительный зал и сцену. Оказывается, внутренний болгарско-русский переводчик подвел: «читалище» – это не библиотека, а «дом

Площадь возле читалища, где проводятся праздники

Один из первых поселенцев села, Герасим Ивлиев, с внуками

культуры». Хотя буквальный перевод – «помещение, где читают». Видимо, изначально имелись в виду общественные чтения, лекции и конференции. Библиотека, кстати, здесь тоже есть, в ней насчитывается более 10 тысяч томов.

Читалище украшают предметы казачьего быта. К примеру, Наталья показала деревянный челнок, с помощью которого ее мама плела рыбацкие сети. На стенах – фотолетопись села. И почти на всех снимках – родня Натальи: дед Герасим со старшими внуками, дядя Ксенофон ставит сетку на озере, старая хата деда Кондрата, дядька Илья на лошади... Коней, кстати, в селе осталось всего «троечка», как выражается Наталья. Единственный коневод живет как раз там, где мы заметили рукописные таблички. Увлекается он иппотерапией, а круг в траве вытоптала лошадь во время сеансов с детьми. Судя по фото, казаки еще и промыслом дельфинов занимались. «Дельфинов стреляли из ружья с больших лодок, – рассказывает Наталья. – Держава брала сало, мясо. А казаки из дельфинов делали «кайзер» – вяленое мясо с подправками».

Церковь освящена в честь праздника Покрова Пресвятой Богородицы – тоже очень русская традиция

Казаки занимаются иппотерапией уже несколько лет, прошли обучение и устраивают сеансы для детей из Варны

ЦЕРКОВНЫЙ ВОПРОС

Церковь окружена роскошным садом. Яблони, айва, хинап (или финнап, зизифус – китайский финик. – Прим. ред.) усыпаны плодами.

Церковная жизнь в Казашко в XXI веке бурлит. Местные староверы всегда были беспоповцами, служили мирянским чином, некоторые функции священника выполнял дьяк. Последний из них, дьяк Кузьма, на старости лет прославился строгостью и приверженностью беспоповству. Однако в ходе опроса большинство казаков выразили желание перейти в поповское согласие. Написали в Москву предстоятелю Русской древлеправославной церкви «патриарху» Александру (РПЦ не признает такую иерархию,

именуя Александра архиепископом. – Прим. авт.) с просьбой принять приход в свою юрисдикцию. «Патриарх» приехал и предложил рукоположить дьяка Кузьму. Тот сначала согласился, а затем наотрез отказался. Противостояние дьяка и его сторонников, с одной стороны, и желающих стать поповцами – с другой, достигло такой степени, что кмет села Гергана Петкова изъяла ключи от церкви – до мирного разрешения конфликта. Большинство стояло за поповство, и сторонникам дьяка пришлось отступить. Но по селу поползли слухи: «московские попы старинные образы из церкви вывезут». А иконы в храме семейные – принадлежат тем или иным родам. Хозяе-

Агриппина однажды ездила с мужем на корабле в Мурманск – это было ее первое знакомство с Россией, занесенной снегами

КОГДА ОЗЕРО БЫЛО БОГАТО

Хеврония и Агриппина живут в ближайших с церковью домах. На столбе рядом с домом Агриппины некролог: годовщина смерти Исакия Парфиновича Илиева, умершего в 2013 году в возрасте 78 лет. Это муж Агриппины и местная знаменитость – веселый, общительный, много повидавший на своем веку казак. К нему Гергана направляла журналистов, желающих поговорить со старым казаком – другие старожилы с прессой, как правило, не общаются.

Двор дома Агриппины Илиевой укрывает виноградник. Сверху вместе с кистями винограда свешиваются разнокалиберные тыквы. По двору бегает правнучка Ясмин. Арабское имя у девочки неспроста – внучка Агриппины вышла замуж за марокканца, прибывшего из Англии.

Агриппина родилась в 1938 году, и Наталья ей «сестра прирожденная», то есть у них один отец, но разные матери. Из раннего детства Агриппина вспоминает приход советских солдат в село осенью 1944 года – Болгария к тому времени уже превратилась из союзника Германии в противника. «Мы с матерью и еще двоечка детей сами были, отца мобилизовали, – рассказывает Агриппина. – По-всякому бывало. Приходили русские, мать напуживали, искали женщину какую погулять. Помню, стреляли по нашей хате. Другим русским помогали, бани топили, стирали тряпье. Бани тогда по-черному топили: камни загревали, пар выходил, вениками дубовыми парили. У всех такие бани были, теперь уж нема... А хата самая старая кабы вон у Хевронии – с кирпичича землянного (из ракушечника. – Прим. авт.). А то еще хаты камышовые были, маленькие – две комнатки, посеред коридор. Камыш, солому мешали с болотом (с глиной, илом. – Прим. авт.), стены ставили, гладили досточками, чтоб ровней было». Отец Агриппины Яков был рыбаком. В устье реки Камчии, впадающей в Черное море, ловил «вентерами», на озере и в море –

ва начали свои иконы из храма забирать. Ситуация усугубилась тем, что церковь разваливалась на глазах. Построенная в 1933 году, она уже давно пришла в аварийное состояние. Усилиями кмета села и российского генконсула в Варне, сумевших привлечь благотворителей, церковь отреставрировали. В 2007 году реставрация была завершена, храм освятили.

Мы вошли в храм во время всенощной. Службу читала «тетка Хеврония», прихожанка была только одна – «тетка Агриппина». Убранство церкви напоминает храм некрасовцев в поселке Новокумский: отдельные места для мужчин и женщин с отдельными входами с улицы, иконы без окладов стоят на перегородках, яркие хоругви, подрушники для поклонов... Только старинных икон немного. В селе живет художник-иконописец Василий Пахомов, который пишет иконы на липовых досках по всем старообрядческим канонам.

Хеврония была в традиционном наряде – сарафане, подпоясанном домотканым поясом с крестами. Собственно, только в церковь казаки и ходят в старой одежде. Мужчины надевают длинные рубахи, а также «поддевки» – узкие

черные платья с косым воротом, характерные для староверов Румынии. Бороды теперь не в ходу. «Так, двоечка мужиков с бородами ходят, – объясняет Хеврония, – всё молодые. Больше нема... Сегодня Успение Богородичное, завтра – Нерукотворенный Образ. Попа нет, и людей в церкви нет. Да и с попом на праздник какой великий много не приходят. На Пасху так еще церква кабы набьется, а как «Христос Воскресе» запоют, уж расходятся. Глядишь, через полчаса нас двоечка-троечка осталось...».

Ясминка, как называет Агриппина правнучку, еще не разговаривает, но хорошо понимает и русскую речь, и болгарскую

на «крючки». Последняя снасть представляла собой веревку более километра длиной, на которой через каждые полметра привязывался крючок с наживкой. «Меня отец с собой на лодке рыбалить брал, – вспоминает Агрипшина, – и рыбку кусочками я на крючки насаживала. Потом уж сетками стали ловить, сетки плести. Озеро тогда богато было: кайяты, калкэнчик, кефал, паламут, скумбрия; чепурку на время ловили. Теперь нема надёжи на рыбальство. Если кто и ловит, то и работает в городе – озеро бедно стало...

В 1946 году две тетки – мамыны сестры – семьями уехали в Жданов (ныне Мариуполь. – Прим. авт.). Я к ним ездила в 1990 году повидаться. А другая тетка, отцава сестра, разделилась с мужем. Муж собрался в Союз, она ж не схотела ехать – отец и мать ее не пуцали. Пришла с мужем проститься на гáре («гара» на болгарском языке «вокзал»). – Прим. авт.), сына принесла. Он взял детёнка кабы поцеловать, да с собой забрал. Поезд пошел. Думал, жена в вагон к нему прыгнет. Так тетка осталась без ребенка, горето у нее было... Повидала она сына спустя годков пятьдесят, как он прибыл к нам в село».

КАРАГОД И 21-Я «ВОЛГА»

Агрипшина по мужу Илиева, а по отцу Ивлиева. Почти идентичные фамилии никак не связаны родством. Хотя Агрипшину с Исакием первое время дьяк отказывался благословлять на брак, полагая, что жених и невеста – близкие родственники. «Первое – девишник, – рассказывает о своей свадьбе Агрипшина, – собираются целая улица девок: кладут на голову венки, играют песни. Стою дома у форточки, жду их. Девки заходят с подрушником, каждая прощается со мной, кланяются, целуются... А хлопцы идут к хлопцу оклишную брать – там свои песни играют. Околишная... это он кабы купляет у хлопцев молодую, деньгами там или вином. Свадьбу два дня гуляли. Карагод водили. Идем, кружимся, песни

Старая хата Хевронии сохраняет черты казачьего дома

играем: «Во-о-одим девки карагод про-о-оти каменных ворот...» Или стрелу делаем: «Я пусто-ю-ю стрелу вдоль да по у-у-улице, ты леги-и-и стрела вдоль да по у-у-улице...», за руки беремся и проходим через центр между девками. Как венчается, молодой косы накрест складывают и сверху кичку. У меня кичка с обручём была. В сундуке лежит, я ее уже до смерти приготовила...

А так, праздники всё церковные были: Пасха, Рождество, Покров, Николин день, Егория Победоносца. На Рождество не колядки были, а служили – мужики ходили по домам Христа прославляли. Пели «Христос рождается...». За это их кто обедать посодит, кто денег даст, кто нальет. Все они были упивахи, пока до черни дойдет – все пьяные». Характерно, что старики в Казашко разделяют пение на «играть»

и «петь». Первое относится к народным песням, второе – к церковному пению. В России такое разделение было широко распространено в деревнях еще в середине прошлого века. А вот что в Казашко удивительно и нехарактерно – уход за могилами предков. По местным традициям умершего вспоминали на девятый день, затем на сороковой, через год – ходили на кладбище. После чего, считалось, могилу нужно забыть. Для этой цели кресты на могилах ставили деревянные, чтобы крест упал, сгнил и никто не знал, кто где захоронен. Старое кладбище в селе действительно заброшено и заросло непролазным бурьяном. Никто не знает, где похоронен основатель села Матвей Русов, атаман, дедушки, бабушки – просто «на старом кладбище». Только в последние десятилетия казаки переняли от болгар традицию ухаживать за могилами, и на новом кладбище захоронения ухаживают.

Агрипшина угостила меня «крем-карамелью» собственного приготовления. Это популярный болгарский яично-молочный десерт. Говорит, раньше делали похожее казачье блюдо «яйшня», а самый лучший деликатес готовили на Рождество – свинину со сливами...

Хинап (или «местный финик», как его иногда называют) поспевают в октябре – становится коричневым и сладким

В глубине двора за виноградной лозой и огромной тыквой скрывалась 21-я «Волга» – любимица деда Исакия. До 1979 года муж Агриппины работал в торговом флоте, ходил по северным морям, Средиземному морю, Черному. А когда уволился, купил в советском генконсульстве эту «Волгу». «Сколько его просили продать «Волгу», – вспоминает Агриппина, – «КамАЗ» ему взамен давали. Никогда, говорил, не продам. Русские, бывало, увидят нашу «Волгу», подходят, обнимают. А он все напевал: «Волга, Волга, мать родная, Волга – русская река, не видала ты подарка от донского казака...»

КАЛИНУШКА- РАЗМАЛИНУШКА

Гергана Петкова является кметом села с 1999 года. Должность в своем роде наследственная со времен атаманства. Дольше Герганы главой села была только Варвара Липатова – внучка последнего атамана. Она возглавляла село 25 лет.

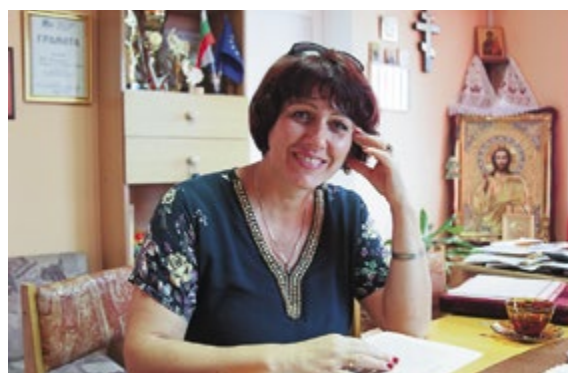
Гергана не имеет среди своих предков казаков, но связь с Россией в ее семье давняя. Прадед Герганы работал в дореволюционной России и привез домой в Варну большую пачку царских банкнот. Непонятно, как он думал их тут обменять, ну а после

1917 года они превратились просто в красивые бумажки. Гергана вспоминает, что играла десятирублевыми купюрами в детстве. А в 2006 году в Москве кмета Казашко, можно сказать, посвятили в атамана. Международный казачий союз присвоил Гергана почетное звание есаула за заслуги по сохранению традиций казачества в Болгарии.

Кабинет кмета украшают подарки от казаков и староверов из России и Румынии, а также масса наград за популяризацию русской культуры. Гергана учредила День села, который празднуется уже девятнадцать лет, проводит международный фестиваль, устраивает мероприятия для детей и взрослых. И это в селе с населением 500 человек! Надо сказать, что в обязанности кмета столь широкая культурная деятельность не входит. Как говорит сама Гергана,

Старики говорят, что до открытия канала в Черное море озеро было «сладкое», оттого и рыбой было богато

Неутомимая Гергана Петкова также наладила тесные дружеские связи с поселениями липован в Румынии – родины первопоселенцев Казашко

«я делаю это от души, по любви к русской культуре».

Глава села еще и создательница фольклорного коллектива «Калинушка», в котором участвуют сотрудницы кметства и еще несколько жительниц Казашко. А сама кмет – художественный руководитель коллектива и исполнительница. Для нас Гергана исполнила местную песню «Калинушка». Позвала своих сотрудниц, и в кабинете кмета запели:

– Ой да ты калинушка-а-а-а, – запевала зычным голосом Наталья Ивлиева.

– Размалинушка-а-а-а, – подхватила Гергана с другой сотрудницей Натальей.

– Ой да ты не сто-о-ой на горе-е-е круто-о-ой...

«Сначала выступали мы в тех нарядах, что казаки в церковь ходят, – рассказывает Гергана. – Дьяк Кузьма нас укорил: нельзя, говорил, ходить на службу Богу и на сцену в одном и том же. Тогда мы сшили для выступлений костюмы, близкие к народным – на свой вкус. У меня дома мы сделали семейный культурный центр «Казачий дом». Там репетируем, снимаем фильмы о нашем селе, встречаем официальные делегации, проводим праздники. Бывает, к нам теперь и туристы приезжают послушать казачьих песен и местных пирожков попробовать. Приезжают не только русскоязычные – недавно были французы, например. А 19 августа мы отмечали 110-летие Казашко: герб села придумали, устроили большой праздник с песнями, танцами, фейерверками...».

Вот что удивительно: ладно с самолета Казашко никто не замечает – все-таки нужно знать, что за деревню пролетаешь. Но ведь до конца 1990-х масса наших соотечественников добиралась в Варну на поезде, из окон которого казачье село – как на ладони. И кого ни спроси из русских в Варне – о казаках на берегу Варненского озера они узнали уже в XXI веке из теленовостей. Хотя годами жили бок о бок с ними. Странно. 📍

ТАМ, ГДЕ ВОЛГА МОЛОДАЯ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

НОЧНЫЕ СКОРОСТНЫЕ ПОЕЗДА ВРОДЕ ЛЕГЕНДАРНОЙ «КРАСНОЙ СРЕЛЫ» НА МАРШРУТЕ МОСКВА – ПЕТЕРБУРГ И ОБРАТНО ТУТ НЕ ОСТАНАВЛИВАЮТСЯ. ОНИ НИГДЕ НЕ ОСТАНАВЛИВАЮТСЯ. МЧАТ СЕБЕ И МЧАТ. КАЖДЫЙ ВТОРОЙ ИЗ ВОСЬМИ ЕЖЕДНЕВНЫХ «САПСАНОВ» ТОРМОЗИТ. И МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ГОЛОС С ВРЕДОНОСНЫМ АКЦЕНТОМ СООБЩАЕТ: «ТВЕРЬ. СТОЯНКА – ОДНА МИНУТА».

А.С. ПУШКИНУ

ПРИНЯТО ДУМАТЬ, ЧТО москвичам все завидуют. А москвичи – никому. Системная ошибка. Дышим осенней водой с моим бессменным товарищем по всяческим редакционным заданиям фотографом Александром Бурым на берегу Волги под гранитным носом ладьи, на которой замер бронзовый Афанасий Никитин. Куда в Твери без Никитина, пусть и бронзового? Когда город переименовывали в 1931 году в честь местного уроженца в Калинин – был такой в истории Отечества Всесоюзный староста, – фантазировать не стали. А могли бы. Уж если так древнее слово «Тверь» не годилось, подошло бы что-то вроде Никитин. Или Афанасьевск. Знаменитый путешественник XV века против советской власти точно ничего не имел. Впрочем, хоть и был купцом средней руки и в долгах – социально чуждый. Ну, да дело прошлое. По правую руку от гранитной ладьи сразу за Староволжским мостом – не поверите! – пляж. Желтый песок, сползающий в синюю Волгу. Люди загорают. Даром что по старому стилю лето только закончилось. И все это – напротив места, где когда-то стоял Тверской кремль. Не то чтобы полуостров в самом центре нынешнего города, но впол-

Памятник путешественнику Афанасию Никитину в Заволжье, на северном берегу Волги. Открыт в 1955 году

Волжские дикие утки в сквере около храма Трех Исповедников

не себе ярко выраженный мыс в виде кабаньей головы, смотрящий одним глазом на Волгу, а другим на ее приток с говорящим названием «Тьмака». Это все – к столичным завистникам.

ТРИ ИСПОВЕДНИКА

Москва-река напротив Кремля давно уже задушена гранитным оберегом. А центральные набережные Твери, нежно обнимающие Волгу, разные. Где также задушены, а где – вечная русская вода плещется о свободный берег и виден песочек в мелкой волне. Кто знает, может быть, поэтому диких уток столько, что не пересчитать. И не только у воды. За спиной бронзового купца – церковь Трех Исповедников. XVIII век. С архитектурной точки зрения – нечто типичное. Удивляет другое. Исповедники – Гурий, Самон и Авив. Поищите, кому не лень, есть ли в русских пределах белокаменная память в честь этих святых мучеников. От памятника храм отделяет довольно широкая улица – набережная Афанасия Никитина. Но перейти ее можно в любом месте с условным нарушением ПДД. Да простят

за намек сотрудники ГИБДД. Тверские улицы в Заволжье – не столичная Тверская улица. Машин мало. А что до уток, так они живут при храме сотнями – в прилегающем сквере. Прямо под яблонями, не собирающимися, похоже, расставаться с плодами.

Аккурат напротив пляжа еще один мыс. Крохотный. 100 на 100 метров. Там, где узенькая Тьмака расширяется, впадая в Волгу. На мысу ничего, кроме зелени и белокаменной скромной церкви, освященной в честь святого Михаила Ярославича, великого князя Тверского и Владимирского. Поставлена и освящена в 2002 году. В таких случаях говорят уныло: «новодел». Как будто каждый новодел – что-то предсудительное. Смотрим на это чудо и радуемся. Будто века назад строили. Так, как было принято на Руси. Скромно и к месту. И пусть место выбрано чуть вдалеке от жилых кварталов и главных городских улиц – так оно правильно. Страждущий да обрящет.

МИХАИЛ ТВЕРСКОЙ

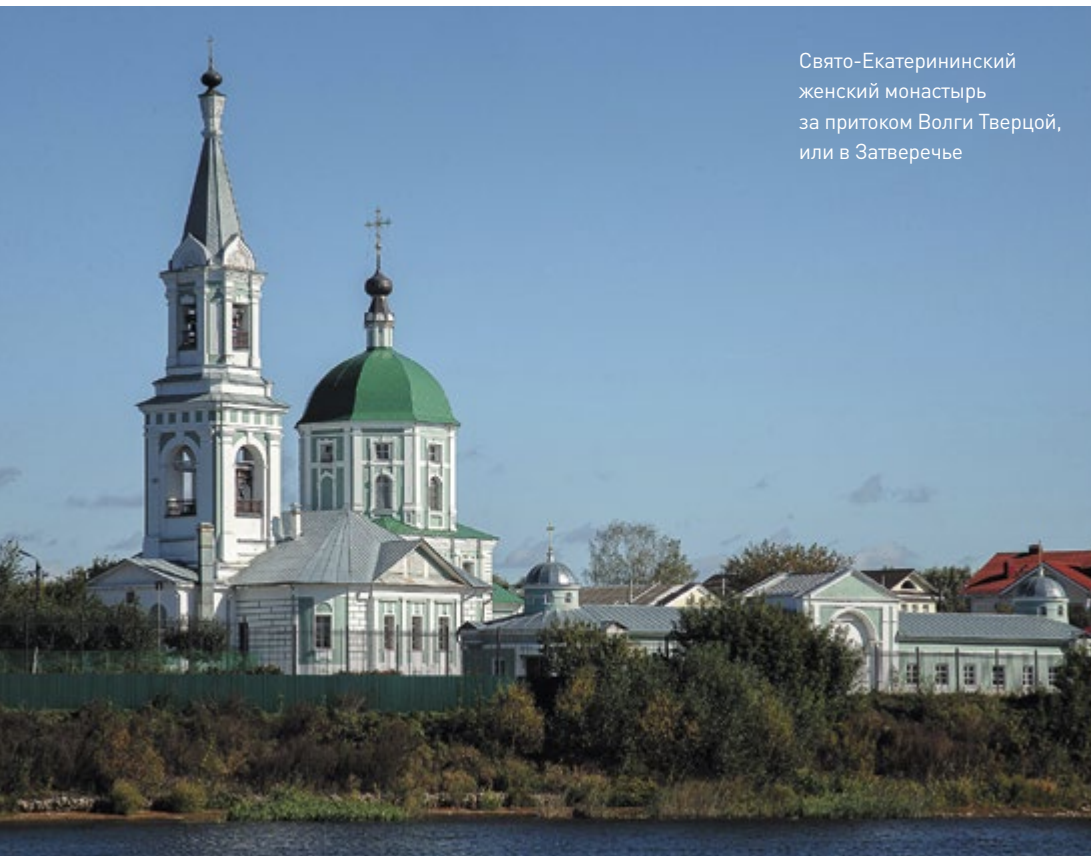
Сам князь, согласно Житию, помпы и шумихи не терпел. Жил скромно и с достоинством. В отличие от многих родственников княжьего звания. Будучи племянником великого князя Александра Ярославича по прозвищу Невский, он в очередь, после смерти Андрея, сына Невского, в 1304 году имел все права на великокняжеский престол во Владимире Великом. Казалось бы, опыт первой половины предыдущего века должен

Памятник великому князю Тверскому и Владимирскому Михаилу Ярославичу на Советской площади. Установлен в 2008 году

был научить уму-разуму русских князей, но не тут-то было. Усобица продолжалась. По заведенному правилу князь, наследовавший великий престол, должен был отправиться в Орду за ярлыком на великое княжение. Михаил Тверской вражды не хотел. А вот московский князь Георгий Даниилович, в очереди далеко не первый, думал иначе. Житие гласит, что Михаил старался сделать все, чтобы ордынцы в тверские земли не лезли. Но Георгий, заручившись поддержкой в Орде, угомониться не хотел: «В 1317 году в сорока верстах от Твери, при селе Борженеве. Произошла великая битва. Войско московского князя не выдержало и поспешно побежало. Князь Михаил преследовал врагов, и бесчисленное множество воинов, побитых и смятых конями, усеяли ратное поле; они лежали, как снопы на поле во время жатвы. Великий князь Георгий с остатком войска бежал в Торжок, а оттуда – в Великий Новгород. Его жена Кончака-Агафия, брат Борис и много князей и бояр, а также и татар, взято было победителями в плен. Доспехи самого святого Михаила были все иссечены, но на теле не оказалось ни одной раны. Князь отпустил на волю многих русских пленников, захваченных татарами Кавгадья...»

Так или иначе, но спор пришлось решать в Орде, в резиденции хана Узбека. Ярлыки – ярлыками, дары – дарами, но позиция великого князя Михаила ордынскую элиту и жестко настроенного против русской автономии хана Узбека не устроила. Михаила Тверского убили. Во многом его мученическая смерть – следствие наветов и козней московского князя Георгия. Тем удивительнее, что останки великого князя были привезены в Москву. Вдова, княгиня Анна, долго добивалась того, чтобы их доставили в Тверь. В 1320 году эти останки были захоронены в храме Преображения Господня, который, едва вступив во княжение в Твери, заложил Михаил Ярославич.

Свято-Екатерининский женский монастырь за притоком Волги Тверцой, или в Затверечье

«СПАС ЗЛАТОВЕРХИЙ»

Такое у нас сплошь и рядом. Идем по главной улице города – Советской. Когда-то она была не улицей, а рвом и стеной, отделявшей древний Тверской кремль от посадов. В ее начале, если отталкиваться от нумерации домов, много чего интересного. Строительный забор, например, над которым возвышаются краснокирпичные стены будущего кафедрального собора. Именно на этом месте князь Михаил Тверской заложил в 1285 году камень в фундамент первого белокаменного храма, построенного на Руси после прихода ордынцев. В нем и был похоронен. В 1382 году купола собора были покрыты золотом, что во времена ига было редкостью: гости с востока отличались завидной жадностью. С того времени храм получил еще одно имя – «Спас Златоверхий». Всяко было в его многовековой истории. Завершить навсегда ее решили в 1935 году, когда собор взорвали. На освобожденном месте разбили сквер

Комплекс зданий Императорского путевого дворца Екатерины Великой

и украсили его скульптурой двух вождей – Ленина и Сталина. Они испытания временем не выдержали. В 1941-м, когда Тверь/Калинин на два месяца оккупировали немцы, их, само собой, изничтожили. После войны памятник вождям претерпел реинкарнацию и превратился в памятник Калинин. Все стало возвращаться на круги своя в 2014 году, когда началось восстановление храма «Спаса Златоверхого» на улице... Советской.

ПУТЁВЫЙ ДВОРЕЦ

Довелось прочесть, что Тверь – это маленький Петербург. Аргумент следующий: после большого пожара, спалившего старый город в 1763 году, контролировать восстановление волжской жемчужины взялась лично государыня российская. «По указу императрицы Екатерины II была создана «архитектурная команда», которую возглавил архитектор Петр Никитин, а среди ее членов был молодой Матвей Казаков. Есть версия, что тверской

Здание Тверского государственного объединенного музея, бывшее Тверское реальное казенное училище, открывшее двери ученикам в 1875 году

Памятник
баснописцу
Ивану Крылову,
детские
и отроческие
годы которого
прошли в Твери

части контроля. Но что-то подсказывает, что вступившей на престол 3 октября 1762 года 33-летней царице и без того хватало забот.

Петербург не Петербург, но Советская, в прошлом Миллионная, – дом к дому, и все разные. А Миллионная потому, что, согласно легенде, на восстановление Твери Екатерина Великая выделила миллион рублей. По нынешним временам – миллиарда полтора, не меньше. Мы с Александром Бурым не ведаем про количество миллиардов, отпущенных казной в XXI веке, но то, что средства на обновление исторического центра выделены – готовы поклясться.

Доводят до ума комплекс зданий самого внушительного исторического объекта – Императорского путевого дворца Екатерины. Короткое отступление. Как-то в столичном Петровском парке, где также находится один из 14 путевых дворцов царицы, мужчина импозантно-сочинского вида поинтересовался: «Как пройти к путевому дворцу?» Этот комплекс был построен на месте Тверского кремля, рядом с мостом, соединявшим берега Волги и, соответственно, ведущим в обе столицы. До того самого пожара тут находился двор тверского архиерея. Благо и Преображенский собор в сотне шагов. Но покои восстанавливать не стали. А выросший вместо них дворец – удивительной красоты. Видно, что руку к нему приложил великий Карло Росси. Не все двери еще открыты, но в Тверскую картинную галерею – пожалуйста. Обидно, что для посетителей закрыты двери в уже обихоженный парк со стороны главного фасада, выходящего на набережную Волги. Там, на набережной Михаила Ярославича, стоит бронзовый Александр Сергеевич. На постаменте надпись – «А.С. Пушкину». Не будем спорить. Досадно, что вот так, напрямки, к памятнику не подойти. А ведь до чего романтично было бы. С императорских ступенек...

В городском саду, разбитом на месте, где стоял Тверской кремль, в 2001 году открыт памятный знак в честь великого князя Михаила Ярославича

пожар послужил толчком для появления указа императрицы Екатерины II «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов, по каждой губернии особо» и создания «Комиссии для устройства городов». В ходе осуществления этой реформы историческая, «случайная» застройка, которая склады-

валась в течение длительного времени и сообразовывалась с существующими ландшафтами, должна была уступить место «разумной» регулярной планировке с «образцовыми» строениями, построенными по единому плану», – пишет член Географического общества Мария Анашина. Возможно, так и было по

Выход из городского сада к берегу Волги и пирсу для прогулочных теплоходов. Вдали – Нововолжский мост

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ И МИХАИЛ ЕВГРАФОВИЧ

В парке бродят двое. Но явно не посетители. Приходится обходить по периметру длинный царский забор. Про русские заборы только ленивый не изощрялся. Вице-губернатор Тверской губернии в 1860–1862 годах Михаил Салтыков-Щедрин ленивым не был. Но о Михаиле Евграфовиче чуть позже. А пока огибаем ограду, выходим на набережную, и вот она – композиция «Белые ночи» скульптора Олега Комова. В композицию вполне гармонично монтируется длинно- и седовласый мужчина в возрасте, когда читать стихи провинциальным барышням уже поздно. Но он – читает. И раздает автографы. Эстафета поколений. Поэт – поэта, как рыбак – рыбака...

Так вот, о вице-губернаторе. На том самом месте, где стоит забронзовевший Пушкин, планировали поставить памятник великому критику русской жизни. Но что-то не срослось. Да и верно. Салтыков-Щедрин напротив императорского дворца – нонсенс. Тверь на самом деле приводят в порядок. Фотограф мучается в поисках ракурса, чтобы дом-музей писателя на Рыбац-

кой улице втиснуть в приемлемый кадр. Трудно. Забор и строительные леса. Особняк весьма внушительных размеров, в котором вице-губернатор арендовал второй этаж – на реставрации. Что, безусловно, здорово.

Восстановят – можно еще раз приехать. А ведь бывало такое у нас, что и восстанавливать нечего. Находим нужный «угол». Вот – балкон на стыке двух крыльев дома. С металлической решеткой. Кто знает, может быть, выходил через высокие двери на этот балкон писатель, смотрел на узкие улочки окрест и приходил к определенным умозаключениям...

Волга прекрасна уж тем, что она Волга. И там, где она молода, в «возрасте» 200–300 метров, как в Твери. И там, где она в бальзаковском «возрасте», когда дальний берег, как в Волгограде, требует повышенного внимания. Если от дома, в котором жил Салтыков-Щедрин, направиться в самый конец набережной Степана Разина, чуждой туристским схемам, можно выйти к огромному комплексу областной детской больницы, тоже обновляемой. У парапета – дамы в белых халатах. На перекуре, что свойственно медперсоналу. Интересно: уж больно внушительные корпуса и явно дореволюционной постройки, нет? Да, отвечают дамы в халатах, особняк какого-то графа... А мы с Бурым задумались: Тверь и Разин, что общего?

Памятник писателю Михаилу Салтыкову-Щедрину, служившему в Твери вице-губернатором в течение двух лет. Родился Салтыков-Щедрин на Тверской земле, в Талдомском уезде

СОВЕТСКОЕ ПРОШЛОЕ

А еще на южном берегу стоят два шедевра советского архитектурного модерна, которые неизменно присутствуют во всех тверских путеводителях и туристических буклетах. Кинотеатр «Звезда» и «Дом ворошиловских стрелков». Есть в них какая-то своеобразная прелесть. Волею-неволей при взгляде на них вспоминаются довоенные фильмы, в которых хохочут кудрявые девушки и с надеждой улыбаются молодежь в длинных гимнастерках с кубиками и шпалами в петлицах. На «Доме ворошиловских стрелков» памятная табличка: «...в период с 1983 по 2004 год жил генерал-полковник Бошняк Юрий Ми-

хайлович, видный военачальник, заслуженный работник культуры России». Стоишь, читаешь – и становится неловко. Оказывается, при всем интересе к военной истории Отечества многого не знаешь. В частности, не всех видных военачальников. Любознательность ведет вглубь времени, и без особых затруднений выясняется, что генерал-полковник Юрий Михайлович, выйдя в отставку с поста начальника Военной командной академии противовоздушной обороны имени Маршала Советского Союза Жукова, возглавлял Тверской государственный объединенный музей, он же – краеведческий. Неисповедимы пути Господни. Посетить

«Дом Ворошиловских стрелков», он же – «Дом красных командиров». Построен в 1935 году

музей, находящийся на той же Советской улице в доме 5, где некогда располагалось Тверское реальное училище, не удалось. Опять-таки – то ли реставрация, то ли реконструкция. Но даже с улицы здание впечатляет. С обеих сторон фасад обрамляют полукружья эркеров с балконами в изящных решетках... Хотя обычно эркеры – такие углстые, грубоватые. А тут – мягкие и трогательные. Не в прямом смысле мягкие, но трогательные – в прямом. Потрогать хочется.

Там же, на Советской – Тверской академический театр драмы и примыкающая к нему филармония. Смотришь с фасада на могучий портик и вдруг ловишь себя на странной мысли – никак не получается подсчитать количество колонн. Обычно как? Шесть, восемь, двенадцать. А тут – в глазах рябит. Красиво. У входа в филармонию никаких колонн нет. И римского портика нет. Вообще ничего, кроме тусклой пятиэтажной стены, включая окна полуподвала. Но не в каждом губернском городе под филармонию отдавали... главные торговые ряды. Зато афиши, афиши! Столица позавидует. Вернее, обе. И Первопрестольная. И культурная.

Главный портик Тверского академического театра драмы

ТВЕРСКОЙ АРБАТ

Еще раз о топонимике. Родина в этом плане удивит любую страну. Не исторической противоречивостью, а количеством этих противоречивостей. Судите сами. От набережной Степана Разина, который имел к Твери «самое прямое» отношение, как-никак донской казак, начинается Трехсвятская улица. Название говорит само за себя. Стояла на этой улице когда-то соответствующая церковь. Улица пересекает площадь Ленина, в просторечии – Восьмиугольную. Далее на ее пути помимо прочих – бульвар Радищева и улица Желябова. Растворяется Трехсвятская на площади Капошвара. Уверен, мой добрый приятель со школьных времен, учившийся по обмену в университете венгерского города Секешфехервар, смог бы перевести. Но он был вне зоны доступа сети.

Однако не стоит отвлекаться. Трехсвятскую в Твери называют Арбатом. По простой причине. Она – в центре. И она – пешеходная. От Арбата или Большой Конюшенной в Питере отличается только ростом. Дома в два-три этажа, а так – все то же: тротуар-

Чем не Арбат? Пешеходная Трехсвятская улица в центре города

Бюст великого тенора XX века Сергея Лемешева на Трехсвятской улице. Певец родился в Тверской губернии в селе Старое Князево

ная плитка, кованые фонари, кафешки, магазинчики. Единственная рюмочная, где в розлив и навынос отпускают знаменитую тверскую горькую настойку. Проходящий мимо нашей лавочки разбитной паренек в капюшоне и с девушкой под мышкой интересуется: мол, что – закрыли караоке? Ну, тут, рядом было. Отвечаем, мы не закрывали. В Москве бы назрел конфликт. А тут – улыбка навстречу. Музыкантов нет, кроме одной девушки с гитарой, крашенными в розовое волосами и незначительным количеством железа в носу.

«БЕЛАЯ ТРОИЦА»

Дальше пешком – никак. Дальше – «Белая Троица». Едем. Затымачье. В смысле – за речкой Тьмакой.

Вокруг совсем другая Тверь. Частные домишки позапрошлого века рождения. Кое-где, понятно, и нынешнего – из красного кирпича. Пятачок, свободный от деревьев. Церква. Действительно белая. Самое древнее каменное здание, сохранившееся в Твери. 1564 год. На западном фасаде целехонька надпись: «Лето 7072 совершен бысть сии храм во имя Живоначальня Троицы месяца августа 15 при благоверном царе Великом князе Иване Васильевиче и всея России и при епископе Акакии Тферьскомъ замышлениемъ и строением раба Божия Гаврииль Андреева Тоушиньского». Гавриил Андреевич – тверич, купец, частное лицо. Понятно, что не в первоначальном виде храм сохранился. Надстраивали, пристраивали, обустривали. Но в основе своей – тот самый, XVI века. Видел ее или не видел, молился ли в ней царь Иван Васильевич – то неведомо.

Внутреннее убранство храма
Троицы Живоначальной,
прозванной в народе
«Белой Троицей». XVI век

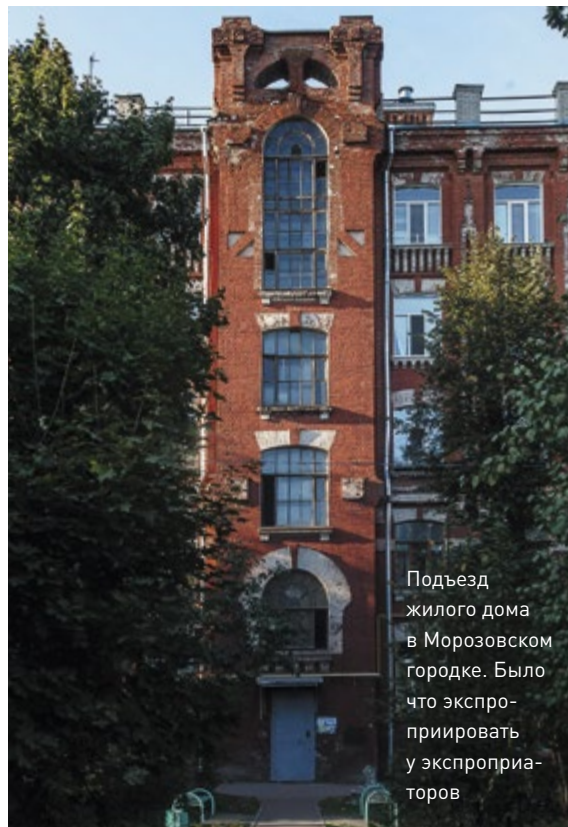
«Белая Троица» – в общетверском тренде. То есть тоже в строительных лесах. Но батюшка просьбу разрешить фотосъемку даже не дослушал. Махнул благословением и исчез за древним иконостасом.

Чем намоленные места отличаются от других? На другие при всем уважении смотришь как на памятники. А в «Белой Троице» молиться хочется. Сразу же. И записки оставить.

МОРОЗОВСКИЙ ГОРОДОК

Тверь неспешна и спокойна. Даже на Пролетарке. Это второе, обиходное название микрорайона, выстроенного во второй половине XIX и начале XX века. Туда экстремалы, которые живут на диванах, советуют не соваться по одиночке. Мы приехали троим. Стоило выйти из машины, как две идущие мимо дамы, заключенные в цветные платки и с безропотными детьми, дают совет. Машину подалее от стены поставьте. А то «камень башка попадет». Смотришь наверх, под крышу 50-метрового кирпичного дома, и веришь –

все возможно. Там и 150-летние кирпичи обсыпавшиеся, и ржавые лестницы, и такие же ржавые конструкции неведомого назначения. Рахмат,

Подъезд
жилого дома
в Морозовском
городке. Было
что экспро-
прировать
у экспропри-
аторов

отвечаем. Улыбаются. Вежливо, по-восточному.

Это – город в городе, который полтора века назад стали строить «олигархи» Морозовы для работников Тверской мануфактуры. Подобные комплексы сохранились и в других городах, где Морозовы открывали ткацкие фабрики. Но масштаб не тот. Пролетарка – это более 50 зданий. Производственных, складских, жилых. Архитектура – в едином стиле. Но до чего полна нюансами!

В 1900 году на Всемирной выставке в Париже Морозовский городок был удостоен Гран-при как лучший рабочий городок мира. Сегодня промышленные объекты частью заброшены, частью реконструированы и превращены в актуальные квадратные метры. А в жилых домах – живут. Человек десять опросил в надежде услышать какую-нибудь гадость. По большей части подrostков, они более искренни. Гадостей не услышал. Отдельные квартиры с огромными окнами, все удобства. Одна беда – тараканы. Ну так тараканы и в царских покоях тревожили. На каждом подъезде – объявление. Уважаемые жильцы, будьте готовы к проведению работ по выведению всяческих насекомых. Булгаков. «Собачье сердце». Ключевой вопрос: ребята, чего вам не хватало? Михаил Афанасьевич бывал в Твери, жил в Тверской губернии, в селе Зубцово, на даче у доброй знакомой, где завершил пьесу «Кабала святош». Кстати, у Морозовского городка есть еще одно достоинство – вокзал неподалеку. Для моего бессменного товарища по путешествиям Александра Бурого, на котором постоянно висит 15 килограммов фотоаппаратуры, это имеет значение.

...Станция Тверь. Стоянка одна минута... А ведь песчаного пляжа нет не только в Москве напротив Кремля. И на Сене нет, около острова Ситэ. И в Лондоне – у Вестминстера. И в Риме – рядом с замком Сант-Анджело. 📍

ПО СЛЕДАМ ПОГИБШИХ ТУРИСТОВ

АВТОР

МАКСИМ ГУСЕВ

ФОТО

АВТОРА И ОЛЕГА БАЖУКОВА

500 КИЛОМЕТРОВ НА ЛЕГКОВУШКЕ, ЕЩЕ ПОЧТИ 200 –
НА «ПРОХОДИМЦЕ» «УРАЛЕ», А ЗАТЕМ ВБРОД ЧЕРЕЗ РАСТЕКШУЮСЯ РЕКУ ЛОЗЬВУ.
И ЕЩЕ ОКОЛО 15 ПЕШКОМ ПО ЧУТЬ ПРИМЕТНЫМ ТАЕЖНЫМ ТРОПАМ.
ТАКОЙ ПУТЬ НАДО ПРОДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ ОКАЗАТЬСЯ В САМОМ ЗАГАДОЧНОМ
МЕСТЕ СЕВЕРНОГО УРАЛА – НА ПЕРЕВАЛЕ ДЯТЛОВА, ГДЕ В ФЕВРАЛЕ 1959 ГОДА
ПОГИБЛИ 9 СТУДЕНТОВ-ТУРИСТОВ ИЗ ЕКАТЕРИНБУРГА,
КОТОРЫЙ В ТО ВРЕМЯ НАЗЫВАЛСЯ СВЕРДЛОВСКОМ.

МЫ РЕШИЛИ ПОВТОРИТЬ маршрут группы туристического клуба Уральского политеха. Наша команда почти вдвое меньше: проводник, заслуженный путешественник России Леонид Букрин, его супруга Валентина, фотограф Олег Бажуков и автор этих строк. Из нас четверых только Леонид Петрович бывал на перевале Дятлова, причем неоднократно. Мы с Олегом волнуемся: сможем ли быть на уровне и угнаться за опытнейшим 65-летним туристом?

НАЧАЛО ПУТИ

Из Екатеринбурга выезжаем с доверху набитыми рюкзаками. Снова и снова обсуждаем ту трагедию, вспоминая подробности истории, которая и в наши дни волнует многих людей.

...Их было 9 – молодых, романтичных, но опытных туристов, у которых за плечами были серьезные походы. Руководителем команды был Игорь Дятлов – пятикурсник радиофака УПИ. В те годы, как, впрочем, и сегодня, Северный Урал притягивал «походников» всех возрастов, ведь территория эта изобилует красивейшими реками, перевалами и высотами. Колорита путешествиям придает то, что север Свердловской области – это место обитания коренной малочисленной народности манси. Эти люди живут, словно и не зная о цивилизации – пасут оленей, собирают грибы и ягоды, ловят рыбу, охотятся. И если в наши дни манси знакомы и с сотовыми телефонами, и с автомобилями, и о снегоходах с квадроциклами знают, и цену денег «разумеют», то шестьдесят лет назад все было иначе... Кстати, тогда путешественники могли добраться поездом до города Серова, где пересаживались на другой – до Ивделя, отсюда – на автобусе до поселка Вижай, а дальше – на попутках все глубже и глубже в тайгу. Но если в те годы путь растягивался на несколько дней, то сейчас

Перевал Дятлова – официальная географическая точка на карте России

все ускорилось, как, впрочем, и сама наша жизнь.

Вот и группа Дятлова, запланировав масштабный двухнедельный переход, который в те годы считался походом высшей категории сложности, несколько дней добиралась до Вижая, затем до мансийского поселка Ушма и, наконец, встала на лыжи, чтобы выйти на маршрут. В дневниковых записях группы читаем, что какое-то

время ребята шли по мансийскому следу, а затем началась целина.

– Торили лыжно стандартным способом, – рассказывает Леонид Букрин, который в многочисленных своих походах от спутников слышал самые разные версии гибели дятловцев и особенности их движения по маршруту знает неплохо. – Сначала один идет вперед без рюкзака, пробивает несколько десятков метров, затем ждет, когда его нагонят спутники, и пропускает вперед следующего товарища, который все повторяет.

Беда случилась в ночь на 2 февраля. Это время лютой северной зимы – 30-градусные морозы в эти дни стоят здесь подолгу и почти не сменяются оттепелями. К тому же среди гор гуляют ветра, понижая и без того суровую температуру. Но разве опытных туристов это может испугать? Казалось бы, ничего не предвещало беды: ребята с вечера установили палатку, приготовили ужин, шутили, пели песни под гитару и даже из подручных средств делали стенгазету «Вечерний Отортен» – по названию вершины, которая была главной целью их похода.

В большой палатке топится печь, группа готовится ко сну. В это время и происходит нечто, что заставляет их полуголыми бежать прочь – с горы вниз более километра, к ручью, на верную смерть...

В печально знаменитом поселке Вижай, сгоревшем дотла в страшном лесном пожаре в 2010 году, указатель на перевал на первом месте

РЫК «ПРОХОДИМЦА»

За разговорами пролетели шесть часов пути – мы заезжаем в северный уральский городок Ивдель, известный своими зонами времен ГУЛАГа, лесоповалами и глубокими карьерами. Ночуем в гостинице, чтобы ранним утром стартовать. В 7.00 нас уже ждет арендованный «Урал» с водителем Алексеем – именно он будет забрасывать нас за 180 километров по бездорожью, а потом двое суток ждать в тайге, чтобы вывезти обратно.

Валентину усаживаем в кабину с водителем – там ей будет немного комфортнее. Рюкзаки забрасываем в будку грузовика – внутри старенькая буржуйка, которая прочно приварена к днищу кузова. Натоплено. В сентябре на Северном Урале случаются заморозки! Планируем добраться до реки Лозьвы часов за пять – ехать почти две сотни километров. Повезло: завязывается яркий рассвет, предвещающая меру теплый, но, главное, сухой денек. Взвывает двигатель, мы переглядываемся: поехали

Тем, кто отваживается на таежное путешествие, предстоит на технике повышенной проходимости преодолеть несколько рек...

навстречу мечте! «Урал», словно разогреваясь перед длинным путем, неспешно едет по улицам спящего еще города, постепенно забирая на север по единственной дороге. Вскоре асфальт кончается – нам приходится забыть о нем на два с лишним дня. Вместе с ним кончается и зона покрытия сотовой связи.

В будке трясет, брезент откинут – созерцаем удаляющуюся цивилизацию, пытаюсь удерживаться на ногах, когда делаем

снимки окрестностей. Укачивает. То сидим, то лежим на сваленных в угол на дощатый настил старых фуфайках. Разговаривать даже не пытаемся – рык от нашего «проходимца» стоит такой, что занятие это почти бесполезное. Через час делаем первую остановку у затопленного карьера в поселке Северный, радостно спрыгиваем и разминаемся. Алексей предупреждает: теперь остановимся часа через два.

...Мы подготовились основательно, заранее арендовав мощный «Урал», чтобы добраться к точке старта – устью таежной реки

Мы с Леонидом
Букриным в верховьях
Ауспии, воды которой
наверняка помнят
девятирех туристов
Уральского политеха,
ушедших в один конец...

И снова рычит двигатель, снова мы стараемся удерживаться на «нарах» и уже даже не пытаемся гнаться за снимками.

У дятловцев путь хоть и проходил по этим же дорогам, был более мягким. И даже не потому, что дело было зимой – заброшенные поселки, мимо которых мы проезжаем, в их времена были густо заселены людьми: персоналом исправительных лагерей, охотниками, геологами. Соответственно, были и дороги, которые сегодня далеки от того, чтобы называться даже «сносными». Они ехали на автобусе, потом в повозке, которую тянула лошадь. У нас под «капотом» – более 200 «лошадей», но комфорта это никак не добавляет. Зато мы эффектно, с кучей брызг, преодолеваем таежную реку Вижай, затем «проплываем» Северную Тошемку и устремляемся дальше. В пути пару раз встречаем вездеходы – желающих побывать на обросшем легендами перевале немало! Да и не только там – люди идут дальше, туда, куда группе Дятлова добраться

не удалось: на величественную гору Отортен и еще севернее, в Печоро-Илычский заповедник, чтобы осмотреть одно из семи чудес России – плато Маньпупунёр с его нереально красивыми столбами выветривания.

Не дорога, а, скорее, направление убегает лентой вдаль, в которую ехать жутковато и волнительно...

ДОРОГИ СТАЛИ НЕ НУЖНЫ

Наша цель скромная: мы не строим амбициозных задач, вроде попытки разгадать причины смерти дятловцев, не планируем ставить рекорды и совершать сверхъестественные поступки. Мы, как и большинство обычных туристов, идем туда главным образом за эмоциями – с желанием увидеть это место и доказать самим себе, что мы можем это сделать.

В 15.00 приехали к месту, дальше которого машины не ездят. Выгружаемся и некоторое время стоим молча, чтобы свыкнуться с тишиной, о которой за сотни километров дороги успели забыть, и вернуться к привычному вертикальному состоянию. С водителем прощаемся. Он машет рукой, желает удачи и разводит костер. Обратного не поедет, два дня проведет в тайге, а потом заберет нас – и вместе мы должны будем вернуться в город.

А мы уже переходим вброд речушку Ауспию, по замерзшему

руслу которой шли в 1959 году туристы и вдоль которой предстоит идти нам практически до места назначения. Разводим костер, готовим горячий обед и делимся впечатлениями от жесткой поездки.

– Два часа потеряли, – вздыхает Леонид Петрович и объясняет, что раньше по этим дорогам можно было ездить куда быстрее.

Но жизнь идет, все ветшает. Из тайги уже давно перераспределили «зоны», ушли геологи, решив свои задачи, перебрались ближе к городу люди. Дороги стали не нужны никому, кроме туристов. Но те привыкли нанимать «заброски» – высокопроходимые грузовики, подобные нашему, а им и бездорожье по колено!

Пока закипает чайник, мы корректируем планы – вычеркиваем из плана посещения гору Отортен, которая в 10 километрах от «того самого перевала», и решаем, что идти по лесным тропам надо будет как можно активнее. Леонид проводит ревизию наших вещей – с улыбкой грозит пальцем Олегу, которого заблаговременно предупреждал не брать с собой много консервов. «Сам и понесешь», – говорит он, но смысл этих слов становится понятен много позже, когда ноша становится практически нестерпимой и тот же Леонид со своим, кажется, безразмерным рюкзаком и не по годам богатой силой приходит ему на помощь. Я тоже хорош – по профессиональной привычке взял с собой небольшой ноутбук, чтобы вести дневник. И пока еще не догадываюсь, чего это мне будет стоить. Лишнюю «полторашку» минеральной воды Петрович предлагает спрятать у приметного дерева. «Обойдемся», – объясняет он и недвусмысленно машет в сторону реки.

Стартуем. Леонид идет первым, за ним я, потом Валентина и Олег замыкает. В первый же час растягиваемся метров на пятьдесят...

На продуваемом лютыми ветрами перевале Дятлова деревья не совсем обычные – ветки растут в основном в одну сторону

ГОСТЕПРИИМНАЯ ТАЙГА

Сентябрьская тайга величественна. Переливается яркими красками, гостеприимно одаривает плодами: временами мелькает то белый – царь грибов, то красноголовик, его «заместитель». Местами буро-красным ковром расстилается брусника, и почти везде под ногами валяются шишки – кедровые шишки нынче плодоносят обильно! Я их безумно люблю и потому то и дело, почти не сбавляя скорости, нагибаюсь, беру шишку и пока иду, лущу ее, добираясь до крупных, с ноготь, орехов. Смоляной аромат кружит голову и даже как будто придает сил.

Идем по сценарию классических походных групп – 45 минут безостановочной ходьбы, затем 15-минутный перерыв. Со времен дятловцев много чего изменилось в спортивном туризме. Маршрут, который они выбрали и не закончили, сегодня считается не самым сложным, а территория Северного Урала давно исхожена любителями экстрима. Ныне легендарный перевал в 1959 году был безмянным и ничем не привлекал внимания, никогда и ни для кого не был конечной точкой. Сегодня же он как магнит влечет и пожилых, и молодых. С начала лета до глубокой

Тернистый, тягостный путь. Но если бы выпала возможность проделать его вновь – согласился бы без раздумий!

Дары природы, которые неохота выпускать из рук: свежие, спелые, ароматные кедровые шишки, липкие от смолы

осени ходят сюда туристические группы и «походники»-одиночки. Кто-то надеется разгадать тайну гибели, другие ходят сами, ни на что особо не рассчитывая, ведут сюда друзей, детей. Но все-таки это не маршрут выходного дня – он требует не только финансовых средств, но и физической подготовки. Да и моральный настрой никто не отменял.

Мы то идем по берегу реки, то уходим от него. Но Леонид Петрович снова и снова повторяет, что главный ориентир на пути к перевалу – застенчивая красавица Ауспия. Это небольшая речушка длиной 29 километров, относящаяся к бассейну Иртыша и навсегда вписанная в географию России событием с погибшими уральскими туристами. Она неглубокая и чистая – в этом мы убеждаемся уже скоро, когда запасы воды заканчиваются и мы то и дело во время остановок подходим к ней, чтобы умыться и напиться. Руки не мою – бесполезно: временами тропа идет меж густых лиственниц и кедров так, что приходится раздвигать ветки, густо напитанные смолой. Когда пальцы слипаются от нее, останавливаюсь, подхожу к первому же стволу и долго отскабливаю.

Стало смеркаться. Решаем разбивать лагерь – за шесть часов ходьбы мы сегодня не встретили никого. Поэтому встаем в паре метров от тропы – ставим палатки, зажигаем костер.

– Видишь бороду? – Леонид Букрин подводит меня к тенетам ветвей кедра, которые, по его словам, можно встретить только в глухой тайге. – Нарви ее побольше, и никакая бумага для разведения огня не понадобится, это как трут!

Пока варятся макароны, обустроиваем палатки. Стемнело. Метрах в пяти журчит река, но ее уже не видно. Уже то хорошо, что сухо. После ужина тушим костер, на часах 23.00. Договариваемся встать в пять утра, чтобы рывком успеть до перевала и обратно.

Вот он, легендарный перевал, где почти шестьдесят лет назад произошла жуткая трагедия. Останцы вверх – место, где установлена табличка памяти дятловцев

СЛЕД МЕДВЕДЯ

Первая ночь в тайге. Я лежу с охотничьим ножом под рукой, что-то пытаюсь писать, но мысли не идут: представляю, как к нам подкрадывается медведь и... нападает. Вздрагиваю, выползаю из палатки и оглядываю окрестности. Что-то хрустит, шумит, трещит и даже как будто рычит, но там, куда свет не достает. В палатке у Букриных уже темно. Укладываюсь и я, но еще долго не засыпаю, крепко сжимая рукоятку ножа в руке. В далеком феврале 1959-го именно ножом была разрезана внутри палатка группы Дятлова. С этой мыслью, поживаясь в спальном мешке, который ничуть не греет, проваливаюсь в сон... Казалось, только уснул, но услышал и увидел, как еще во тьме с громким треском, нарушающим сон невидимых лесных жителей, разгорается огонь – Валентина варит завтрак. Идти по труднопроходимой тайге нам еще долго. И, судя по всему, обед сегодня будет холодным и поспешным, поэтому

А это – медвежий след, при взгляде на который невольно кровь стынет в жилах...

плотное питание утром – залог успеха дня. Пойдем налегке – собранные палатки, спальники, лишние продукты оставляем в лабазе, который тут же и конструируем у поваленного кедра. Все лишнее остается под завалом веток и травы, а мы устремляемся к цели. Через час ходьбы натываемся на основательный лагерь – группа из 15 человек только просыпается.

– С добрым утром! Далеко до перевала? – интересуемся у высокого парня, который, несмотря на прохладу, с голым торсом делает зарядку у палатки.

– Километров семь, там холодно – вчера снег пролетал, – отвечает он, не прерывая своего занятия.

Пошли во вчерашнем темпе. Сказывается усталость, но думать об этом некогда. Обходим заболоченные места, то догоняем друг друга, то растягиваемся так, что не видим ни впереди, ни сзади идущего.

Вдруг вижу: Леонид Петрович стоит, дожидаясь нас. Показывает на тропу, и все мы, остановившись, рассматриваем четкий отпечаток медвежьей лапы! Больше не растягиваемся, и еще часа полтора идем фактически след в след. Вскоре зона леса постепенно заканчивается, начинается редколесье, переходящее в курумник – сначала мелкие, а потом все более крупные камни. При подъеме на перевал стало заметно прохладнее, открылась линия горизонта.

БЕСКОНЕЧНАЯ ДАЛЬ

Панорама с каждым шагом становится все более обширной, пока не открылся обзор на все 360 градусов. Мы молча созерцаем бесконечные дали, хребет и возвышенности вдалеке.

На склоне останавливаемся и пытаемся угадать, где же стояла палатка «дятловцев», найденная поисковым отрядом. Отмечаем версию о лавине, которая могла бы напугать и даже погубить туристов, ведь угол наклона здесь слишком невелик. На гребне склона, куда поднимаемся уже из последних сил, стоит останец, на вершине которого виднеется сваренный кем-то из туристов металлический памятник. Но главное здесь – та самая мемориальная доска, на фоне которой фотографируются все, кому хватило сил дойти сюда.

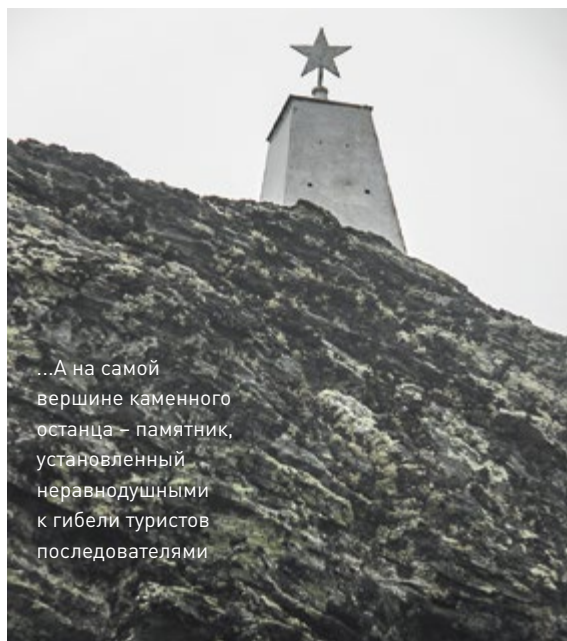
Погода вдруг стала портиться – постепенно скрывается горизонт, нас окутывает туман, подобный обезжиренному молоку. К тому же пошел дождь – он не сильный, но капли, подхваченные ветром, «кусают» лицо.

Мы усаживаемся у останца на обед. Вдруг слышится рокот – через минуту по хребту подъезжают два квадроцикла. Туристы тоже фотографируются, осматривают окрестности и, услышав, какой путь мы преодолели, жмут нам руки. Они доехали сюда с вершины горы Чистоп всего-то за пару часов и сейчас поедут обратно, к тому же месту, где наш водитель обещал нас ждать.

То самое место, к которому подходят все, кто преодолел многокилометровый путь по дикому уральскому лесу, чтобы приблизиться к этой тайне...

ПАСТЬ СМЕРТЮ ХРАБРЫХ...

В сундуке-тайнике в основании останца находим большие тетради и кучу всяких вещей – ручки, компас, охотничьи патроны, зажигалки, аудиокассеты. Такая традиция у здешних туристов: оставить что-то в память о себе и взять взамен то, что приглянулось. Мы ничего не берем, но Леонид Букрин оставляет на дне тайника свой журнал «Окно в природу» с автографом – его он издает уже несколько лет. А я читаю радостные, а временами и восхищенные записи в третьем томе большой тетради (две другие, ведущие хронологию с 2013 года, лежат на дне этого ящика), заботливо укутанной в полиэтилен. Одни просто ставят дату и подпись, другие сообщают о своих впечатлениях: «Все просто супер! Горы безумно красивые! Хотя раз в жизни на перевале побывать надо. Всем читающим удачи...» «Мы семья из трех человек из города Усть-Катав Челябинской

...А на самой вершине каменного останца – памятник, установленный равнодушными к гибели туристов последователями

Тучи спускаются: погода в горах Северного Урала меняется почти мгновенно, тем более осенью!

области. Мы дошли, мы победили, было трудно, но мы дошли. Все очень здорово, отличная погода. С нами проводник Степан из Ушмы. Считаю, что причина смерти ребят – военные, просто ребята увидели то, что не нужно».

...И пишу сам: «Мечты сбываются. Пройдя длительный путь, мы поднялись на легендарный перевал. Туманно. Масштабное, внушительное место. Впечатлительный – на всю жизнь. Мерзнут пальцы, но это мелочи в сравнении с той трагедией, которая не сходит с уст равнодушных туристов в России и во всем мире».

Еще раз подхожу к табличке, где высечено: «Их было 9. Под этим перевалом вьюжной ночью 2 февраля 1959 г. погибли туристы УПИ Дятлов И., Колмогорова З., Дорошенко Ю., Слободин Р., Кривонищенко Ю., Колеватов А., Дубинина Л., Тибо-Бриньоль Н., Золотарев С. Памяти ушедших и не вернувшихся назвали мы этот перевал имени гр. Дятлова».

Юбилеи со дня трагедии здесь принято отмечать установкой памятных табличек. Представляю, каково было тащить ее по тайге более 10 километров!

Окрестности, которые мы успели окинуть взглядом, практически на глазах скрылись в облаках, окутавших перевал. На часах 13.45. Мы здесь одни – наверное, на десятки километров, за исключением удалившихся в «молоке» квадроциклов. Плотно застегиваем дождевики и начинаем спуск – студенты-

дятловцы, судя по многочисленным воспоминаниям поисковиков, обнаруживших их трупы на расстоянии полутора километров вниз по склону, бежали по нему босые и полураздетые. Нас не гонит никто, кроме времени и необходимости завтра утром быть у реки. Мы снова растягиваемся: Букрины уходят

великая тайна – тайна смерти группы молодых ребят и девушек – заставляет людей тянуться к спорту. Не в этом ли и была великая цель судеб дятловцев, не об этом ли мечтают великие путешественники?

Мы возвращались тем же маршрутом по уже знакомой тропе. Подобно тому, как пленка фильма перематывается в обратную сторону, шли мы среди тех же топей и болот, меж сосен, лиственниц и кедров, хлюпая сапогами по кочкам. Весь обратный путь нас заливал дождь, будто испытывал напоследок на выносливость, и потому мы стискивали зубы и шли, шли.

Вторая ночевка стала еще более запоминающейся – шли допоздна, поэтому палатки ставили в темноте, и делать это пришлось на небольшом склоне, о чем ночью пришлось не единожды пожалеть, сползая по нему не во сне, а в каком-то забытьи. По сводам палатки стучал дождь, холод не давал уснуть, а мысли были совсем не об этом. Я думал о том, что по возрасту уже намного пережил этих отважных ребят и только теперь прикоснулся к их тайне, которую вряд ли кто-то из нас сумеет разгадать, пока не падет гриф «секретно» с какого-то важного архивного дела, которое, возможно, и лежит-то где-то на поверхности.

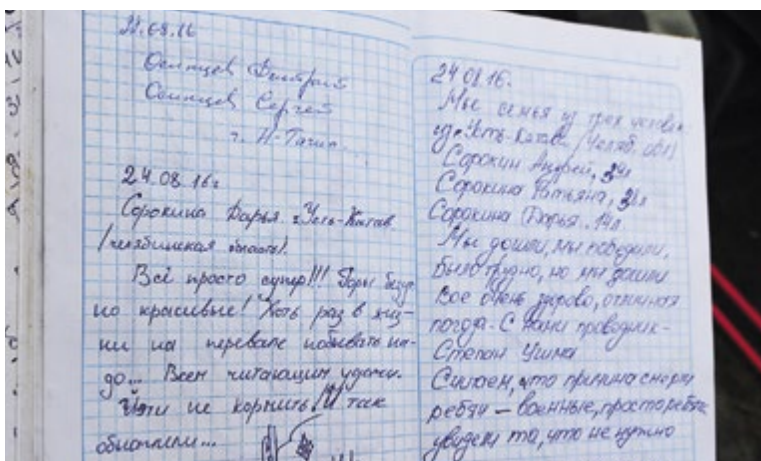
Сейчас, вернувшись домой, в Екатеринбург, я часто откладываю все дела и бросаю взор на карту, на севере области ищу Ивдель, от него провожу условную прямую выше, пока не натыкаюсь на официальное географическое название «пер. Дятлова». И мысленно то благодарю ребят за повод побывать там, «у них», то прошу прощения за то, что мы, жители XXI века, так и не выяснили, что же произошло в далеком 1959 году. И почему 9 семей вынуждены были оплакивать своих сыновей и дочерей, хороня их в закрытых гробах... Вы тоже еще не были на этом перевале? Быть может, пора сходить? ❁

вперед, фотограф задерживается на перевале минут на пятнадцать, успевает запечатлеть то, что еще возможно, а я между ними – неспешно шагаю вниз и думаю о той трагедии, так и не разгаданной за минувшие десятилетия. Наверное, пасть смертью храбрых – а в этом, кстати, никто не сомневается, особенно после реконструкции того, что произошло, – не так обидно, как если бы умирать пришлось из-за несчастного случая или даже скоропостижно. Как

бы то ни было, предназначение этих 9 ребят было не просто великим – сакральным! Они не исчезли в пурге истории, не растворились, их короткие жизни не прошли даром. Прославив никому доселе не известный перевал, они, сами того не подозревая, сделали его достоянием России.

По их следам идут сотни, даже тысячи туристов, среди которых есть и те, кто, возможно, никогда не занялся бы туризмом, не встал на лыжи. Но эта

Оставить запись о своем присутствии на перевале в специальной тетради – традиция, которой уже много лет

Если бы было больше времени, с удовольствием почитал бы, что писали путешественники год, два и даже пять лет назад!

ВОЛЬНЫЕ ХЛЕБА

АВТОР

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

ОСЕНЬЮ 1989 ГОДА ЖУРНАЛ «СОВЕТСКИЙ ЭКРАН» ВЫШЕЛ В СВЕТ С ПОТРЯСАЮЩЕЙ ОБЛОЖКОЙ. АКТРИСА ОКСАНА ФАНДЕРА ОБНИМАЛА МЕЧ-КЛАДЕНЕЦ, КОТОРЫЙ, ВМЕСТЕ С ЦЕПЬЮ, СПУСКАВШЕЙСЯ С ПРАВОГО ПЛЕЧА, ЕДВА ПРИКРЫВАЛ ОБНАЖЕННОЕ ТЕЛО. КРУГОМ БЫЛИ НАБРОСАНЫ ШКУРЫ, ЛУКИ, КОЛЧАНЫ. ГЛАЗА КРАСАВИЦЫ, ОБИЛЬНО ПОДКРАШЕННЫЕ, СМОТРЕЛИ ГРУСТНО. НО ДО ГЛАЗ НАДО БЫЛО ЕЩЕ ДОБРАТЬСЯ... НА ПЕРВОМ ПЛАНЕ СИЯЛИ БЕДРА, РУКИ, ПЛЕЧИ, ГРУДЬ.

КРАСНАЯ ПОДПИСЬ В нижнем углу – «Советский экран» – выглядела абсолютно лишней.

А на обложке сзади – в черных водолазках, головами друг к другу, своеобразным крестом на желтом полу – возлежали юные, всеми любимые битлы: Пол Маккартни и Джон Леннон, Джордж Харрисон и Ринго Старр.

Справа от Пола шла не очень крупная вертикальная надпись – «цена 50 копеек».

Киоскер, заметно смущаясь, выдал мне номер, заметив: «За полчаса разобрали... Эх... Куда катимся... Сдачу возьмите».

Киоск находился недалеко от школы. На перемене номер «Советского экрана» изучали и ученики, и учителя. Учителя – в учительской, с гневными комментариями. Ученики – в туалете, с восторженными.

А у меня в портфеле был и свежий номерок «Спутника кинозрителя», где в авторской колонке с фото молодой и мне неизвестный критик, нажимая на вводные, выступал примерно таким макаром:

«Принимаясь писать очередной номер журнала, я, глубокоуважаемые кинозрители, станов-

люсь как бы вашим спутником в странствиях по кинорепертуару. Редакция, правда, не спросила, устраивает ли вас моя компания. А, кстати, почему бы впредь редакции не обращаться с вопросом к вам, дорогие читатели, кого бы вы хотели видеть своим спутником? Проведем опрос или, как принято нынче говорить, референдум: это в наших силах».

И смелая фотография Фандеры, и битлы, и фамильно-демократический тон усатого критика – все это были знаки стремительно наступавшего нового времени. Знаков этих с каждым днем становилось все больше и больше.

В школе, где я преподавал историю, дети замечали знаки быстрее, чем учившие их учителя.

Троечник Миша Омеляненко огорошил вопросом: «Что вы теперь будете говорить нам, Пал Саньч, про Маркса и Энгельса? Ну, Людмила Ивановна в параллельном как-нибудь вывернется. Она такая. Но вы-то что делать будете?»

Он даже сочувствовал мне, трезвомыслящий Омеляненко!

Отличницу Нину Александрову больше волновал Сталин:

«Вы нам рассказывали о Сталине совсем иначе, чем написано у Солженицына. Раньше я верила вам. А теперь я верю Солженицыну. А вы, небось, даже и не читали его? Как можно не читать?! Стыдно! Хотите, одолжу на неделю? Мне из Израйля четыре томика привезли... На русском языке, между прочим».

Восьмиклассники всю цитировали Цоя, у которого лично мне нравилась всего одна строчка, да и ту, Цой, кажется, испортил продолжением.

«Если есть в кармане пачка сигарет, значит, все не так уж плохо на сегодняшний день...».

Верно подмечено. Точно. Жизненно.

А вот всякие билеты на серебряные самолеты – это уже зря, это, на мой вкус, лишнее... Размывает основу.

Уроки мои часто превращались в диспуты на волнующие темы. Я считал это хорошим знаком. Ведь я работал в старших классах – восьмых, девярых, десятых... На этих уроках вопросов было больше, чем ответов. И диалогов больше, чем монологов. И кипели порою нешуточные страсти общественно-политического свойства.

А еще – надо было готовиться к экзаменам. Формулировки некоторых билетов стали вдруг казаться не очень простыми. И не только ученикам, но и мне – самому... Где взять ответы?

Ответы мы искали с друзьями на послефутбольных встречах, которые порою затягивались. Мы встречались на старой полянке в Несвижском переулке, подкачивали старый мячик старым насосом, играли пять на пять, а потом – как в студенческие времена – искали местечко повольготнее. Там, где никто не мешает.

Самый умный из нас, приглубив четвертую бутылку «Жигулевского», степенно докладывал обдуманное:

– Государство сдает позиции. Империя, как нас и учили, когда-нибудь обязательно потерпит крах. Иного не дано. Руины... варвары... приспособленцы... мародеры... откровенные сволочи... перевертыши... бумагомараки. Все это будет, и весьма скоро. Народ не видит и не понимает, но мы-то с вами учились истории и отлично видим – идет прицельный удар по основам. Точнее, не удар, а удары, залпы... Олег, перекинь мне еще бутылочку... Спасибо.

Мы курили на лавочке и считали залпы. По истории страны – это раз. По армии – это два. По государственности – это три.

– Вскоре ударят и по Ленину, вот увидите. Это пока – на мушке Сталин. Скоро врежут по Ильичу. Да он того и заслужи-

вает, наверное... И по церкви врежут. Ведь и церковь – один из российских столпов. Главное – раскатать лодку, раскатать страну... Все зависит от цели... Обязательно появятся новые ценности. Хотя, если разобраться, какие они там новые? «Обогащайся!» – это еще Бухарин предлагал... Да и многие до него, начиная с Древнего Рима и какого-нибудь забытого Хаммурапи.

Осень стояла хорошая, теплая, дождливая, сырая, прекрасная – как все осени. Осенью так хорошо выпивать на улице и наблюдать смену явлений. Каждый лист опадающий – символ. Символов в конце 80-х появилось – хоть отбавляй.

– Похоже, государство, как заболевший помещик, уже не может помочь своим крепостным крестьянам. Государство опустит своих граждан на вольные хлеба. Каждый окажется сам за

себя. Вот к чему надо готовиться. Искать пути, тропинки... Оставаясь, по возможности, честным человеком.

Таким был общий вывод из наших еженедельных четверговых бесед. По четвергам у историков Москвы – свободный, методический день. Мы проводили его в парке Мандельштама, на Плющихе, у Новодевичьего, на Пироговке – совсем неподалеку от родного института. Альма-матер продолжала притягивать. Эх, хорошо нас учили профессора и доценты – Кузьмин, Тюкавкин, Мурыгина, Кириллова, Шорин, Кобрин, Ляшенко, философ Кинельм Ефимович Ям, многие и многие с ними. А наш декан, Шагин Эрнст Михайлович, с его трагическим пафосом на лекции: «Сибирские партизаны до сих пор вспоминают...!» Он словно сам бывал с ними в тайге, этими сибирскими партизанами 1918–1919 годов.

КОЛЛАЖ ОЛЕГА БОРОДИНА

Меж тем бытовая сторона жизни большого города тоже менялась. И совсем не в лучшую сторону. Во-первых, появились в Москве невиданные прежде зеленые талоны с нормой отпуска некоторых важных товаров на душу населения. Нас, по молодости, более других ограничений волновал лимит на сигареты и водку. Хотя и сахар – нужная вещь в хозяйстве... Помню, как брат купил мне в области, без всяких талонов, несколько блоков «Дымка». «Дымок» я терпеть не мог, но, как говорится, не до жиру. Недавно пачку «Явы» покупал у цыган на Черемушкинском рынке за невиданную цену – 5 рублей! «Ява» в палатке стоила 30 копеек за пачку, но в палатках в тот день совсем не было курева, ни по талону, ни без него. Вот и пошел к цыганам... Так вот, везу я в авоське через весь город, в метро, с севера

на юг, блоки «Дымка». Сигареты без фильтра в бумажной коробке. Пакетов еще не было никаких. «Дымок» мой (16 копеек пачка) предательски пахнет на весь вагон. Табачок! Женщины поглядывают неодобрительно, мужчины с завистью – вот повезло человеку, раздобыл где-то такую пропасть... Ехал я как под обстрелом. За бесталонной водкой таксисты мотались по области, а ночью, в случае большой нужды, московский народ голосовал таксистам – не прокатиться, нет, в поисках заветной бутылки. Цена зависела от водителя. Как правило, от 7 до 10 рублей за бутылку. В магазине «Русская водка» стоила тогда 5 рублей 50 копеек за пол-литра. Сметали ее на раз. С продуктами тоже стало труднее. Очереди стояли буквально за любым товаром, разве что кроме макарон.

По субботам в нашей школьной столовой учителям продавали куски вырезки из бесконечной говядины по 3 рубля за кило. Это было существенно. Очень важно не опоздать в столовую по субботам после пятого урока. Не забыть – в пылу безостановочного педагогического процесса... Дома-то говядинку к выходным – очень ждут! Гуляш там, котлеты, что жена сочинит... Дочке – шесть лет. Она важно тыкает в мясную мякоть пальцем и сообщает: «Папа мясо принес. Будет праздник. У папы новый костюм». У нее выходит – «праздник». Букву «р» она пока не научилась выговаривать. Дочка ходит в детский сад Южного речного порта, где жена вот уже десять лет работает воспитателем – за квартиру. Потому что Южный порт еще строит квартиры. Получает жена 100 рублей (я в школе – 220).

Хотя могла бы, согласно диплому, преподавать психологию дошкольника в каком-нибудь центром педагогическом техникуме.

Но – квартира для нас важнее. Квартиру мы получили осенью 89-го года. Абсолютно бесплатно. Маленькую такую «двушку». Но свою. Успели. Потом Южному речному порту стало не до квартир.

Тогда все читали, стояли в очереди, брали друг у друга, рвали из рук, «зачитывали» – из лучших, разумеется, побуждений – толстые и не очень литературно-художественные журналы. Наша англичанка Калерия Дмитриевна, узнав, что я выписываю «Аврору», спросила с волнением:

– Мне сказали, вы выписываете питерский прогрессивный журнал? Не ожидала. Я привыкла вас видеть в обнимку с «Нашим современником», где засели, как мне хорошо известно, махровые ретрограды. Или с журналом «Москва»... А в «Авроре» с продолжением печатают теперь Мишу Жванецкого. Я ведь с ним знакома с давних пор, с одесской молодости. Не дадите потом почитать?

Я сказал, что не только дам почитать, но и с удовольствием подарю. Как раз в следующем номере публикации Жванецкого заканчиваются. Вот и подарю разом все номера.

– Вы не любите Жванецкого? – искренно удивилась англичанка. – Как вам сказать... Не настолько, чтобы не подарить вам.

– Спасибо. Буду ждать. А что вы сами сейчас читаете?

– Бунина Ивана Алексеевича. «Окаянные дни». Печатается в журнале «Слово». Впервые в нашей стране.

Но лауреат Нобелевской премии по литературе, русский писатель Бунин нашу англичанку Калерию Дмитриевну явно не заинтересовал.

Я ушел из школы последним из тех, с кем играл в футбольной команде исторического факуль-

тета МГПИ имени Ленина. Все мы поработали в школах на славу, куда более трех обязательных распределительных лет.

Все мы покинули школы примерно в одно и то же время. В конце 80-х годов.

Все мы ушли на иные хлеба, и у каждого, как и предполагал самый большой философ из нас, получился собственный выбор. У каждого нарисовалась причудливая, ломкая, своя колея, зря ли мы знали наизусть песни Владимира Семеновича Высоцкого.

Самый умный из нас сложил что-то свежее и непальное о философии непрерывного образования и заслуженно очутился в Минпросе на Люсиновской улице.

Другой вспомнил свои выдающиеся плотницкие навыки и начал выстраивать сцены для выступлений Киркорова, Пугачевой, Орбакайте, Леонтьева, Кузьмина и других заслуженных деятелей поп-культуры. В перерывах он читал им стихи вагантов... Был учителем, стал прорабом! Он пропах краской и клеем, был со всеми звездами на «ты», путал день с ночью, подорвал здоровье, вживаясь в сроки гастролей и концертов, но дом себе на Волге выстроил высоченный. И гонит там теперь самогон. Соседи и соседки его очень уважают.

Третий красиво переместился в издательство. Издательство называлось «Просвещение» и сидело в тихой Марьиной Роще. Куда еще идти бывшему учителю, как не в издательство «Просвещение»? Кто-то должен ваять правильные учебники, методички и хрестоматии, верно?

Четвертый начал закупать пакетики с кофе в Сингапуре. За один цент. А продавать здесь за три. Он очень удивлялся, что никто из нас не похвалил его за расторопность.

Пятый женился на симпатичном завуче по имени Марина и решил вырасти до директора. Школа, если так можно выразиться, стала для него семьей, а семья – школой.

Три наших атакующих футболиста ушли в КГБ и ни разу не пожалели об этом.

Правый полузащитник неожиданно написал три романа из интимной жизни Рюриковичей. Потом перешел на Романовых. Потом, в свете вновь открывшихся обстоятельств, на вождей революции. Потом на деятелей перестройки... Теперь он пишет увлекательные повести о вселенском заговоре и пришельцах. Оказывается, пришельцы давно среди нас.

А я... продолжал работать в школе, пытаюсь понять, куда же мне деться с моими невыразительными способностями.

У меня так с самого детства. Хотел быть матросом. А из узлов освоил только «бантик»...

Хотел стать шофером такси. А в машине меня подташнивало...

Хотел быть футболистом. А бегать не любил...

Так и ушел из школы – от усталости и в никуда

Мне тогда казалось – так лучше. Честнее.

Жена сказала: «Что-нибудь обязательно придумается. Как-нибудь да будет».

В конце концов так оно и получилось.

Я определился в газетчики, сознательно выбрав «Спортивную Москву». В названии еженедельника было то, что я любил – спорт и наш с вами город.

...Короче говоря, все мы юркнули в новое время, постаравшись не позабыть старое. Да и возможно ли было позабыть его?

Никто из нас тогда, на излете восьмидесятых, и представить себе не мог, куда завернет и как грохнет по людям это самое новое время.

Никто не знал и не мог знать, что лет через десять любой школьник в любой палатке за просто купит поутру свежий номерок «Плейбоя» и будет рассматривать его не спеша... на уроке русской литературы.

За свои десять учительских лет я сносил три костюма, один из которых «свадебный», – и больше костюмов уже не носил и не покупал. ❀

ПОД СЕРЕБРЯНЫМ НЕБОМ

АВТОР

ЛАДА КЛОКОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

МЫ СТОЯЛИ НА ТЕРРАСЕ ПИНЧО И ЛЮБОВАЛИСЬ
ВЕЛИКОЛЕПНОЙ ПЬЯЦЦА ДЕЛЬ ПОПОЛО.
НУЖНО БЫЛО ОТДЫШАТЬСЯ: С РАННЕГО УТРА
МЫ НОСИЛИСЬ ПО САДАМ БОРГЕЗЕ
В ПОИСКАХ ПАМЯТНИКА
НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ГОГОЛЮ.

У ЕГИПЕТСКОГО ОБЕЛИСКА, привезенного в Рим еще при императоре Августе, молодой итальянец развлекал публику, выдувая огромные мыльные пузыри. Жаркое римское солнце вспыхивало в них всеми цветами радуги и рассыпалось мириадами ярких брызг, когда прозрачные шары лопались под оглушительный визг детворы.

ПРИЗРАКИ РИМА

С северной стороны этой площади высятся ворота Порты дель Пополо, через которые по знаменитой Фламиниевой дороге в Рим веками прибывали тысячи путешественников. Кстати, в их числе был и Николай Васильевич, называвший Пьяцца дель Пополо «красавицей». Трудно с ним не согласиться, хотя история этой площади довольно жутковата. Впрочем, классик русской литературы, считавший Рим своей второй родиной и прекрасно изучивший его историю, скорее всего, знал об этом.

В античные времена Порты дель Пополо были частью крепостной стены Аврелиана, построенной этим императором в 271–275 годах. С раннего Средневековья участок крепости у

Вид на Вечный город с холма Авентин

площади зовется Muro Torto – Кривая стена, а в древности он именовался Ruptus – Разбитый. Говорят, он ни разу не ремонтировался, а потому не выдержал бы ни одной атаки осаждавших город. А таковых, как известно, за долгую историю Рима было немало. Но именно в этом месте на приступ ни разу не шла ни одна армия! Сами римляне объясняют столь странное совпадение двумя причинами: во-первых, этот район находится под покровительством апостола Петра, а во-вторых, врагов отпу-

гивали призраки, которых тут можно встретить в безлунные ночи. Дело в том, что под Кривой стеной давным-давно возникло стихийное кладбище, где хоронили актеров, воров, бродяг и казненных – еще в 20-х годах XIX века на площади вешали и отрубали головы. Если верить городским легендам, именно их беспокойные души до сих пор тревожат влюбленные парочки и припозднившихся туристов. Но главное привидение здешних мест – призрак жены императора Клавдия Валерии Месса-

В римском районе Трастевере улочки выглядят почти так же, как и сто лет назад

приделы этой церкви ордена августинцев – сплошной праздник для ценителей искусства: капеллу Киджи спроектировал и украсил мозаикой Рафаэль, капелла Черози может похвастаться картинами Карраччи и Караваджо, а капелла делла Ровере расписана Пинтуриккьо. Главная интрига связана со смертью императора Нерона, который, опасаясь суда Сената, в 68 году при помощи собственного секретаря перерезал себе горло. Последний правитель из династии Юлиев-Клавдиев нажил слишком много врагов, а его безумные выходки утомили всю империю, так что не нашлось никого, кто хотел бы заняться похоронами самоубийцы. Пришлось его кормилицам, Александрии и Эклоге, сжечь тело императора, а прах предать земле на холме Пинчо. Они же посадили на этом месте то ли орешник, то ли тополь – тут версии расходятся. Зато все они сходятся в том, что с тех пор под этим деревом проходили дикие шабаши римских ведьм. В XI веке это безобразие решил прекратить папа Пасхалий II, приказавший построить здесь часовню. В 1099 году дерево срубили и обнаружили под ним порфировую урну с прахом Нерона. Ее содержимое безжалостно вытрясли в Тибр, а на месте часовни в XV веке возвели церковь Санта-Мария дель Пополо...

лины, чье имя стало синонимом распутной женщины. Ее «подвиги» живописали Ювенал, Плиний Старший, Тацит и Светоний. Если верить их свидетельствам, Мессалина, используя имя Лициска, развлекалась под видом проститутки в римских лупанариях. В конце концов Клавдий не выдержал и то ли сам задушил свою жену, то ли приказал одному из своих преторианцев прирезать ее. Произошло это как раз на холме Пинчо, с которого сегодня туристы и римляне спускаются на площадь Пополо.

Гоголь, нередко исполнявший в русской колонии роль «чичероне», не раз приводил сюда своих друзей и знакомых. Конечно, он не ограничивался лишь демонстрацией прекрасной площади. Здесь ведь находится одна из самых удивительных церквей Рима – Санта-Мария дель Пополо. В декабре 1838 года Николай Васильевич привел сюда Василия Андреевича Жуковско-го. Обожавший мистику Гоголь просто не мог упустить возможность удивить ближайшего друга. И дело даже не в том, что

Капеллу Черози церкви Санта-Мария дель Пополо украшают работы Караваджо и Карраччи

Удивительный потолок церкви Сан-Карло алле Куатро Фонтане

Интересно, что специально для Василия Андреевича Гоголь тщательно разработал экскурсионный маршрут: ему очень хотелось показать другу «свой Рим». Понятно, что в него входили все основные достопримечательности Вечного города: республиканский и императорские форумы, Капитолий, Колизей, Паладин и т.д. Во время прогулок Гоголь с Жуковским зарисовывали понравившиеся виды, а вечером Василий Андреевич аккуратно заносил в дневник то, что поразило и заинтересовало его больше всего. Ну, вот, к примеру, церкви Санта-Мария ин Космедин, Сан-Карло и Тринита дей Монти наверху Испанской лестницы...

**ПОКРОВИТЕЛЬ
ВЛЮБЛЕННЫХ И ЧЕТЫРЕ
ФОНТАНА**

Аттракцион этот неизменно пользуется популярностью у китайских туристов, так что пробиться сквозь их толпу – уже героический поступок. К Bocca della Verità – знаменитым Устам Истины в портике Санта-Мария ин Космедин – с утра выстраивается длинная очередь. Прославил эту мраморную плиту с изображением маски Тритона невесть откуда взявшаяся легенда: стоило лжецу положить руку в приоткрытый рот маски, как божество откусывало ее. Но смертельный удар по репутации средневекового детектора лжи нанесла одна римлянка. Муж заподозрил ее в измене и потребовал пройти проверку Уст Истины. И тогда женщина приказала своему любовнику в назначенный день и час встретить ее у Bocca della Verità и, притворившись умалишенным, обнять и поцеловать. Так что хитрая красotka спокойно положила руку в мраморную щель и поклялась, что, кроме мужа и несчастного безумца, ни один мужчина никогда не держал ее в объятиях. После этого оконфузившийся маскарон больше никого не лишал кисти.

Все это, конечно, забавно, однако становится обидно, когда туристы, сфотографировавшись с Устами Истины, покидают портик Санта-Мария ин Космедин, даже не заходя в одну из старейших церквей Рима. Ведь она была построена в VI веке на месте древнего языческого храма Бычьего форума! Спустя два столетия в ней нашли приют греческие монахи, бежавшие из Византии во время иконоборчества. Неслучайно тогда эта церковь называлась Santa Maria de Schola Graeca. Историки до сих пор спорят, как и почему в названии храма появилось слово «Космедин»: одни считают, что это производное от греческого kosmedion – «прекрасный», другие – что прибывшие в Рим греческие беглецы были выход-

Церковь Санта-Мария ин Космедин, где побывали Гоголь и Жуковский

цами из монастыря Космы и Дамиана.

Что могло восхитить Гоголя и Жуковского в этой церкви? Конечно, фрески VIII–XII веков, чудесный пол в стиле «косматеско», крипта VIII столетия под алтарем, готический алтарь красного гранита и череп святого Валентина – ведь благодаря «Золотой легенде» Якова Вораргинского и поэме «Птичий парламент» Джеффри Чосера католики с XV века отмечали праздник этого святого как день тайного венчания влюбленных.

Почему Жуковский отметил в дневнике другой храм – Сан-Карло алле Куатро Фонтане, – понятно. Как мог Николай Ва-

сильевич не привести своего друга в эту причудливую барочную церковь, построенную самим Франческо Борромини! Тем более что располагается она неподалеку от площади Барберини и улицы Систина, где жил Гоголь. Церковь XVII века удивительна: она очень мала, и потому Борромини решил весь интерьер выполнить в расширяющем пространство белом цвете. Кроме того, храм имеет форму эллипса (поэтому все стены в нем волнообразные) и типичный для проектов Борромини овальный потолок с оптическими эффектами. Между прочим, заказчиком работ стал орден тринитариев, вызволявший христианских рабов из мусульманского плена: именно так из алжирских застенков был выкуплен в XVI веке Мигель де Сервантес Сааведра.

Франческо Борромини не дождался окончания строительства церкви. В 1667 году он покончил с собой, бросившись на клинок собственной шпаги. Правда, обстоятельства смерти великого архитектора заставляют историков сомневаться в том, что это было самоубийство...

Знаменитые Уста Истины

КНЯГИНЯ-КАТОЛИЧКА

Есть в Риме площадь, которая почти никогда не пустует. Любители острых ощущений могут получить здесь гарантированное развлечение: бросить монетку в фонтан удастся лишь в том случае, если вы заранее смиритесь с тем, что вам отдавят ноги и пару раз толкнут в спину. Конечно, это площадь Треви. Удивительно, но до сих пор вода в красивейший фонтан Рима поступает по акведуку Аква Вирго, построенному Марком Агриппой в 19 году до н.э.! А сам роскошный барочный фонтан, проект кото-

рого был разработан Бернини, возводил в XVIII веке архитектор Николо Сальви. Строительство растянулось на тридцать лет, Сальви так и не увидел плоды своих трудов: он скончался за десять лет до того, как работы были закончены...

Здесь Николай Васильевич бывал часто: ведь фонтан Треви примыкает к фасаду палатцо Поли, в котором жила княгиня Зинаида Волконская. Она устраивала музыкально-литературные салоны – то во дворце на площади Треви, то на своей вилле, в которой ныне располагается

Фонтан Треви примыкает к фасаду дворца Поли, где княгиня Волконская не раз принимала Гоголя

ся резиденция британского посла в Риме. Гоголь, как и многие, до поры до времени восхищался княгиней, однако в 1839 году их дружеские отношения заметно охладели. Причиной тому стали вопросы веры. Еще в России Волконская под влиянием иезуитов перешла в католичество и в 1829 году с разрешения императора Николая I переехала жить в Рим. Здесь на ее знаменитых салонах бывали практически все известные русские художники и литераторы, а также дипломаты и знакомые по «большому свету», приехавшие в Рим.

В конце 30-х годов в Риме оказался граф Иосиф Виельгорский – друг Гоголя, выпускник Пажеского корпуса и соученик наследника престола, будущего императора Александра II. Он умер от туберкулеза, и княгиня Волконская поселила больного на своей вилле, соседствующей с собором Сан-Джованни ин Латерано. Гоголь почти неотлучно находился у постели своего друга, его размышления и впечатления этих дней выльются позже в неоконченную повесть «Ночи на вилле». К июню 1839 года стало ясно, что надежды на излечение Иосифа нет.

Кафедральный собор Рима Сан-Джованни ин Латерано

14 июня Гоголь поспешил в палатцо Дориа Памфили за православным священником – тогда именно там располагалась русская церковь Святителя Николая Чудотворца. Увы, он опоздал и не успел проститься с другом. А Волконская в последние минуты жизни Виельгорского попыталась обратить графа в католическую веру. «Когда он умирал, то в его комнате уже был приглашенный княгиней Волконской аббат Жерве, – вспоминала ее племянница княжна Репнина. – Зинаида Александровна нагнулась над умирающим и тихонько шепнула аббату: «Вот теперь настала удобная минута обратиться его в католичество». Но аббат оказался настолько благороден, что возразил ей: «Княгиня, в комнате умирающего должны быть безусловная тишина и молчание». Этот случай вызвал общее осуждение русской колонии в Риме. Что же касается Гоголя, то заметим, что еще до смерти Виельгорского Волконская прилагала усилия к тому, чтобы и Николай Васильевич принял католичество. Однако писатель не видел в этом никакого смысла, считая, что обе конфессии не слишком отличаются друг от друга. Это мнение – в пользу

Во времена Гоголя в палатцо Дориа Памфили располагалась русская церковь Святителя Николая

православия – он резко изменит лишь к середине 1840-х годов... Зинаида Волконская пережила Гоголя на десять лет. Она была очень популярна в Риме из-за своей благотворительности. Скончалась княгиня от сильной простуды: рассказывают, что она, как истинная христианка, отдала свое пальто замерзающей на улице нищенке. Похоронили Зинаиду Александровну в церкви напротив фонтана Треви – Санти-Винченцо-э-Анастасио, той самой, в которой под главным алтарем хранятся забальзамированные внутренности двадцати двух пап – от Сикста V до Льва XIII.

ТАНЦЫ У БАРБЕРИНИ

«Я живу в том же доме и той же улице, via Felice, №126. Те же знакомые лица вокруг меня; те же немецкие художники, с узенькими рыженькими бородками, и те же козлы, тоже с узенькими бородками; те же разговоры, и о том же говорят, высунувшись из окон, мои соседки...» – писал в феврале 1839 года Николай Васильевич другу детства Александру Данилевскому.

Гоголь продолжает работать над «Мертвыми душами»: Собакевич, Плюшкин, Коробочка появились из-под его пера именно в этом самом доме, на этой самой улице, славившейся антикварными

Перед иконостасом церкви Святителя Николая в Риме молился и Николай Васильевич

кофейной «Del buon gusto» отдыхающим на диване после завтрака, состоявшего из доброй чашки кофе и жирных сливок, за которые почасту происходили у него ссоры с прислужниками кофейни... <...> Затем отправлялись мы в разные стороны до условного часа, когда положено было сходитьсь домой для переписки поэмы. Тогда Гоголь крепче притворял внутренние ставни окон от неотразимого южного солнца, я садился за круглый стол, а Николай Васильевич, разложив перед собой тетрадку на том же столе подальше, весь уходил в нее и начинал диктовать мерно, торжественно, с таким чувством и полнотой выражения, что главы первого тома «Мертвых Душ» приобрели в моей памяти особенный колорит», – писал Анненков. Порой критик не выдерживал, бросал перо и начинал хохотать. А когда была завершена диктовка фрагмента, в котором описывается сад Плюшкина, то «по окончании всей этой изумительной VI-й главы я был в волнении и, положив перо на стол, сказал откровенно: «Я считаю эту главу, Николай Васильевич, гениальной вещью». Гоголь крепко сжал маленькую тетрадку, по которой диктовал, в кольцо и произнес тонким, едва слышным голосом: «Поверьте, что и другие не хуже ее», – вспоминал Павел Васильевич. – В ту же минуту, однако ж, возвысив голос, он продолжал: «Знаете ли, что нам до сенаге (ужина) осталось еще много: пойдите посмотреть сады Саллюстия, которых вы еще не видели, да и в виллу Людовизи поступимся». <...> Гоголь взял с собой зонтик на всякий случай, и, как только повернули мы налево от дворца Барберини в глухой переулок, он принялся петь разгульную малороссийскую песню, наконец, пустился просто в пляс и стал вывертывать зонтиком на воздухе такие штуки, что не далее двух минут ручка зонтика осталась у него в руках, а остальное полетело в сторону. Он быстро поднял отломленную часть и продолжал песню».

и сувенирными лавками, в которых простодушные туристы скупали фигурки из коралла и гравюры Пиранези с видами Рима. В начале 1841 года Николай Васильевич ненадолго едет в Россию, но вскоре возвращается в Рим – снова на улицу Систи́на (улица Феличе была переименована в Систи́ну. – Прим. авт.). Вместе с ним селится молодой филолог Василий Панов, который под диктовку писателя переписывает готовые главы поэмы набело. А в мае того же года в

Рим приезжает давний друг Гоголя, литературный критик Павел Анненков, который сменяет Панова в роли переписчика. Благодаря его воспоминаниям, мы знаем, как Николай Васильевич трудился над «Мертвыми душами». «Гоголь вставал обыкновенно очень рано и тотчас принимался за работу. На письменном его бюро стоял уже графин с холодной водой из каскада Терни, и в промежутках работы он опорожнял его дочиста... <...> Почти каждое утро заставал я его в

Мост через Тибр ведет к Замку Ангела

В Риме до сих пор можно обнаружить старые антикварные лавочки

УЛОВКА С АНГЕЛАМИ

Кого и куда бы ни водил Гоголь в Риме, большинство своих экскурсий он неизменно заканчивал собором Святого Петра. «Это так следует, – объяснял он. – На Петра никогда не наглядись, хотя фасад у него комодом». Как вспоминает приятельница Николая Васильевича, фрейлина императорского двора Александра Смирнова-Россет, по приезде ее в 1842 году в Рим Гоголь немедленно нанес ей визит, спросил карандаш и лоскуток бумаги и начал составлять список того, что нужно посмотреть обязательно. При входе в собор Святого Петра, пишет Смирнова, «Гоголь подкалывал свой сюртук, и эта метаморфоза преобразовывала его во фрак, потому что кустоду (сторожу. – Прим. авт.) приказано было требовать церемонный фрак из уважения к апостолам, папе и Микельанджело».

Побывавшего в Риме в 1839 году историка и публициста Михаила Погодина Гоголь тоже водил в собор Святого Петра. И для большего удивления гостя проделывал там свой знаменитый фокус. «Гоголь потащил меня тотчас в Храм Св. Петра, – вспоминал Михаил Петрович. – Вот мост Св. Ангела, вот Тибр (Тибр!), вот мавзолей Андрианов, вот и площадь Св. Петра с Сикстиновым обелиском. Вхожу в церковь и хожу как сумасшедший. <...> Тут Гоголь произвел свой любимый эксперимент, чтобы удивить новичка размерами собора. Гоголь поставил меня у одного простенка и спросил – видишь ли напротив этих мраморных ангельчиков над чашею? «Вижу, ну и что же?» «Велики ли они?» «Что за велики – маленькие». «Обернись-ка». Я обернулся и увидел перед собою, под пару с тем, маленьким, двух почти колоссальных».

Гоголь с Погодиным обошли римский форум, побывали на Капитолии, в Колизее, прошли всю Корсо. Погодин был в восхищении. Его потрясла папская базилика Санта-Мария Маджоре, на украшение потолка которой пошло первое золото,

Роскошный потолок церкви Санта-Мария Маджоре

доставленное из Перу и подаренное папе Александру VI испанской королевой Изабеллой Католичкой. Он пришел в восторг от кафедрального собора Рима – Сан-Джованни ин Латерано с папским престолом и великолепными фигурами двенадцати апостолов, украшающими неф церкви. Они побывали на вилле Боргезе, в Пантеоне, где нашел вечный покой великий Рафаэль, любовались Замок Святого Ангела, гуляли по Трастевере, где жил Джузеппе Белли – поэт, прославившийся своими сонетами, написанными на

римском наречии. Гоголь познакомился с ним, скорее всего, на одном из салонов Волконской в палаццо Поли и пришел от итальянца в полный восторг. В его стихах «столько соли и остроты, совершенно неожиданной, и так верно отражается в них жизнь нынешних транстеверян, что вы будете смеяться...» – писал Гоголь своей бывшей воспитаннице Марии Балабиной, у которой он был гувернером в те времена, когда жил в Санкт-Петербурге.

Нагулявшись по Риму с раннего утра, Гоголь обычно приво-

В Пантеоне находится могила великого Рафаэля

дил Погодина в гостиницу «Ле-пре» на виа Кондотти или к Испанской лестнице – обедать. Но сам никогда не оставался в ресторане, оправдываясь тем, что не имеет аппетита и почти ничего не ест. Встретившись у Волконской с художником Федором Бруни, Погодин в беседе упомянул об этом и пожалел бедного Гоголя: «У него желудок расстроен, он не может есть ни-

чего». Бруни в ответ расхохотался: «Да мы ходим нарочно смотреть на него иногда за обедом, чтоб возбуждать в себе аппетит: он ест за четверых. Приходите, когда угодно, около шести часов к Фалькони». Погодин не преминул воспользоваться советом. «Отправились мы гурьбой на другой день к Фалькони, – пишет он. – <...> Мы пришли и заперлись наглухо в одной ка-

Размеры собора Святого Петра поражают всех, кто здесь оказывается

Так выглядит древний римский форум с Палатинского холма

морке подле Гоголевой залы, сказав, что хотим попить особо, и спросили себе бутылку Джансано. К шести часам, слышим, действительно, является Гоголь. <...> Он садится за стол и приказывает: макарон, сыру, масла, уксусу, сахару, горчицы, ravioli, брокколи... Мальчуганы начинают бегать и носить к нему то то, то другое. Гоголь, с сияющим лицом, принимает все из их рук за столом, в полном удовольствии, и распоряжается: раскладывает перед собой все припасы, – груды перед ним возвышаются всякой зелени, куча сткланок со светлыми жидкостями, все в цветах, лаврах и миртах. <...> В эту минуту наша дверь с шумом растворяется. С хохотом мы все бежим к Гоголю. – «Так-то, брат, – восклицаю я, – аппетит у тебя нехорош, желудок расстроен? Для кого же ты это все наготовил?» Гоголь на минуту сконфузился, но потом тотчас нашелся и отвечал с досадою: «Ну, что вы кричите, разумеется, у меня аппетита настоящего нет. Это аппетит искусственный, я нарочно стараюсь возбудить его чем-нибудь, да черта с два, возбужу, как бы не так!..»

ОШИБКИ В ДУХЕ ГОГОЛЯ

В доме на улице Систина Гоголь прожил до мая 1843 года. Затем он долго путешествовал по Европе, отправился в паломничество на Святую землю и наконец вернулся в Россию. С осени 1851 года Николай Васильевич поселился в Москве – в доме своего друга графа Александра Петровича Толстого. Здесь 21 февраля 1852 года великий русский писатель, не доживший месяц до своего 43-летия, скончался. За десять дней до смерти Гоголь сжег в камине второй том «Мертвых душ»...

В 1901 году на доме №126 по улице Систина представители русской общины Рима установили белую мраморную доску, на которой по-русски и по-итальянски начертано: «Здесь жил в 1838–1842 годах Николай Васильевич Гоголь. Здесь писал «Мертвые души». Благодарные почитатели писателя ошиблись

Вилла Боргезе, в садах которой любил гулять Николай Васильевич Гоголь

с последней датой, но разве подобные казусы не в духе Николая Васильевича?

И вот вам еще один напоследок. Мы ведь так и не нашли памятник Гоголю в садах Боргезе. Навигаторы не помогли. На бумажной карте он отмечен не был.

Восстановленный камин в доме А.П. Толстого в Москве, где Гоголь окончил свои дни

Мы попытались решить проблему с помощью поисковика, надеясь отыскать описание пути к бронзовому писателю у блогеров. Тщетно! «Два часа искала памятник Гоголю в Боргезе – так и не нашла!», «Облазил весь этот сад, но Гоголя не встретил», «Устали искать и ушли из садов, так и не поклонившись нашему любимому писателю». Судя по всему, Николаю Васильевичу и здесь удалось устроить мистификацию!

Что ж, придется снова приехать в Рим Гоголя, чтобы все-таки положить букет цветов к ногам автора бессмертных «Мертвых душ». Тем более что, вернувшись в Москву, мы все-таки разыскали подробное описание пути к памятнику. И в следующий раз мы обязательно встретимся с вами, Николай Васильевич. 🍷

Окончание. Начало см.:
«Русский мир.ru» №9 2018 года.

Подписывайтесь на журнал

Русский Мир.RU

Во всех почтовых отделениях России:

по каталогу агентства
«Книга-Сервис» –
«Объединенный каталог.
Пресса России.
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

В почтовых отделениях стран СНГ:

по каталогам
«Российская Пресса»
ОАО «Агентство
по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«ИНФОРМНАУКА» на сайте
www.informnauka.com

Корпоративная подписка по Москве (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@ruskiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2

www.ruskiymir.ru